

ГОРЬКИЙ ШОКОЛАД

Айя Субботина
Максим Субботин

Габриэль живет в мире, который существует между приготовлением кофе в дешевой закусочной и сном на грязном полу трейлера. У Эль есть мечта — выучиться и вырваться из этого мира, стать независимой. Несбыточная мечта, но это все, что у нее есть. Когда Марго, предлагает пару недель пожить в доме ее старшего брата, Эль соглашается, надеясь, что хотя бы там прошлое не найдет ее и она сможет полностью сосредоточиться на учебе. Но у судьбы на этот счет другие планы, имя которым — Максимилиан Ван Дорт.

Богатый мужчина. Красивый мужчина. Сексуальный мужчина. Бездна обаяния.

Беги, Эль, пока он не сжег твое сердце...

Горький шоколад

— Как думаешь, мне стоит увеличить моих девочек?

Элен обхватила грудь руками и покачала, будто взвешивая.

«Только теленку нужно вымя», — про себя подумал Максимилиан, но говорить такое женщине после секса казалось неуместным. Поэтому он пожал плечами, стараясь выглядеть не слишком безразличным. Даже если секс с ней давно перестал доставлять удовольствие и превратился в какую-то механическую рутину. Сбросить напряжение — не больше. Как будто они сто лет жили в браке и до почечных колик осточертели друг другу, но супружеский долг ставили превыше всего. А ведь она оказалась в его койке всего-то месяц назад. То есть, формально говоря, это Элен затащила его в свою квартиру в Верхнем городе, потому что Макс придерживался правила никогда не водить разовых женщин к себе домой. Без исключений. Печальный опыт знакомых и друзей показывал, что чаще всего именно так начинаются все те вещи, которые он про себя называл «хрень с любовью».

— Тебе все равно? — Элен надула губы. Она утверждала, что вся их пухлость досталась ей от матери афро-американки, но Макс ни на секунду не сомневался, что Элен регулярно подкачивает их какой-то дрянью в салоне.

— Да нет, я думаю, что грудь... — Он поморщился, проталкивая вранье в горло, — сделает тебя еще более сексуальной.

Элен определенно рассчитывала на другой ответ. То есть, по злости в глазах, Макс совершенно точно понял, на что именно она надеялась: улучшить свои формы за счет щедрого любовника. Что ж, жаль будет ее разочаровывать, тем более после ее сегодняшнего минета он твердо решил, что этот секс будет последним. Расставаться нужно до того, как начнут разбухать никому не нужные претензии и, не дай бог, начнутся истерики.

Он откинул простыню, натянул боксеры, брюки. Рубашка безнадежно помялась, поэтому Макс просто закатал рукава, не потрудившись одеть пиджак. Элен сложила руки, выпятив свою и без операции выдающуюся грудь с невыразительными коричневыми сосками. У нее была хорошая задница — больше, чем в его вкусе, но упругая и отличной формы. Материнство в некоторой степени украсило ее: два года назад они познакомились на автовыставке, где Элен составляла компанию одному из тогдашних партнеров Максимилиана. Маркус Филд был мужчиной в почтенных седирах, и Макс сомневался, что его член настолько могуч, чтобы удержать около себя эту кобылицу. Впрочем, к чести своей, Элен не слишком-то старалась скрыть свои далеко идущие материальные цели. Через год богемную жизнь Манхэттана взорвал скандал вокруг дележа наследства скоропостижно почившего сморчка Филда. Трое его жадных до денег отпрысков сцепились с молодой вдовой не на жизнь, а на смерть. В итоге они добились теста на признание отцовства ее трехмесячного сына, который, как подтвердил анализ, не имел к Филду никакого отношения. Так Элен осталась без солидного пособия, без квартиры, без «Ролс-Ройса» и золотой кредитной карты, но с ребенком на руках.

Она так часто жаловалась, через что ей пришлось пройти, чтобы вернуть себе хотя бы тень прежней жизни, что Макс, в конце концов, перестал обращать на это внимание. В данный момент Элен устраивала его как непритязательная любовница, достаточно зрелая, чтобы дать себя оттрахать на первом свидании и не ждать по этому случаю конфет и воздушных шаров.

То есть, до сегодняшнего дня.

— Поужинаем в «Сити»? — спросила она, пока Макс пятерней приводил в порядок волосы.

— Боюсь, я буду очень занят всю следующую неделю, — ответил он, взглядом шаря вокруг в поисках часов — и нашел их на полу, под ее чулками.

— Тогда, на следующей? Моя подруга с приятелем собираются провести уик-энд на яхте, я надеялась, ты выкroiшь время для совместного отдыха.

«Полегче, детка!» — мысленно отозвался Макс. Совместная прогулка с друзьями — это то же самое, что знакомство с родителями. В свои тридцать Максимилиан Ван Дорн железобетонно решил, что все это семейное счастье не для него. Как говорится: плавали, знаем. После таких заявлений лучше сразу рубить по живому, да и не в его стиле поджигать хвост, как трепетный подросток.

— Слушай, Элен, мне жаль, что своим поведением дал повод думать, будто для меня это что-то большее, чем секс.

Он щелкнул застежкой часов, отметив, что время перевалило за полночь. Когда повернулся, женщина уже успела накинуть халат и нервно накручивала локон на палец. Что ж, она не врезала ему сразу, есть надежда порвать без бурной сцены. Впрочем, из своего богатого опыта Макс вынес еще и то, что любая, абсолютно любая женщина реагирует на разрыв либо криком, либо слезами, либо упреками. А чаще мозгодробительной комбинацией всего сразу. Единственным исключением из правил была Тина — его бывшая жена. Двойным исключением, потому что была еще и единственно женщиной, бросившей миллионера Максимилиана Ван Дорта. Может именно поэтому он до сих пор частенько ловил себя на том, что воспоминания об их совместной жизни заставляют его становится твердым в известном месте.

Макс тряхнул головой, выбрасывая неуместную ностальгию.

— Погоди-погоди, ты что — посылаешь меня к черту? — На лице Элен проявилась смесь злости и недоумения. — Да я час назад тебе отсосала, засранец!

Макс мысленно выругался. Все-таки сцены не избежать. Но раз любовница — теперь уже бывшая любовница — перешла на визг, он тоже волен не особенно расшаркиваться. В конце концов, ей за тридцать, не тот возраст, чтобы изображать оскорбленную невинность.

— Я сразу сказал, что долгоиграющие отношения меня не интересуют.

— И поэтому вваливался ко мне каждый день?!

Бесполезно разговариваться с женщиной, когда она сама все решила. Можно сколько угодно доказывать, что инициатором их встреч, как правило, была она же — бесполезно. И то, что за каждый их секс он расплатился щедрыми подарками, уже не имеет значения. Вот черт, как он упустил момент, когда эта охотница за деньгами решила сделать его папашкой для своего выкормыша?

«Стареешь, Макс, — пожурил он себя, — раньше у тебя нюх был острее на такие вещи».

Он зашнуровал туфли, закинул пиджак на плечо и вышел до того, как голову одуревшей любовницы посетила светлая мысль запустить ему в след чем-то тяжелым. Что ж, не самое неприятное расставание в его жизни, нужно признать.

«Ягуар» покорно ждал хозяина на парковке. Макс не любил пользоваться услугами водителя, но представительский образ жизни накладывал некоторые обязательства. Зато, если обстоятельства позволяли, всегда с удовольствием водил сам. Мало в жизни удовольствий, которые могут затмить ощущения ревущего, послушного рулю железного

хищника за чертову уйму денег.

Он погроме включил музыку и остаток пути до дома провел в компании Стинга и Боба Марли. Образ молодой Тины, раскинувшейся на красных простынях в их брачную ночь, торчал в голове, словно навязчивая идея. Она охотно скинула с себя все, но осталась в диадеме невесты. И была чудо, как хорошо в россыпи цветных брызг от отраженного в бриллиантах света свечей.

Его особняк располагался в Гринвич-Вилидж. Куча акров частной собственности, трехэтажная дизайнерская берлога, два бассейна, корт, поле для гольфа. Макс так редко бывал дома, что вряд ли помнил расположение хотя бы трети комнат. Вполне возможно, что в некоторые его ноги вообще не вступала. Статус акулы бизнеса обязывал иметь необъятную домину, хотя для его скромных холостяцких нужд хватило бы квартиры с парой спален, хорошей ванной и личным спортзалом. Последнее значилось первым в списке его обязательных ежедневных дел. Злость после сорвавшихся сделок или триумф победителя оказались замечательным и безвредным допингом. Сейчас его тело обрело подчеркнутый рельеф, а мышцы — тонус. Слава богу, природная склонность к худобе избавила от проблемы следить за лишним весом, скорее наоборот — пришлось пересмотреть рацион, чтобы добрать немного «мяса».

— С возвращением, мистер Ван Дорт, — Майк, его водитель, даже не скрывал, что рад вернуть «Ягуар» под свою опеку.

Макс бросил ему ключи, поднялся на крыльцо, удивился свету в окнах в третьем часу ночи. Его уже давным-давно некому было ждать, а дворецкий, по его же настоятельной просьбе, отправлялся спать после десяти.

В отделанном мрамором холле горел ночник. Макс уловил ненавязчивый аромат сладости каких-то тропических цветов, прикрыл за собой дверь — и остолбенел.

Мать Божья!

Около кофейного столика, спиной к нему стояла точеная, словно фарфоровая статуэтка, девушка. Она разглядывала коллекцию фигурок из слоновой кости и как раз скользила пальцем по изгибу кошачьей спинки. Девушка так увлеклась, что не сразу заметила его: непринужденно отбросила за спину темно-рыжие волосы, длинной до самой середины спины, и мурлыкала себе под нос какой-то незатейливый мотив. Она вернула статуэтку на место, повернулась — и их взгляды скрестились.

У незнакомки были совершенно невероятные глаза: огромные, темно-зеленые, как мох, и такие же мягкие. Чистое лицо без намека на косметику, щедро посыпанный крохотными веснушками нос, острый подбородок. И губы. О да, те самые естественно-полные губы, в поисках которых девицы вроде Элен оставляют у пластических хирургов уйму денег.

— Доброй... ночи, — Макс отлепил взгляд от ее смуглых гладких ножек, подчеркнутых короткими шортами-теннисками.

Она выглядела неожиданно привлекательно в своей простоте. Сколько ей? Лет восемнадцать, вряд ли больше. В его круг «общения» входили и такие, а, быть может, даже моложе. Иногда. Но те девицы всегда выглядели настоящими куклами, доведенные до блеска макияжем и косметологами.

— Могу я поинтересоваться, кто вы и что делаете в моем доме? — осведомился Макс.

Она выглядела напуганной, но не предпринимала попыток сбежать. Вариант о вторжении в частную собственность Макс отбросил сразу: воровка не стала бы вот так запросто включать свет и совсем уж по-детски играть с безделушками. Кроме того, он не

Бред Пит и не Ленни Кравиц, чтобы попасть под прицел фанатки. В определенных кругах его имя на слуху, но вряд ли способно конкурировать с голливудскими красавцами за долю женского внимания.

И прежде чем Макс добрался до следующего пункта, на него, словно торнадо, налетела его сестра. Марго Ван Дорт, собственной персоной, да еще и с гневливым синим взглядом.

Ох, черт, и как он мог забыть!

— Встреча в аэропорту была теплой, спасибо за беспокойство! — фыркнула Марго. — Мы тащились сюда на метро, потом еще тряслись в автобусе и пешком полчаса. Мама права — ты никогда не изменишься, Макс.

Она давно взяла за правило звать его исключительно по имени, слово «брат» исчезло из ее лексикона, и его это вполне устраивало. Макс так Макс, лишь бы не «этот засранец».

Две недели назад мать позвонила ему и попросила забрать сестру к себе на каникулы, пока она будет заниматься запуском линейки бутиков в Сан-Франциско. «Марго подала документы в Колледж Манхэттен и очень переживает. Ей нужно отвлечься». Макс охотно согласился, хоть Марго всегда отличалась дурным характером, вспышками беспричинной агрессии, да и времяпровождение сестры в его доме нельзя было назвать приятным.

— Я самый ужасный брат в мире, — он миролюбиво поднял руки ладонями вверх.

— Ты сукин сын, — тут же огрызнулась Марго.

Журить восемнадцатилетнюю девицу ростом в пять с четвертью футов, по меньшей мере, идиотизм. Да и за что ругать, если он действительно облажался. Вместо того чтобы забрать сестру из аэропорта, завалился к очередной бабенке.

— Можешь плюнуть мне в суп, — предложил он, — или поцарапать «Порш».

— Насчет «Порш»'а я подумаю.

Невольная свидетельница их стычки отошла в сторонку, затравленно озираясь по сторонам. Она была на голову ниже Марго, и такая тоненькая, словно питалась одной травой и солнечным светом.

Что ж, Марго привезла с собой подругу. Значит, он угадал с возрастом.

Марго проследила за его взглядом и все же соизволила представить их друг другу.

— Макс — это Габриэль Кромби, моя школьная подруга. Эль — это мой невоспитанный, негостеприимный брат, Максимилиан Ван Дорт.

— Рада знакомству, мистер Ван Дорт. — Она неуверенно протянула для рукопожатия узкую ладонь. — Марго всегда с теплом о вас отзывается.

Мистер Ван Дорт? Хрень собачья! Так его называют только компаньоны по бизнесу и люди, которые всеми силами стараются услужить или завоевать доверие. А эта мелкая пигалица не выглядит так, будто играет или хочет показаться лучше, чем есть. Простое уважение к его статусу или к возрасту?

— Очень приятно, Габриэль. — Он бережно пожал ее пальцы, удивившись полному отсутствию маникюра. Даже у Марго, повернутой на идее феминизма, ногти были покрыты лаком. Неряшливо обкусанным, но все же.

— Можно просто Эль, — предложила девушка и тепло улыбнулась.

На ее щеках появились трогательные ямочки, усеянных веснушками. Макс чуть заметно улыбнулся в ответ, ощущая себя каким-то динозавром рядом с этим одуванчиком. Но что хуже всего — у него встал.

«Твою же мать!»

С каких хренов? У него недавно был секс, а Эль вовсе не выглядит звездой вождения.

Слава богу, что в комнате полумрак, и девушка, кажется, не из тех, кто таращится на ширинку брата своей подруги.

— Можно просто Макс, — стараясь выглядеть как можно непринужденнее, предложил он.

Марго втиснулась между ними, обняла подругу за плечи и буквально подавила ее своим ростом. Эль сморщила нос, наигранно закатила глаза и попыталась избавиться от хватки Марго, но та тут же подпустила пальцы ей между ребер и принялась щекотать. Эль выгнулась сперва назад, потом вперед, чуть не огрев Макса лбом в плечо. Она зашаталась и если бы не его вовремя подоспевшая помощь, наверняка очутилась бы на полу. Сейчас она стояла так близко, что буквально обжигала запахом сочных фруктов и отравляла своей юностью. Она хихикнула, и в тот момент, когда его палец скользнул вверх по ее обнаженному локтю, Марго рванула подругу назад.

Макс судорожно сжал кулаки, сунул их в карманы.

Черт, черт, черт.... Черт!

— Ну и какую комнату мы можем занять? — Едва взгляд сестры оторвался от подруги, она моментально трансформировалась в стервозное чудовище с, как это модно говорить, неформальной точкой зрения.

— Комнату? На третьем этаже куча спален, занимайте хоть все, — он отступил назад.

В голове мелькнула дикая мысль навестить гостью ночью. А что, если она не дурра, то оставит дверь не запертой...

Макс тряхнул головой, отгоняя навязчивые мысли. Нет! Он не головой сейчас думает.

— Почему не на втором? — не унималась Марго.

«Потому что там моя спальня. Ну вас, от греха подальше».

— На третьем отличный вид из окон.

Он пожал плечами, надеясь, что сестре не приспичит сделать ему назло и получить то, чего нельзя. Она всегда была такой, стоило что-то запретить — и Марго тут же хотела это больше всего на свете. Просто потому, что привыкла ни в чем не знать отказа. А ведь он предупреждал мать о последствиях потакания всем ее капризам. Но Александру Ван Дорт было не переубедить: поздний брак после десяти лет траура по погибшему мужу — отцу Макса — неожиданная беременность, спустя два года после того, как врачи дали однозначный ответ, что она больше никогда не сможет иметь детей. Появления Марго на свет ждали, как пришествия господня. Он отлично помнил, как мать тряслась над ней, словно коршун, оберегая от всего, что, по ее мнению, могло причинить малышке вред.

— Ладно, — Марго будто делала ему одолжение. — И мы жутко голодны, кстати.

— Лючия всегда держит в холодильнике закуски. Есть фрукты, молоко, шоколад. — Макс наткнулся на разочарованный взгляд Марго. Господи, она что, всерьез вознамерилась вынести ему мозг? Пусть уже идут хоть куда-нибудь, лишь бы с глаз долой.

— Шоколад и молоко? Ты серьезно? Может еще тост с арахисовым маслом?

— Я люблю шоколад, — осторожно встряла Эль.

— По тебе и не скажешь.

Макс очертил взглядом ее фигуру, поздно сообразив, что буквально-таки напрашивается на судебный иск от ее родителей. Нет, формально, она достигла восемнадцатилетия, и по закону штата может иметь половые связи без предъявления удостоверения личности, но вряд ли ее милейшему отцу понравится, что любовником его дочери стал тридцатилетний жеребец. Хотя... весьма обеспеченный жеребец. С другой стороны, узнай он, что Марго

тягается с кем-то вроде него — вышиб бы придурку мозги. Двойные стандарты во всей красе, но что поделать.

— У Эль какой-то адский обмен веществ, сколько ни съест — а так и ходит, костями гремит, — Марго снова ткнула ее пальцем в ребра, но на этот раз Эль успела увернуться. — В отличие от нас, простых смертных, которым приходится подсчитывать калории и потеть в спортзале, чтобы не набрать лишнего.

Эль виновато улыбнулась. Она определенно чувствовала себя неловко, став объектом их обсуждения. Бедный затравленный ребенок. В этот момент Макс испытал давно позабытое чувство — укор совести. Надо же, обрушил на юное существо поток похотливых мыслей и желаний. Хотя, все же не поток — только тонкий ручеек, который задушил у самого истока. Ну, или, по крайней мере, очень постарался задушить.

«Нельзя трахать подруг своей сестры! Это некрасиво».

— В общем, дом в вашем распоряжении. — «Я — само радушие». — Только ради бога, не разнесите его по кирпичу хотя бы до утра.

— Умеешь ты кайф обломать, — подначила Марго, будто как раз раздумывала над этой идеей.

— Ты мешаешь мне вжиться в роль старого и строгого ворчливого брата. — Он нахмурился, пошевелил бровям, и наконец-таки заслужил у сестры что-то отдаленно похожее на одобрение.

— Вообще-то у нас тяжелые сумки, — непрозрачно намекнула она. Потом сокрушенно поглядела на подругу и одними губами произнесла: «Я же говорила...»

Макса так и подмывало спросить, какую именно черту его характера они обсуждали, но чего взять с двух малолетних девчонок — Марго наверняка выставила его невоспитанным чурбаном. И ведь глупо спорить.

Он подхватил багаж и широким шагом было направился к лестнице. Марго же с заговорщическим видом толкнула в плечо Эль, сграбастала ее за руку и с резвостью игрока в американский футбол понеслась прочь, устремляясь к лестнице. Несчастная Эль едва успевала переставлять ноги. Макс только головой покачал, провожая взглядом удаляющуюся попу веснушчатой гостьи.

«Спокойно!»

В штанах только-только улеглось. Все, хватит забивать голову ерундой! Что за вечер за такой? Луна не в той фазе, что ли?

И тут Эль споткнулась, не успела поставить ногу на следующую ступеньку — и упала на колено. Макс бросил сумки, подался вперед, чтобы в случае чего стать преградой на пути ее падения. И взглядом уткнулся в круглую попку, наполовину выставленную из белых шортиков. Он был так близко, что смог рассмотреть легкий намек на светлый пушок волосков на полукружиях ее ягодиц.

Твою мать!

Макс с шумом втянул воздух ноздрями, чувствуя, что остаток ночи проведет с железной эрекцией. Он до скрипа сжал челюсти, чтобы задержать вертящиеся на языке непристойности.

— Проклятье, Маргарита, что ты творишь?!

Получилось слишком громко, грубо и неуместно. Если кому и следовало возмущаться, так это Эль. Она же слабо охнула, попыталась встать — и снова охнула, пошарила вокруг в поисках опоры. Макс в два шага он оказался рядом, легко поймал ладонь Эль и так же легко

поднял девушку на руки. Она практически ничего не весила. Его пальцы невольно нащупали ребра под тонкой футболкой с застиранным принтом. Эль тут же схватила его за шею, пискнула что-то невразумительное и резко отстранилась, словно монашка от лика Сатаны.

— Ты в порядке? Что с ногой?

— Болит. Немного, — сдавленно ответила она.

— Да я же просто шутила! — психанула оказавшаяся не у дел Марго.

Макс отлично помнил, что точно так же она оправдывала каждую свою бестолковую выходку.

Он оставил реплику без ответа. Пусть помолчит хоть несколько минут, пока он окончательно не сорвал на ней злость. Мать «высоко оценит» его братскую заботу, если Марго первым же рейсом вернется домой.

Он легко преодолел два лестничных пролета. Близость тела Эль будоражила. Тепло от ее груди, которой девушка прижималась к нему так легко и непринужденно, будто это самая естественная вещь в мире, снова отворило в его голове дверь, из-за которой доносились стоны рыжей гостьи.

— Вам не стоит так беспокоиться, мистер Ван Дорт.

Он чуть не зарычал. Мысли пустились в галоп — туда, где он бросал ее на пол, срывал футболку и втягивал в рот соски, в перерывах приказывая звать его «Макс». Интересно, какого цвета ее соски? У рыженьких они, как правило, розовые.

— Гости Марго — мои гости. И я не такой уж плохой брат, как могло показаться.

— О, я и не думала...

Чего именно не думала Габриэль Кромби, Макс не узнал. Они оказались в широком коридоре, который по задумке дизайнера, представлял собой выдержанную в античном стиле галерею. Ранние работы Моне, Ван Гога и Модильяни разбавляли сонм экспрессионистов. Эль широко распахнула янтарные глаза, переключившись на созерцание шедевров.

— Это ваша коллекция? — Она не потрудилась повернуть головы, предоставив для разговора затылок.

— Вроде того.

— Это же... копии, да?

— Боюсь, что оригиналы. Люблю время от времени выбрасывать деньги на дорогую мазню.

Ого! Она все-таки повернулась, в зеленых глазах вспыхнуло совершенно сногшибательное негодование.

— Мазню?

— Эммм...

— Ну, все, Макс, тебе хана, — вмешалась Марго. — За Ван Гога ты, пожалуй, отделался бы просто тумаками, но за Моне она тебя порвет. У этой детки неслабый хук левой.

Макс и не думал обижать ничьи эстетические вкусы, и если бы знал, что напросится на такую злость в ответ, то придержал бы язык. Хотя, какого черта, он всегда говорит, что думает, и уж точно не изменит своим правилам ради сопливой девчонки.

Одно хорошо, эта короткая стычка немного остудила его пыл. Не до такой степени, чтобы перестать думать о ее теплой груди, но он хотя бы сможет нормально переставлять ноги, чтобы донести ношу до места назначения. Макс наугад выбрал комнату и удивился, увидев, что она выдержана в молочно-кремовых цветах. Вот что значит вовремя не

проверить все решения дизайнера. Оказывается, в его берлоге есть «Домик для Барби». Он вспомнил, что говорил дизайнеру — до того, как трахнул ее или после? — о том, что у него есть младшая сестра. Четыре года назад Марго, конечно, было четырнадцать, но и тогда она вряд ли бы выбрала эту комнату. Макс вдруг осознал, что в последний раз Марго гостила у него еще совсем сопливой девчонкой.

Макс уложил Эль на кровать, быстро отвернулся. Это какое-то испытание для его самообладания: юная малышка на розовом покрывале. У него определенно перегорели какие-то предохранители, потому что вещи, которые он предпочитал в сексе, были совершенно противоположного типа. Но будь он проклят, если в данную секунду Эль с разбросанными по подушке рыжими локонами не была самым сексуальным зрелищем на свете.

Макс быстро отошел от кровати.

— Я вызову своего личного врача, ногу нужно осмотреть.

— Все в порядке, мистер Ван Дорт, нет причины для беспокойства.

— Послушай-ка ты его, подруга, нога и правда выглядит неважно. — В кои-то веки Марго проявила солидарность с кем-то, кроме собственного эго.

Лодыжка Эль заметно распухла. Макс изредка любил делать вызов своему телу и отправлялся штурмовать какую-то горную вершину, или кататься на лыжах или сноуборде, а потому травмы разной степени тяжести были ему не в диковинку. Судя по виду, у Эль действительно не было ничего серьезного. Вероятнее всего, растяжение. Но она сейчас в его доме, и он должен позаботиться о ней так же, как позаботился бы о Марго.

— Я принесу лед.

Он быстро спустился в кухню, нашел в холодильнике пакет со льдом и завернул его в полотенце. Но возвращаться не спешил. Нужно взять тайм-аут, навести порядок в голове. Его чересчур бурной реакции должно быть рациональное объяснение. Неожиданная гостья слишком сильно отличается от его привычных подружек — и в этом, скорее всего, дело. Нечто вроде подсознательного желания альфа самца перетрахать как можно больше женщин. И лучше, если они будут разными.

Большинство его подружек были... куда более осведомленными, что ли... в плане осознания себя, как женщин. И это независимо от их возраста. Они знали, чего хотят и могли предложить в ответ адекватные... услуги. Да, пожалуй, «услуги» — отличное слова по отношению к охотницам за «состоятельными кошельками». А он не видел в их поступках ничего зазорного. В конце концов, на любой спрос появляется предложение. Макс любил трахать на полную катушку — так, чтобы партнерша визжала от каждого толчка. Он считался классным любовником, и оснований подозревать за этими уверениями ложь у него не было.

А тут на горизонте появляется восемнадцатилетняя куколка — чистая и невинная, пахнущая жвачкой и мило краснеющая. И молодой кобель в нем взбрыкнул, желая доказать холеному жеребцу, что он запросто, не прилагая усилий, заставит ее позабыть о том, что такое смущение. Возможно, даже научит правильно сосать или...

Макс прошелся пятерней по волосам, потер шею. Секс с Элен не давал полного удовлетворения, видимо это тоже наложило свой отпечаток на его бурную реакцию по отношению к рыжей гостье. Пришло время завести новую горячую штучку для взаимного приятного времяпрепровождения. И худышка Эль выветрится из головы, как дурной сон.

Он вызвал доктора, а потом вернулся в комнату. Марго как раз распахивала вещи в

шкаф. Эль подложила подушки под спину и сидела с видом несчастного котенка. Макс проследил за действиями Марго. Она что, собирается жить здесь же?

— А у тебя с этим проблемы? — отозвалась она — и так Макс понял, что произнес вопрос вслух.

— Здесь всего одна кровать.

— И что?

Она повернулась, уперев руки в бока. Макс пожал плечами, присел около Эль и приложил пакет со льдом к лодыжке. Девушка поморщилась, ее нога дернулась, и волоски на коже встали дыбом. Он сочувствующе улыбнулся, изо всех сил стараясь вжиться в роль заботливого брата ее подруги. Хрена с два у него это получалось хоть сколько-нибудь хорошо. Просто удивительно, что она до сих пор не попросила его убратся вон, настолько откровенным он казался самому себе.

— Да делайте, что хотите, — Макс пожал плечами. — Не суди строго своего старого занудного братишку, я знать не знал, что один шкаф на двоих — это офигительно прикольно.

Эль быстро попыталась прикрыть лицо подушкой, но он успел заметить широкую улыбку.

— Что?

— Просто старые занудные братья обычно не говорят «офигительно прикольно», — хихикнула она.

— Я подхватываю эти дурные словечки... — он чуть было не сказал «от девиц, которых имею», — на семейных ужинах. У многих моих коллег по бизнесу дети вашего возраста.

Марго наконец закончила распаковывать вещи. То есть, она просто выгребла их скомканный ворох и кое-как распихала по полкам. У Эль была всего одна дорожная сумка, да и та слишком маленькая. Похоже, она не любила наряжаться.

— А теперь, старичок, можешь оправляться спать. Дальше мы сами разберемся. — Сестра замахала руками, будто гнала прочь бродячее животное.

— Для начала я встречу доктора, если не возражаешь.

Макс и сам был рад убратся подальше.

Доктор приехал без четверти четыре. Брат Марго завел его в комнату, вкратце описал произошедшее, высказал соображения насчет возможных повреждений. Потом вышел, предоставив доктору заняться делом.

Так Эль узнала, что у нее растяжение.

— Несколько дней походить с тугой повязкой и не трудить ногу — и будет полный порядок, — уверил ее круглолицый мистер Сильвер. — Я выпишу рецепт для мази.

Эль поджала губы. Интересно, сколько она стоит? В ее кошельке было полторы сотни, и на эти деньги предстояло как-то прожить две недели. Столько они с Марго планировали задержаться в Манхэттене. Столько времени требовалось учредительному совету «Колледж Манхэттен» чтобы рассмотреть их с Марго кандидатуры.

Пока доктор выписывал рецепт, Марго как ураган носилась по комнате и вносила хаос в гармонию. Вот так с ней всегда — она меняет под себя абсолютно все, к чему дотрагивается. Эль потянулась за листочком с названием мази, но подруга опередила ее: бесцеремонно выхватила рецепт и понеслась вручать брату. Эль чувствовала себя совершенно раздавленной. Хотя бы потому, что они были из разных миров, и мир, в котором жила Маргарита Ван Дорт был так же далек от ее мира, как Юпитер от Земли. Стоило переступить порог дома мистера Ван Дорта — и Эль как никогда остро это поняла.

Единственное, чему она не могла найти объяснения — дружба с Марго. Девчонке, выбравшей «Колледж Манхэттен просто «за компанию» совершенно не было резона водить дружбу со сверстницей, которая подрабатывала посудомойкой, официанткой и сменщицей в универмаге, ради того, чтобы заработать денег на еду.

— Я рад, что все обошлось. Было бы очень неприятно, если бы гостя Марго сломала ногу на первом часу визита в мой дом. Завтра я куплю все необходимое.

Максимилиан Ван Дорт сложил листок и спрятал его в карман брюк. Он чуть посторонился, позволив Марго влететь в комнату, но сам так и остался стоять в пороге.

— Мне так неловко, что доставляю столько хлопот. — Эль ни на грамм не лукавила.

— Это незначительные хлопоты, — улыбнулся он.

Эль вздрогнула, когда к своему ужасу поняла, что ерзает попкой.

Марго так часто повторяла, что у нее потрясающий брат — она звала его только «Макс» — что у Эль задолго до приезда сложился о нем определенный образ. Она несколько раз видела его фотографии в журналах о бизнесе, которые приносила Марго. Однажды Максимилиан даже засветился на обложке «Men's Health», примерно в том же виде, в котором стоял сейчас в десятке шагов от нее: брюки с заниженной талией облегают узкие бедра, рукава рубашки фривольно закатаны до локтя. Уже тогда Эль не могла не отметить его великолепное сложение. Не нагромождение мышц, но четкие выпуклые контуры, широкая спина, узкая талия, длинные ноги. И, о боже, невероятная задница!

Господи, она только что впервые в жизни подумала о мужской заднице!

Эль забылась и не заметила, что позволила мыслям уйти слишком далеко. Непозволительно далеко. Глупо далеко.

Брат Марго был, совершенно точно, самым красивым мужчиной из всех, которых она встречала своей жизни. И фотографии не могли передать даже сотой доли его бешеной энергетики.

— Пойду найду нам что-то перекусить, а то от тебя дождешься, — заявила Марго.

Ну и зачем она так с ним? Эль знала всю подноготную их отношений: про развод то, что отец Марго, моложе ее матери на десять лет, в один «прекрасный» день имел горничную и Александра Ван Дорт застала его за этим занятием как раз, когда на день раньше выписалась из реабилитационного центра, где восстанавливалась после курса химиотерапии. Потом был развод, и огромная сумма денег, которую молодой кобель возжелал получить по условиям брачного договора, беспощадно пеняя на то, что на измен его толкнуло отсутствие нормального секса и тот факт, что его жена осталась без груди. Максимилиан был в ярости, требовал, чтобы мать наняла столько дорогих адвокатов, сколько потребуется, лишь бы оставить подонка ни с чем. Александра отказалась и безропотно отдала теперь уже бывшему мужу всю сумму. На почве этого между сыном и матерью случился разлад: ему не нравилось, что Александра дала прессе повод судачить об их семье, а она обижалась на его черствость. Во время одной из «сцен» Марго стала случайной свидетельницей того, как Макс, не стесняясь в выражениях, обозвал ее отца пи*аром, который не способен ни на что, кроме траха и заделывания детей.

Эль снова не удержалась от сравнения. Все, что она получала от своего отца — широкий и изощренный ассортимент побоев. И это была единственная вещь на свете, которую он ей давал. Не считая попыток всучить своему приятелю, которому проигрался в карты.

— Все в порядке? — Вкрадчивый вопрос Максимилиана буквально за шиворот выудил ее из тошнотворных воспоминаний. — Ты побледнела.

— Просто усталость после перелета.

Обоим было ясно, что лгунья она посредственная. Но он не стал допытываться.

— Тогда не буду мешать. Вам с Марго нужно как следует выспаться.

Он уже почти вышел, когда Эль отважилась сказать:

— Мне так стыдно из-за того, что накинута на... вас... из-за мазни. — Слова едва проскальзывали в горло, она сама себя слышала с трудом. — Просто Моне...

— Вообще никаких проблем, — Макс снова улыбнулся, — впредь буду осторожнее в выражениях с подругами Марго. Оказывается, среди них есть те, кто способен по достоинству оценить произведение искусства. Я сам, к сожалению, совершенно ничего в этом не смыслю.

У него была потрясающая улыбка: открытая, мягкая, располагающая. Сексуальная. Одна из напарниц Эль по «Цыпочкам» любила говорить, что у мужика есть два способа уложить телку на спину и раскрутить ее на секс: толстый бумажник и нормальная улыбка. Девчонка так часто меняла любовников, что наверняка знала, о чем говорит.

Максимилиан Ван Дорт только что без малейших усилий уложил Эль на лопатки.

Да уж, слишком много непотребных мыслей в голове девственницы, как для одного дня. Хотя, их в принципе уже больше, чем за все восемнадцать лет до этого.

Соски под одеждой напряглись, и Эль с ужасом увидела, что футболка выставила это напоказ, словно событие века. Она резко рванула одеяло на себя, но пальцы запутались в кружевном одеяле. Эль представила, как выглядит со стороны: ни с того, ни с сего стала барахтаться в покрывалах прямо посреди разговора. А что если он все-таки успел заметить? Поднимать взгляд было едва ли не самым сложным, что ей приходилось делать в последнее время. Мытье посуды после двойной смены — просто цветочки по сравнению с давящим, размазывающим по стенке чувством стыда.

«Господи, сделай так, чтобы он ушел. Пусть исчезнет, иначе я просто не выдохну».

— Замерзла? Утром попрошу Сэмюэля включить отопление.

— Все в порядке, это последствия перелета. Я ненавижу летать. Всегда кажется, что именно мой самолет упадет. Хотя по статистике количество людей, погибших в авиакатастрофах в десять раз меньше, чем количество погибших в автомобильных авариях. Мой мозг просто отказывается это понимать.

— Меня в самолете всегда трясет, — заговорщицки, будто открывал большую тайну, признался Максимилиан.

Эль все-таки оторвала взгляд от своих коротко обстриженных ногтей. Он оперся бедрами на комод, скрестил руки на груди и выглядел крайне серьезным. Хотя в уголках его рта пряталась плохо замаскированная улыбка. Эль бы наверняка ответила на нее, но не могла оторвать взгляда от его рук. Жилистые, смуглые, с выпуклыми венами. Не покрытые жутким зарослями волос, как у завсегдатаев «Цыпочек», но с легка наметившейся порослью. За воротом рубашки, на груди, волос вообще не было. А еще эти его глаза: темно-серые, глубокие и пронизательные. Эль невольно сглотнула, когда на миг ей показалось, что этот взгляд заинтересованно разглядывает ее лицо. Хотя, какой у него может быть интерес? Такие мужчины не интересуются нищими студентками.

— Марго говорила, у вас личный самолет, — только и смогла сказать Эль.

Ну почему она такая идиотка?! Он же только что попытался поддержать ее, а она вместо этого принялась пенять ему доходами. Конечно, Максимилиан Ван Дорт мог позволить себе значительно больше, чем собственный самолет.

— Тем не менее, летать на нем ничуть не лучше. Разве что стюардесса подает дорогие напитки и не задает лишних вопросов. И кондиционер не шумит.

Эль все же улыбнулась.

Красивый мужчина. Богатый мужчина. Остроумный мужчина. Бездна обаяния.

Остановись, Габриэль Кромби, пока этот тяжеловоз не раскатал тебя на своем пути.

Ситуацию спасло появление Марго. Она что-то энергично жевала, а в руках несла блюдо со всякой всячиной. Максимилиан пожелал им спокойной ночи, вышел. Марго ногой захлопнула за ним дверь и буквально бомбой плюхнулась в кровать.

— Без понятия, что это все такое, — она взглядом очертила широкий ассортимент сыров, ломтиков мяса, рыбы и овощей, — но наверняка стоит дорого и привезено черте откуда. Макс помешан на здоровом питании.

— Что в этом плохого?

Она чуть было не добавила: «Особенно, если человек может позволить себе питаться чем-то получше, чем гамбургер или буритто».

— Да ничего, просто этот сыр пахнет ... странно. — Марго сунул под нос Эль ломтик сыра с синими прожилками плесени.

Пахнет, конечно, не очень, но Эль так проголодалась, что съела бы и слона. А запах... Так можно нос заткнуть. Она попыталась забрать у Марго ломтик, но та одернула руку, а потом снова помахала им, словно дразнила собаку. Ломтик оказался в сантиметре от рта Эль. Она снова попыталась его взять, но подруга прищелкнула языком.

— Без рук, — заявила она.

Эль почувствовала волну негодования. Она что же, дразнит ее, как бродяжку?

Если бы они не были знакомы уйму времени и не побывали во всяких передрягах, Эль ни на секунду не сомневалась, что так и есть. Но с Марго всегда было сложно. Она редко задумывалась о том, как выглядят ее поступки со стороны, как они могут ранить других людей. Более того, когда Эль пыталась мягко урезонить ее, та лишь фыркала и заявляла, что жить по правилам, придуманным чертову кучу лет назад — полный отстой. И с тех пор не упускала случая переманить Эль на свою сторону. Марго Ван Дорт нравилось бросать миру вызов, и чем активнее мир сопротивлялся, тем напористее она становилась.

— К счастью, здесь еще много чего дурнопахнущего, — Эль показала подруге язык и ухватила сыр с тарелки. Удивительно, но его вкус буквально растекся по рту целым букетом пряности. — Господи, это... потрясающе!

Марго сунула кусок в рот, пожевала — и с отвращением выплюнула в салфетку. Красноречивое свидетельство ее гастрономических пристрастий.

— Я точно не буду стеснять своим присутствием твоего брата? — спросила Эль, когда они с Марго приговорили две трети содержимого тарелки.

— Ты что, правда веришь, что Макса можно смутить присутствием двух малолеток?

Эль утвердительно кивнула.

Две недели назад Марго огорошила ее предложением вдвоем съездить к ее брату. Они вместе подали документы в «Колледж Манхэттен» и обе изводили себя предстоящим результатом. Правда, Эль изводилась все же больше. Значительно больше. Настолько, что охотно брала вторые смены в кафе, чтобы к концу дня валиться с ног от усталости и смотреть сны без сновидений. Потому что, хоть они с Марго были вроде как на равных, между ними лежала пропасть. Хотя бы потому, что Эль рассчитывала попасть в число стипендиатов. И никак иначе, в отличие от Марго, в трастовом фонде которой лежала

сумма, сторицей покрывающая и перекрывающая плату за обучение. И хоть они никогда не обсуждали это, не случилось такого дня, чтобы Эль не думала о последствиях своего провала. «Любишь ты слишком далеко замахиваться, Эль, — говорила мать в ответ на любую ее случайно высказанную мечту. — Девчонки вроде нас находят порядочного парня, разводят ляжки и дают ему трахать себя до тех пор, пока он не расщедрит на сраное кольцо из ломбарда». После того, как Эль огрызнулась, что она-то сама не сподобилась выбрать порядочного, мать поколотила ее куском мыла в носке. Свернувшись калачиком в углу, Эль впервые в жизни безропотно и молча сносила побои. Тогда она решила, что больше никогда не будет плакать, не будет умолять пожалеть ее. Пусть уж лучше забьют до смерти. И если на отца ее остервенелое молчание действовало отрезвляюще, то мать еще больше заводилась. «Да что же ты молишь, ссука?! — в пятном угаре вопила миссис Кромби. — Думаешь, чтс лучше мамки? Тварь! Я на тебе места живого не оставлю!» Так бы, скорее всего, и случилось, если бы в один из сеансов «родительской любви» мать не настиг инфаркт. Она схватилась за сердце и...

— Ты же не против, что мы будем жить вместе?

Слава богу, Марго вовремя выудила ее из той части воспоминаний, которую Эль накрепко заперла в своем сердце. Это — табу. Неприкосновенная тема. То, о чем нельзя рассказывать никому, разве что святому Петру перед воротами в Царство Божие. Если, конечно, ее туда пустят после всего содеянного.

— Это дом твоего брата, — с некоторым непониманием отозвалась Эль, — ты можешь жить, где хочешь.

Марго ответ явно пришелся не по вкусу. И Эль сразу поняла почему, но подруга уже завелась.

— Ты делаешь это нарочно, — кивая в такт своим мыслям, сказала Марго, — берешь кусок дерьма — и кладешь между нами. Типа: «Ты у нас золотая девочка, а я бедная-несчастливая Эль».

Эль хотела возразить, но... разве Марго не права? Ведь именно она, а не подруга при каждом удобном случае тыкает в ее социальный статус, словно это уродливая болячка. Марго никогда ни словом, ни случайным жестом не давала повода думать, что ее саму это беспокоит. Напротив, подруга поняла и приняла ее желание быть во всем с ней в доле, будь то кофе в закусочной или организация совместного вечернего киносеанса. Марго даже ходила с ней по распродажам и комиссионкам, и постоянно шутила, что только в таких магазинах можно найти джинсы от «Levi's» за три бакса.

— Прости. Я, как обычно, сказала не подумавши.

— Знаешь, что? — Звучавший в голосе подруги вызов обещал, по меньшей мере, восход на Эверест. — Завтра Макс укатит на свои страшно деловые встречи, а мне, чтобы я не скучала, оставит свой волшебный «золотой» пластик. Не спрашивай, откуда я знаю — он жутко предсказуем по части обеспечения моего комфорта и избавления себя от необходимости вживаться в роль заботливого старшего брата. Так вот, моя дорогая Эль, — Марго так резко схватила ладонями ее за щеки, что Эль чуть не подавилась долькой ананаса, — мы завалимся во все самые дорожные магазины, какие только есть на Пятой авеню, и потратим столько, сколько понадобится, чтобы ты перестала думать, будто меня волнует твой социальный статус.

Пока Эль соображала, чтобы такое ответить, ладонь Марго сползла ниже, большой палец очертил линию нижней губы. Она была так близко, что их дыхания смешались.

— Я думаю... — Эль отстранилась, — это ... неплохая идея.

Она так не думала, она думала, что это самое ужасное, что только могло взбрести Марго в голову, но повиновалась внутреннему голосу, который говорил: «Дай ей, что она хочет, иначе эта пытка не прекратиться». И на краткий миг в памяти воскрес образ матери с носком в руке. Вот она раскачивает его, потом начинает остервенело раскручивать, так, что воздух рвется в клочья. Бах! Кусок мыла обрушивается на спину, выколачивая дыхание из легких — и отскакивает, чтобы набрать новый разгон.

— Вот и отлично, — уgomонилась Марго. — Тогда я первая в душ, а ты пока разбирай сумку. — Подруга покосилась на ее тощую поклажу, неодобрительно нахмурилась, но тут же снова заулыбалась. — Ну или можешь прийти потереть мне спинку.

Эль всегда до чертиков пугалась этого выражения ее лица. Слишком серьезного, чтобы расценивать слова, как шутку, но с другой стороны — она ведь не может говорить такие вещи всерьез? Нет никакого криминала в том, что две девчонки по-дружески помогают друг другу: делают прически, меняются платьями, одалживают духи для важного свидания. Нов последнее время Марго стала слишком часто позволять себе такие шутки. Не то, чтобы Эль они были неприятны, она просто не понимала подтекста. И уж точно не собиралась реагировать на них. Понятно же, что Марго просто валяет дурака, пусть и выбрала для этого самую странную тему из возможных. Так или иначе, но просто пропускать эти заявления через себя — оптимальный вариант. Марго, чего доброго, обидится, если поймет, что она хоть на секунду допустила мысль о серьезности ее предложения.

— Ты уж как-нибудь сама, подруга.

После ухода Максимилиана прошло достаточно времени, чтобы Эль взяла себя в руки и даже смогла свесить ноги с кровати. Вывихнутая лодыжка болела, будто ее пропустили через шкуродерку.

— Давай помогу.

Марго попыталась нырнуть ей подмышку, подставить плечо, но Эль вовремя увернулась. Последнее, что ей сейчас нужно — физический контакт с кожей другого человека.

— Ну и ладно, — надулась Марго и исчезла в ванной.

Эль смогла перевести дух только когда щелкнул дверной замок. Наконец-то, у нее есть несколько минут, чтобы привести в порядок мысли. Распаковать сумку она успеет и завтра, все равно среди ее багажа нет ни одного платья, которое бы следовало немедленно развесить. Платье у нее в принципе вообще было всего одно за всю жизнь, и она выросла из него пять лет назад. Хотя, с гигиеническими принадлежностями нужно разобраться все же сегодня.

Скромный набор косметики Эль разместила на уголке туалетного столика. Вещам хватило всего одной полки, и еще одну она заняла под белье и носки. Все это время Эль старалась не смотреть на кровать и не думать, что за нелегкая дернула Марго делить одну комнату. Эль поморщилась, представив, что на расстоянии вытянутой руки будет лежать кто-то посторонний. То есть ее буквально колотило от злости при одной мысли об этом. В последний раз, когда она проснулась и поняла, что не одна в своей крохотной кровати, это был... кошмар.

Что же за наказание такое? В доме полно комнат, даже Максимилиан был удивлен таким решением Марго. Эль тихо надеялась, что он вразумит сестру, но тот, похоже, собирался во всем ей потакать. Зная вздорный характер Марго, его было тяжело винить за то, что выбрал самый легкий из вариантов.

Эль переоделась в пижаму, распустила волосы. И как раз вовремя: Марго вышла из ванной, завернувшись в полотенце. Слишком короткое для ее роста. И трусы она одеть не потрудилась. Эль быстро отвернулась, хоть с ее ногой это оказалось тем еще испытанием. Марго оказалась сзади, притиснулась к ней так, что у Эль дух вышибло из груди. Подруга осторожно отвела волосы ей на грудь.

— Зря не пришла, — сказала она, и дыхание опалило кожу в том месте, где на шее заканчивается линия роста волос.

— Я устала. Очень.

Эль отшатнулась от нее. Нужно куда-то спрятать взгляд, нужно смотреть куда угодно, лишь бы их взгляды не пересекались. Потому что если Марго вдруг увидит — она сразу поймет. Эль ничего не могла с собой поделать, ее буквально наизнанку выворачивало от одной мысли, что Марго продолжить делать то, что делает. Еще и дверь заперта.

Из груди вырвался стон поражения.

— Да что с тобой? — Марго, похоже, все-таки обиделась. Уселась на кровать и нисколько не стесняясь своего вида, насупилась.

— Я просто нервничаю из-за — Эль широким жестом обвела комнату — ... всего этого. И я всегда плохо засыпаю на новом месте.

И не дав Марго шанса задать еще один вопрос, совершила позорный побег в ванну. Разделась, встала под душ — и до упора открыла вентиль холодной воды. На голову обрушился град ледяных струй. Чтобы не закричать, Эль что есть силы прикусила ладонь. Во рту появился соленый вкус крови, из глаз потекли слезы. Пусть лучше так, но она должна выплеснуть из себя все, должна опустошиться, чтобы стать чистым листом. Только так она сможет пережить следующий день.

Когда Эль, наконец, вышла из душа, Марго уже спала. Подруга заняла только половину постели, но Эль и не помышляла лечь рядом. Взяла подушку, расшитое покрывало, которое Марго неряшливо бросила на пол и устроилась на софе. Пришлось свернуться калачиком, но ей было не привыкать. Даже совершенно непригодный для сна предмет декора куда лучше, чем туалет в трейлере.

Эль провалилась в глубокий сон, а когда открыла глаза — солнце уже заглядывало в окна. Стрелки часов показывали девять утра. Эль с опаской покосилась на Марго, но та спала без задних ног. Можно перевести дух. Эль помассировала затекшие плечи, осмотрела ногу. Похоже, доктор все же преувеличил: лодыжка почти вернулась к своему естественному размеру, лишь некоторая отечность указывала на последствия вчерашней травмы. И только Эль решила, что день обещает быть интересным, как затылок надвое расколола острая боль. Она едва не закричала, прижала ладони к щекам и на цыпочках, ковыляя, вышла за дверь. Спуск на второй этаж оказался тем еще испытанием, потому что уменьшившийся отек никак не отразился на количестве боли, которая она продолжала испытывать при каждом жестком «приземлении» на стопу.

На шум ее шагов откуда-то из недр первого этажа безразмерного дома Максимилиана Ван Дорта появился мужчина в летах. Эль никогда не видела реальных дворецких, но их так часто показывали в кино, что она без труда угадала, кто перед ней. Сэмюель, так, кажется, его зовут?

— Доброе утро, мисс Кромби. — Его чопорный английский акцент заставил Эль срочным порядком искоренить из разговора молодежный слэнг. И откуда он знает, как ее зовут? — Мистер Ван Дорт предупредил меня, что у мисс Маргариты гости. Как вы себя

чувствуете?

Эль кое-как расправились с последними шестью ступенями и оказалась на том же самом месте, где и вчера. В голове воскресло воспоминание от первой встречи с Максимилианом. Он смотрел на нее с той уверенной решимостью, с какой хозяин жизни взирает на недостойную внимания мошкарку. Не надменный, но безучастный.

«Хватит, Эль! — выругала она себя. — Слишком много непотребных мыслей в адрес мужчины на двенадцать лет старше тебя».

— Доброе утро, — поприветствовала она и приправила слова улыбкой. — Мне жаль, что из-за меня столько хлопот. Как видите, уже почти все в порядке.

— Не сочтете ли вы бестактностью с моей стороны, если я позволю себе усомниться в ваших словах?

Этот человек говорил, как Альфред из «Бэтмена», а то и лучше. Эль еще больше устыдилась своего фривольного пижамного вида. Желание врать и храбриться улетучилось, ему на смену пришла острая потребность почувствовать чью-то заботу, хотя бы раз в жизни.

— Максимилиан просил передать вам это, — дворецкий протянул бумажный пакетик. Внутри лежали два тюбика с мазями и коробка с обезболивающим. Там же Эль нашла рецепт с показаниями к дозировке и количеству растираний. — У вас есть какие-то пожелания касательно завтрака?

— Я совершенно неприхотлива в еде, — быстро выпалила она, но видя, что Сэмюэль продолжает ждать более внятный ответ, исправилась: — Достаточно того, что любит Марго.

Он едва заметно кивнул, и оставил ее одну.

Эль никогда не бывала в таких домах. До вчерашнего вечера особняк матери Марго казалась ей самым красивым местом на земле: там пахло дорогим парфюмом, изредка появлялись мужчины и женщины в дорогих нарядах от Гуччи и Валентино, и на кухне всегда была гора лакомств. Лучшие моменты в ее жизни были неизменно связаны с этим домом и обитавшим в нем людьми. Александру, мать Марго, Эль без колебаний поместила на собственноручно воздвигнутый пьедестал «Мировая мама». Между Александрой и Марго существовала невидимая связь, они никогда, совершенно никогда не ссорились, понимали друг друга с полуслова. Эль на всю жизнь запомнила вкус ее первого в жизни шампанского, которого попробовала на вечеринке по случаю окончания Марго школы. Тогда Александра превзошла саму себя.

А Эль знала, что даже если небеса рухнут на землю — Александра Ван Дорт навсегда останется для нее идеалом матери. Той, которую Эль хотела бы для себя самой.

Эль пристроилась на диван, натерла ногу мазью и, как было написано в рекомендациях, втирала ее в кожу до тех пор, пока кожа не впитала все. Не самая приятная процедура, но совершенные пустяки в сравнении с побоями. Лодыжка покраснела, однако боль постепенно отступила. Зато под кожей будто огонь растекся. Он-то и выгнал Эль прогуляться по дому. В котором, как она успела убедиться, было на что посмотреть.

Интерьер гостиной был лаконичным, выдержанным в темно-синих и серых тонах. Ничего лишнего, каждая деталь на месте, даже черный рояль, который в другой ситуации она бы сочла демонстрацией доходов владельца. Сегодня Эль видела перед собой великолепный инструмент в благородной лакированной древесине. Она стиснула ладони в кулаки, чтобы не поддаться порыву поднять крышку, скользнуть пальцами по клавишам. В памяти всплыла сцена из «Красотки». А следом другая: интересно, скольких женщин Максимилиан Ван Дорт имел на спине этого красавца?

«Мне нужно срочно проветриться», — скомандовала она себе и вышла через заднюю дверь. Марго говорила, что там — бассейн, и ее брат не будет против, если они будут киснуть в нем двадцать четыре часа в сутки.

Утренняя прохлада немного остудила щеки, хотя ни капли не облегчили тяжесть внизу живота от мыслей о Максимилиане. Эль прошла в тени каких-то экзотических деревьев, свернула на дорожку из темно-зеленых мраморных плит, которая вела вдоль беседки в зарослях дикого винограда.

А вот и бассейн. Марго рассказывала, что он по-настоящему огромный, но Эль почему-то была уверена, что подруга преувеличивает. Реальность доказала, что на самом деле подруга сильно преуменьшала. Раза этак в три. Кроме того, у реальности для нее был еще один сюрприз — Максимилиан Ван Дорт, жестким кроллем рассекающий голубую воду.

В голове зашумело. Марго же говорила, что его не будет? Стоп, не так, Марго предполагала, что его не будет, но ведь...

Дальше мысли текли вязко, потому что взгляд оказался целиком прикован к этому мужчине. Он делал широкие замахы, скользил в воде с хищной грацией акулы и был настоящим наслаждением для глаз. Эль честно старалась заставить непослушные ноги со всех сил бежать прочь, но они словно выросли в мрамор.

«Ну же, — ругала она себя, — повернись — и беги, пока он слишком занят, чтобы тебя заметить»

Вот хохма-то будет, когда брат Марго увидит ее в этой пижаме четырнадцатилетней девочки, из которой она давно выросла, но в которую, из-за природной худобы, каким-то непостижимым даже для себя образом умудрялась до сих пор помещаться.

Максимилиан доплыл до противоположного края бассейна, развернулся — и стал стремительно возвращаться. Эль потребовалось выудить из себя всю силу воли, чтобы сделать несколько шагов назад. Оторвать от него взгляд было почти невыполнимой задачей, но она все же справилась. Гипнотический эффект, производимый его движением в воде, понемногу развеялся и Эль повернулась спиной, чтобы совершить едва ли не самый позорный побег в своей жизни.

Позади раздался всплеск воды, а следом — участливый низкий голос:

— Габриэль? — Нота удивления была настолько очевидной, что Эль тут же покраснела. — Ты давно тут?

Язык Эль прилип к небу, и не было никакой возможности заставить его работать. Она невнятно промычала что-то, отдаленно напоминающее «Извините».

— Как твоя нога? Я просил Сэмюэля передать все необходимое. Думал, вы с Марго проваляетесь в постели для полудня. Не припоминаю, чтобы она любила вставать раньше.

— Марго еще спит, — едва слышно отозвалась Эль.

Нужно повернуться к нему, в конце концов, она гостя в его доме, которая в первый же час своего визита умудрилась доставить кучу хлопот. Будет сильно невежливо продолжать разговор «спиной».

Эль развернулась на пятках. Максимилиан стоял всего в двух шагах от нее. Слишком близко, чтобы свести с ума обонятельные рецепторы. От него пахло мужчиной. Нет, не так — Мужчиной. Самцом, хищником, который не упустит своего, а соперника разорвет в клочья даже если придется ввязаться в борьбу не на жизнь, а на смерть. Он был на целых две головы выше ее, загорелый, поджарый, с явно очерченным прессом — ни капли лишнего веса, каждая мышца доведена до совершенства. У него совершенно не было волос на теле, не

считая легкой поросли на предплечьях и ногах. И едва наметившейся темной дорожке, которая начиналась от пупка и пряталась в красных плавках от «Bon Bon Bodywear». Вид скатывающихся по этому великолепному телу капель воды вкручивался в Эль вместе с сонмом мыслей, которым не место в голове девственницы.

Да что же это творится?! Что происходит с ее телом, когда рядом появляется этот мужчина? Марго любила подтрунивать над ней, изредка переводя разговоры на тему секса. И всегда смеялась, что от слова «минет» она краснеет, а от «куниллигуса» превращается в мисс Морковку. Эль срочно требовалось сунуть голову в холод, а еще лучше — лечь в ванну со льдом. Может, это хоть не на долго остудит загоревшийся между ногами пожар.

— Спасибо за то, что побеспокоились обо мне, — едва ворочая языком, поблагодарила Эль.

— Я же сказал, что гости Марго — мои гости. И если тебя это успокоит: я бегаю по утрам, и у меня на пути есть аптека. Так что ты совершенно ничем меня не обременила.

— И все же...

— Я буду чрезвычайно рад, если мы закроем эту тему. — Он чуть склонил голову на бок, причесал пятерней влажные волосы. Тень щетины обозначила твердый контур подбородка. — И я настаиваю, чтобы ко мне обращались «Макс» и на «ты».

Эль собиралась ответить, что с этим нет вообще никаких проблем, но язык прилип к гортани и отказывался подчиняться. Она пыталась сказать хоть что-то, но в итоге промычала невнятную околесицу, в ответ на которую Максимилиан Ван Дорт заинтересовано прищурился.

— Я... постараюсь, — наконец, произнесла Эль. Сглотнула, будто это была настоящая пытка. — Просто мне нелегко...

— Это из-за моего возраста? — он приподнял бровь.

«Нет, о нет! Это из-за того, что на тебе эти плавки, и ты такой... идеальный. Лучше, чем модель из фитнес-журнала».

— Мне тяжело сблизиться с людьми, — вместо этого сказала она. И это тоже была чистая правда. — Вы... То есть, ты... В общем, это не имеет никакого отношения к возрасту, и ты такой...

«Заткнись уже, Эль, ради бога!»

Она сделала шаг назад, наивно полагая, что дистанция вернет ей самообладание. Напрасно: что бы ни превратило ее в безмозглую, неспособную связать пару слов идиотку, оно вряд ли куда-то денется, как бы далеко она ни отошла.

— Ты уже завтракала?

— Нет. Но я бы и слона слопала, наверное.

В ответ на это откровение Макс одобрительно улыбнулся. Потом закинул на плечо влажное полотенце, и с обезоруживающей улыбкой предложил:

— Я собираюсь принять душ и позавтракать. Может быть, раз Марго проспит до полудня, ты составишь мне компанию?

— Только если вас... — Эль чуть не прикусила с досады язык. — Только, если ты не против компании.

— Наверное, я бы не стал предлагать, если бы чье-то общество за столом в семь утра вызывало у меня изжогу.

Эль поняла, что густо и безудержно краснеет, но выдержала этот комментарий с честью. Будет ей наука: если сказать нечего, лучше просто молчать. Так она хотя бы не

выставит себя посмешищем.

Они договорились встретиться в столовой через пятнадцать минут: ровно столько Макс собирался потратить на душ, бритье и одевание. Эль быстро, насколько позволяла травма, поднялась в комнату, потихоньку скользнула в приоткрытую дверь, мысленно молясь, чтобы Марго продолжала спать. Убедившись, что подруга в постели, юркнула в душ.

Настоящая проблема нарисовалась ровно через десять минут, когда она, умытая, с почищенными зубами и влажными волосами, оценила свой скудный гардероб. Возможно, брюки и белую футболку? Или джинсы и бежевую блузку в цветочек, а-ля «гипси-стайл»[1]? Отлично, ну и на кого она будет похожа? Эль уже почти склонилась в пользу брюк, но в последний момент в голове будто что-то щелкнуло — и мысли вернулись в прежнее русло. Какая разница, что она оденет? Они просто позавтракают. Формально, удовлетворяя физиологические потребности своего организма в насыщении — и ничего больше.

В джинсах и белой футболке, Эль спустилась на первый этаж, и, ориентируясь по подсказкам дворецкого, нашла столовую. Правда, все равно немного заблудилась, поэтому, когда, наконец, вошла в столовую, Максимилиан уже сидел за столом и, изучая первую полосу газеты, потягивал кофе. Увидев ее, он поднялся, но Эль успела сесть напротив него. Вот так, чем дальше он будет, тем меньше риск превратиться из рациональной Габриэль в Эль-идiotку-с-гормональным-недержанием.

— Итак, какой факультет? — вежливо поинтересовался мужчина, когда она положила в тарелку ломтик омлета с какими-то совершенно невероятными приправами и овощным наполнителем. На вкус это было будто приперченное пряное облако: нежное и тающую на языке. — Честно говоря, удивлен, что Марго выбрала этот университет.

— Наверное, об этом лучше спросить у нее, — ушла от ответа Эль.

Не говорить же Максимилиану, что его сестра бросила попытки покорить куда более перспективный ВУЗ ради того, чтобы составить компанию своей нищей подруге. Даже демократичная Александра не очень одобрила эту идею, а Макс, кажется, вовсе не из тех людей, кто знает о существовании «импульсивности». Хотя, чего душой кривить: решением Марго руководила вовсе не импульсивность.

— Возможно, так и поступлю. — Макс отложил газету, ловко разрезал свою порцию на несколько ломтиков и, прожевав один, повторил вопрос: — Так какая специальность у тебя, Габриэль?

— Журналистика.

Он выглядел удивленным и заинтересованным одновременно.

— Честно говоря, был уверен, что ты выбрала педагогику.

— Я произвожу впечатление ботаника? — натянуто улыбнулась она.

— Нет, Габриэль, ты производишь впечатление девушки, которая очень торопится делать выводы за других, — урезонил он.

Ну вот, отлично, она снова покраснела. И на этот раз — совершенно заслужено, потому что в который раз наступила на те же грабли, позволив личным страхам и комплексам говорить вместо нее.

— Я прошу прощения. — Восхитительный завтрак превратился в безвкусную вату, но Эль все-таки заставила себя проглотить еще ломтик. — У меня целый букет дурных привычек. Иногда мне кажется, что некоторые из них родились вместе со мной.

— Значит, журналистика. — Максимилиан отхлебнул кофе, мельком глянул на часы.

— Я пишу книги. То есть... книгу. Но она уже третья по счету и...

Эль сглотнула, мысленно щедро врезав себе подзатыльник. Она же не собиралась говорить об этом ни одной живой душе. Господи, даже Марго не знал, хоть имела привычку совать нос буквально везде.

— В колледже я вела колонку в местной газете, — чтобы хоть как-то скрасить неловкость от затянувшейся паузы, продолжала откровенничать Эль. Конечно, ему это совершенно не интересно. — Ничего выдающегося, но у меня есть грамоты, и рекомендации, и несколько удачных интервью. И я подумала, что это будет неплохим подспорьем.

— Полагаю, университет — не тот случай, когда все дело заключается лишь в наличии грамот и хорошем интервью. То есть, я хочу сказать, что от всего в жизни нужно получать удовольствие, в особенности от ремесла, которое, предположительно, должно обеспечивать безбедное существование. И если ты уверена в своих силах, и знаешь, что это — твое, стесняться совершенно нечего. По крайней мере, твои родители будут гарантировано застрахованы от того, что ты бросишь обучение на полпути, вдруг решив, что жизненный вектор давно кренит в противоположную сторону.

— У меня только отец, и вряд ли его интересует моя жизнь, — пробормотала она.

— А мать?

— Она умерла от инсульта полгода назад. — Эль отодвинула тарелку, теперь уже твердо решив, что разговор окончательно испортил аппетит.

— Сожалею, что напомнил об этом.

— Ерунда. — Она как могла изобразила беззаботность. — Положа руку на сердце, наша семья была далека от того, что принято показывать в семейных комедиях с рейтингом «G». Моим воспитанием занимались героини книг и девочки из «Беверли-Хиллз 90210».

Макс улыбнулся, снял фарфоровую крышку с плоского блюда, на котором горкой лежал пастообразный сыр. Мужчина ловко намазал парочку тостов, поверх уложил по колечку помидоров — и вместе со всем этим отправился на другой край стола. Эль с трудом выдохнула, когда он уселся рядом и вручил ей тост, недвусмысленно намекая, что будет смотреть до тех пор, пока не убедится, что она его хотя бы попробовала.

— Спасибо, — поблагодарила Эль, после того, как приправленный травами сыр и сочный помидор полностью растворились на языке. Что бы это ни было, на вкус оно напоминало адский концентрат блаженства. — Это очень вкусно.

— Обязательно скажу Самюэлю, чтобы передал твои восторги повару. Я, пожалуй, слишком скуп на похвалу, хотя одно то, сколько я готов ему платить, говорит о многом. Но эти кулинары превращают еду в какой-то культ, не иначе.

— Я бы сказала, что вот это, — Эль потрясла остатками тоста, — почти амброзия.

— Кто платит за твою учебу, Габриэль? — спросил Максимилиан, когда она позволила себе роскошь расслабиться и наслаждаться едой. — Семьдесят тысяч за год — приличная сумма. А ты, насколько я понимаю, не из тех, кто может себе это позволить.

«Молодец, Эль, болтай больше — и в следующий раз напросишься на что похуже, чем завуалированное «нищенка».

Как она ни пыталась проглотить непрожеванный кусок — ничего не вышло. Пришлось выплюнуть его в салфетку, хоть под пристальным темно-серым взглядом это действие выглядело настоящим кошунством.

— Я претендую на стипендию. — В мыслях фраза прозвучала более уверенно. — У меня хорошие шансы.

— Уверен, что так же думают и все остальные умники из списка, — прокомментировал

Максимилиан. Он откинулся на спинку стула, снова покосился на циферблат наручных часов. — Какой твой запасной план?

Эль потребовалось несколько секунд, чтобы взять себя в руки и собрать разбитое вдребезги чувство собственного достоинства. Неужели вот этого мужчину буквально полчаса назад она считала едва ли не эталоном обаяния и даже думала, что Марго слишком к нему предвзята? Эль мысленно едко рассмеялась в лицо собственной глупости. Вот так, Габриэль Кромби, жизнь будет колотить тебя снова и снова, пока не искоренит эту детскую наивность.

— Я вернусь домой, — сказала она, кое-как справившись со стыдом.

— Это мало похоже на запасной план.

— Возможно, но другого у меня нет.

Эль развела руки, надеясь, что теперь Максимилиан прекратит допрос, и она с чистой совестью сбежит из-за стола. Заодно дала себе зарок больше никогда, ни под каким предлогом не оставаться с ним наедине. Если этот мужчина и знал о чувстве такта, то определенно не считал ее достойной такого расточительства.

Он оценил ее откровенность демонстративным недоверием: вскинул бровь и скрестил руки на груди.

— А как тебе мой вариант, Габриэль Кромби: твой запасной план — Марго.

— Марго? — Эль искренне не понимала куда он клонит.

— Девушка, которая привезла тебя сюда, — не потрудившись скрыть издевку, «напомнил» мужчина. — Она определенно на тебя запала, а когда сестре чего-то хочется, она желает получить это с упрямством неуправляемого локомотива. То есть я хочу сказать, что вполне в духе Марго закатить истерику, чтобы вытребовать у матери чек для «хорошей девушки Эль». Конечно же ты будешь так благодарна, что тут же дашь ей то, чего она пока безуспешно от тебя добивается.

Эль так резко вскочила с места, что едва не опрокинула тарелку. Интересно, во сколько бы обошлась порча одного из предметов наверняка баснословно дорого сервиза? И частью какого ее дьявольского плана Максимилиан Ван Дорт сочтет эту случайность?

— Сядь, Габриэль, мы не закончили, — не потрудившись даже поднять голову, приказал Максимилиан. Именно приказал, нарочно подчеркивая фразу безапелляционной интонацией.

Она была уверена, что просто пошлет его к черту. Возможно, в мире акул бизнеса принят подобный стиль ведения беседы, или женины, с которыми он путается, пускают слюни от того, что он выбирает об их гордость свои сшитые на заказ дизайнерские туфли, но она не позволит так с собой обращаться. И тем более не станет слушать совершенную чушь об их с Маргаритой якобы теплых отношениях. Боги, да что у него вообще в голове?!

Но... так ни слова и не сказала. Продолжала топтаться на месте, как тот осел из притчи, который сдох от голода, потому что не мог решить, из какого корыта есть.

— Сядь! — рявкнул Макс.

Эль просто согнула колени, просто опустила задницу на стул, проклиная тот день, когда подалась на уговоры Маргариты.

— Полагаю, тебе известна история второго брака нашей с Марго матери. Уверяю тебя, что даже если они обе не сделали соответствующие выводы, их сделал я. И я не позволю кому бы то ни было использовать мою семью.

— Вы же мне все равно не поверите, даже если я присягну на Библии?

— Мы перешли на «ты», — зачем-то напомнил он.

— Это было до того, как я стала корыстной стервой, использующей Марго исключительно с целью получения семидесяти штук за обучение. Хотя нет, трехсот тысяч, ведь у меня — долгоиграющая афера. Так, кажется, это называется в криминальных драмах.

Макс поднял взгляд, на этот раз изучая ее с нескрываемым интересом. То есть, он и раньше выглядел заинтересованным, но сейчас в темно-сером взгляде появился настоящий азарт.

— Я оказалась слишком крепким орешком для акулы бизнеса? — зачем-то брякнула Эль. Дурацкая фраза, наверняка подцепленная из какой-то книги. В устах обеспеченной сильной женщины она наверняка звучала бы более органично.

— Ты правда не знаешь, что Марго... — Макс поморщился. — Ладно, не важно. Надеюсь, у тебя не возникнет проблем со стипендией. Это многое упростит.

— У меня появится комната в общежитии, и я совершенно точно не буду стеснять вас своим присутствием.

Она чуть было не сказала, что уберется хоть сейчас, но вовремя поджала губы. Куда ей идти с полутора сотней баксов? И сомнительно, что Марго согласится съехать в гостиницу без уважительной причины. Не говорить же ей, что ее старший брат оказался настоящим...

— Я не против того, что вы с Марго поживете здесь до тех пор, пока не прояснится вопрос с вашим зачислением. — Фраза прозвучала небрежно. Максимилиан определенно хотел сказать что-то еще, но раздумал, одним глотком допил кофе и поднялся. — Удачного вам похода по магазинам, Габриэль. И не забывай о ноге.

Глядя на его широкую спину, обтянутую идеально подогнанным по фигуре темно-синим пиджаком, Эль пообещала себе накрепко запомнить каждое слово этого странного разговора. Запомнить — и больше никогда не забывать о своем месте. И не обманываться показной заботой. Вчерашнее потакание — теперь это казалось таким очевидным — было не более, чем игрой на публику, точнее говоря — спектаклем для Марго. Либо изображать хорошего брата, либо напороться на ее негодование. В гневе Марго становилась настоящей стервой.

Эль вернулась в комнату, снова и снова прокручивая в голове совершенно дурацкий диалог. Что имел ввиду Максимилиан, намекая на то, что ради денег она даст Марго то, что та якобы от нее хочет? И он что, в самом деле практически в глаза назвал ее аферисткой?

— Доброе утро, — раздался над кроватью голос Марго.

Эль попятилась к двери, надеясь, что подруга, не получив ответа, снова провалится в сон. Обычно Марго в самом деле валялась до полудня, а после особенно удачных вечеринок могла проспать хоть и весь день. И случайные пробуждения раньше срока делали ее раздражительной.

— Ты что, спала на софе?

Пришлось отказаться от плана побега и вернуться, присесть на край кровати.

Марго сонно терла глаза, опираясь на локоть, зевала и елозила языком во рту, как будто проверяла, ничего ли там не прибавилось за ночь.

— Я хотела почитать, прилегла — и вырубилась, — соврала Эль, проигнорировав укор совести. — Было прикольно.

— Спать с прижатыми к животу коленями или утром разгибаться? — уточнила Марго.

— И то, и другое, — отшутилась Эль.

— Как твоя нога?

— Я готова хоть сейчас отправляться на танцы. Или на прогулку. Или переехать в гостиницу. Или...

Марго резко села, тряхнула всклокоченными волосами и пристально посмотрела на подругу.

— Что случилось пока я спала? — в лоб спросила она. — И не вздумай говорить дерьмо вроде того, что мне показалось, и ты просто хочешь сменить обстановку.

Эль поджала губы. Соврать Марго, не видя ее лица — это одно, но когда она, словно клещ, вцепилась взглядом, любой обман обречен на провал. Пока Эль соображала, как выкрутиться с наименьшими потерями, подруга быстро сложила одно и другое. И со злостью бахнула ладонью по упругому матрасу. Звук хлопка заставил Эль зажмуриться.

— Это Макс, да? — Марго откинула одеяло, взвилась на ноги, словно ужаленная. Ей потребовалось полминуты, чтобы натянуть шорты и майку. Потом синий взгляд снова вонзился в подругу. — Что тебе сказал этот ублюдок?

— Марго, все совсем...

— Хрень собачья! — Марго разве что не плевалась от злости. — Я тебя не первый год знаю, Эль, и вот это выражение лица... Тебе меня не провести, и нечего корчить из себя добренькую ромашку Габриэль. Что Макс тебе сказал?

— Он интересовался каким образом я оплачу учебу, — сдалась Эль. Другого выхода не было: не дай она Марго желаемое, та бы, чего доброго, не побрезговала выкручивать ей руки. Фигурально выражаясь.

— Отлично! — Марго театрально всплеснула руками. — Просто, бл*дь, истинная забота и братская любовь!

Она рванула из комнаты со скоростью выпущенной пули. Распахнутая дверь бахнула об стену, вколачивая в Эль тяжелое и ядовитое чувство вины. Хороша же она, суток не провела в чужом доме, а уже успела превратиться в камень раздора между братом и сестрой. Оставалось молиться, что Максимилиан успел уехать — он так часто поглядывал на часы, как будто боялся опоздать. Наверняка будет заключать очередную миллионную сделку. Потом отпразднует ее. С длинноногой моделью или начинающей актрисой, или...

Стоп.

Она не станет о нем думать. Не после того, как Макс выверну наизнанку всю свою гниль. Марго не подарок, но ее брат оказался настоящим придурком, глянцевого картинкой с обложки, за которой не было ровным счетом ничего человеческого.

Пока Марго не было, Эль всерьез призадумалась, а не начать ли собрать вещи. Маловероятно, что после того, как она не смогла держать язык за зубами, Максимилиан будет все так же расположен уступить им часть своей холостяцкой жизни. Точнее говоря, уступить ей. Любой нормальный человек на его месте избавился бы от раздражителя.

И все же, попытка уйти красиво казалось какой-то... неправильной. Как она будет выглядеть, если начнет складывать чемодан? Как одна из тех истеричек, которые обычно больше всего раздражают во всяких романтических драмах. Нет, она сядет и будет просто ждать возвращения Марго. И молить бога, чтобы та поддержала ее идею с переездом.

Подруга появилась спустя несколько минут, и судя по ее продолжающему полыхать гневом взгляду, она не нашла того, кого искала. Марго с грохотом захлопнула дверь, прижалась спиной к стене, словно боялась потерять опору.

— Этот засранец успел уехать, — сказала она через несколько секунд. Швырнула на тумбочку тот самый «золотой пластик» о котором говорила накануне. — Приказал своему

дворецкому вручить мне его. Как будто я одна из его бабенок, от которых можно отделаться парой купюр.

Эль промолчала. Вчера Марго не была против заполучить эту карту, хоть и без нее была избалована гиперопекой матери и имела практически все, что могла пожелать. Но сейчас, когда она, Эль, по неосторожности распустила язык, все кардинально поменялось.

— Я не возьму его деньги, пусть не думает, что может так легко отделать, — продолжала злобствовать Марго. — Ненавижу его. Как только начинаю думать, что он не такой уж засранец — Макс обязательно делает что-то такое.

— Возможно, это его способ показать, что ему небезразлична твоя судьба, — попыталась вразумить ее Эль. Невероятно, Максимилиан вытер об нее ноги, а она взяла на себя роль пластика, обеляя его перед сестрой.

«Потому что я делаю это ради нее. Возможно, так Марго будет легче простить...»

— Хотя... Мне нужно пятнадцать минут, чтобы привести себя в порядок. — Марго решительно направилась в сторону ванной. Остановилась уже в пороге и послала подруге подбадривающую улыбку. — Мой вчерашний план не отменяется. Мы выпотрошим этого сукиного сына до последнего цента. И назовем это «моральной компенсацией». Можешь пока составить список всего, что тебе нужно, Эль: сегодня Макс будет твоей фей-крестной.

Прозвучало это даже как-то зловеще.

Марго не стала завтракать, просто нахватала всего из холодильника в какой-то бумажный кейс и сунула его в рюкзак.

— Честно говоря, я бы взяла «Порш», но боюсь, что я так ла на Макса, что могу разбить ни в чем неповинное авто только чтобы досадить ему, — вслух рассуждала Марго, пока они шли по бетонной дорожке к воротам.

— Погода отличная, гулка на свежем воздухе — то, что нужно.

На всякий случай Эль посильнее нахлобучила странную широкополую шляпу, под которой берегла лицо и плечи от солнечных ожогов. Врачи говорили, что что-то в ее гормонах заставляет ее кожу поджариваться даже под рассеянными солнечными лучами. В летние месяцы она не выходила из дома без верной шляпы и вынужденно избегала маек и топов с открытыми плечами.

Добрую половину дороги Марго без умолку поносила брата на чем свет стоит. Снова и снова вспоминала ему какие-то совсем уж детские обиды, просила Эль опять пересказать подробности их разговора. В конце концов, Эль удалось слушать ее в пол уха, отвлекаясь на мелькающую на табло в вагоне рекламу.

Максимилиан прав — у нее нет запасного плана. Нет даже намек на запасной план. Она позволила себе забыться и поверить, что хотя бы сейчас удача не отвернется и вопрос с ее стипендией — дело решенное. А ведь это даже не призрачная надежда, это меньше, чем тень призрачной надежды. Она фактически сбежала от отца, не сказав ему, куда собирается. Он вообще не знал, куда и каким образом собирается поступать дочь. Все, что его интересовало — чтобы Эль всегда была рядом, на случай, если он снова по-крупному проиграет в покер и она останется единственной стоящей ставкой. Или расплатой за проигрыш. Совершенно очевидно, что даже после возвращения уже ничего не будет, как раньше. Пожив вдали от пьяного безумства и запаха марихуаны, без которой не начиналось утро отца, Эль точно знала — возвращение сломает ее.

— Пятая авеню, Габриэль Кромби, — громко продекламировала Марго, когда они окунулись в бесконечную реку человеческих тел, шум тысяч голосов и обжигающий неон

вывесок и лайтбоксов. — Мать говорит, что если на земле и существует рай для шопполика — то вот он, во плоти.

Габриэль с трудом перевела дыхание, завертела головой, словно ребенок, впервые познавший способность видеть окружающий мир. Возможно, Александра Ван Дорт не так уж не права: если бы она, Эль, хотела куда-то попасть после смерти, то именно сюда: в этот шум, грохот, отдаленные звуки музыки и умопомрачительную энергию. Жизнь здесь была фонтаном даже в полдень, и каким-то непостижимым образом проникала в каждую клеточку тела, подчиняя и отравляя самым желанным ядом на свете.

«И как ты будешь жить без всего этого, Эль, когда придется возвращаться? Что будешь делать, вспоминая этот драйв, валяясь после побоев на полу отцовского трейлера?»

Эта мысль крутилась в голове постоянно, куда бы они с Марго ни пошли. Подруга не соврала, обещая совершить грабеж каждого магазина и потратить так много, как сможет. Она носилась по бутикам, подолгу пропадала в примерочной, выходя то в костюме девушки из джерси, то в чем-то настолько провокационном и открытом, что Эль невольно начинала краснеть вместо нее. Марго порывалась заставить ее примерить хоть что-то, но Эль находила предлоги, чтобы отказаться: «Это совсем не в моем стиле», «Для этого у меня слишком мало груди», «Просто не нравится». К счастью, шоппинг полностью поглотил Марго и та не слишком обращала внимание на то, что именно кроется за этими отказами.

На самом деле Эль до зубной боли хотелось хотя бы одно красивое платье для себя: черное с провокационно оголенной спиной или классическое короткое красное из такой тонкой ткани, что в нем она наверняка бы чувствовала себя обнаженной. Хотелось белоснежные туфли от Джимми Чу, на тонком, как первозданный грех каблуке и украшенные «Сваровски». Но от мысли о том, что за все это заплатит Макс, становилось дурно. То-то он позлорадствует, найдя подтверждение своей теории об истинной причине их с Марго дружбы.

Если выбирать между острой потребностью хоть раз в жизни почувствовать себя Золушкой или перспективой снова натолкнуться на его снисходительный взгляд а-ля «Ну вот, я оказался прав и всему виной деньги», то выбор казался непристойно очевидным.

— А вот здесь нас ждет настоящее наслаждение, — с придыханием прошептала Марго, когда ее неудержимые, не знающие усталости ноги привели их к ювелирному салону «Tiffany». — Мы не уйдем без украшений.

Эль кивнула, про себя зная, что ступает на еще одну неприятную территорию. И оказалась права: как только они вошли внутрь, Марго тут же забыла о ее существовании. Переключившись на блеск безупречных в своей красоте драгоценностей. Эль с облегчением выдохнула и, поблагодарив услужливого консультанта за помощь, отошла подальше от сверкающих манящих витрин. К счастью, здесь был целый уголок с мягким диваном и креслами, и огромной стопкой глянцевых журналов. А еще здесь было занято.

— Я не помешаю? — Эль неловко покосилась на парня, который без интереса механически листал толстый красочный журнал.

Он оторвался от своего занятия, посмотрел на нее любопытными ярко-синими глазами. Наверняка это контактные линзы, у человека просто не может быть такого невозможного цвета глаз. Он словно похитил кусочки неба в морозный зимний день.

— Полагаю, кресла не против такой компании, — сказал он с приветливой улыбкой.

Эль уселась в кресло, едва поборов желание подогнуть колени к подбородку. Дурацкая детская привычка, неискоренимая, как и страсть к чтению.

Пока парень продолжал листать журнал, она потихоньку оценила посетителей магазина. Интересно, кого из них он ждет? Девушка в ультракоротком платье и совершенно безвкусных «лодочках» выглядела слишком нелепой, чтобы быть его подружкой. Сам парень даже в простых джинсах и рубашке выглядел так, словно только что сошел с подиума. Его длинные светлые волосы были собраны в неаккуратный, но идеально идущий ему пучок на затылке, редкие пряди спадали вдоль лица. Пожалуй, довольно мягкого лица, без острых линий и контуров. Не мужественный спаситель обездоленных, но рыцарь на белом коне, который не побрезгует спеть серенаду под окном.

— Я — Джонатан. — Он дружелюбно улыбнулся и протянул руку для рукопожатия. — Джонатан Эванс.

Эль поняла, что так увлеклась, представляя его в образе сказочного принца, что таращилась на незнакомца до неприличия долго. Он не мог этого не заметить.

— Прощу прощения, просто... — Что просто, она так и не придумала, поэтому ответила на рукопожатие. — Габриэль Кромби. Очень приятно. У тебя замечательная... прическа.

— А у тебя замечательные пальцы. — Он подержал их в ладони чуть больше положенного, отпустил и тут же поинтересовался: — Ну и с кем ты здесь?

— С подругой, — Эль кивнула в сторону Марго: так как раз примеряла очередное кольцо и выглядела озадаченной. — А ты?

Она проследила за взглядом нового знакомого: он остановился на статной женщине, одетой в элегантную «тройку», с лаконичной прической и туфлями на устойчивом приземистом каблуке. По возрасту женщина как раз годилась ему в матери, но мало ли что. Эль предусмотрительно оставила комментарии при себе.

— Моя мать, — разъяснил Джонатан. — Как сорока: не может устоять перед блеском стекляшек. А ведь порядочная католичка.

— Эти стекляшки стоят столько, что грешно их не любить, — пошутила Эль.

— Да, пожалуй. Почему ты не предаешься этому греху?

— Потому что мои желания не совпадают с моими возможностями. — Она не видела смысла расшаркиваться перед человеком, которого видит первый и последний раз в жизни. А простая болтовня магическим образом теснила на задний план дурное послевкусие утреннего разговора. — Кроме того, мне такие вещи и носить-то некуда.

Похоже, откровенность пришлась ему по душе: Джонатан одобрительно закивал и, наконец, отложил в сторону бесполезный журнал.

— Чем ты занимаешься, когда не ходишь с подругой по магазинам?

— Пишу книгу, поступаю, предаюсь бессмысленным мечтам.

— Книгу? Очень интересно. И о чем она?

Стоило Эль открыть рот — и время понеслось галопом. Она говорила и говорила, а собеседник слушал и слушал, даже выглядел искренне заинтересованным. Он почти не перебивал, как будто знал, что ей нужно выговориться. И все же, когда в их разговор вторгся голос Марго, Эль только-только вошла в раж. Остановится сейчас казалось настоящим издевательством.

— Рада, что ты не скучала без меня, — скупно бросила Марго и окинула Джонатана придиричивым взглядом. Как будто искала изъян, за который следовало немедленно уцепиться. — Твой новый друг?

— Марго — Это Джонатан Эванс, Джонатан — это Маргарита Ван Дорт, — игнорируя очередной перепад настроения Марго, представила их друг другу Эль.

— Ван Дорт? — Джонатан прищелкнул языком, когда вспомнил, откуда ему знакома эта фамилия. — Максимилиан — твой ...? — Он выдержал паузу, предлагая Марго самой обозначить, кем ей приходится Макс.

— Мой брат, — неохотно и недружелюбно ответила Марго. Поманила Эль взглядом, недвусмысленно намекая, что предпочитает избегать этой компании.

Эль поднялась, посмотрела на Джонатана с немым извинением. Тот встал следом, выудил из кармана телефон.

— Могу я попросить твой номер, Эль?

— Зачем тебе ее номер? — еще больше насторожилась Марго.

Она практически волоком тянула подругу к выходу, но Эль удалось проявить достаточно настойчивости, чтобы избавиться от ее хватки. С безмолвным «Что происходит?», она уставилась на Марго. Та лишь сжала губы в тонкую линию, дерзко тряхнула черными кудрями, как делала всегда, когда хотела, чтобы ее негодование приняли как данность, без всяких дополнительных условий.

— Эль рассказывала мне о своей книге и мне бы хотелось продолжить разговор в более... спокойной обстановке. За чашкой горячего шоколада, например.

— За завтраком? У тебя в койке? — неожиданно вспылила Марго.

— Марго, прекрати, — зашипела на нее Эль. Что происходит? Только что Марго была так увлечена выбором очередной блестящей побрякушки и как будто вообще забыла о ее существовании, а сейчас накинулась на парня за простую вежливость? — Уверена, что Джонатан...

— ... не думает о том, как бы залезть в трусы к простушке? — закончила за нее Марго. Ее пальцы снова сжались на запястье Эль стянули кожу, словно резиновый жгут, но вряд ли она осознавала, какую боль причиняет ее дружеская забота. — Эль, бога ради, нельзя оставаться такой наивной после того, как твоей отец чуть было не расплатился твоей девственностью за карточный долг.

С губ Джонатана сорвалось удивленно «Ничего себе!».

Эль резко дернула руку из хватки Марго. Та держала крепко, но Эль не прекращала попыток до тех пор, пока не высвободилась.

— Это слишком, — прошептала охрипшим от обиды голосом. — Даже для тебя.

— Дорогой, я закончила, и мы можем идти! — Женщина в «тройке» направлялась к выходу.

Парень еще раз посмотрел на Марго, перевел взгляд на Эль.

— Надеюсь, у тебя все будет хорошо, — пробормотал он, пряча телефон в карман брюк. — Я правда ничего такого и не думал.

— Удачи тебе. — Эль даже не взглянула в его сторону.

Когда оба покинули магазин, Марго громко фыркнула, одним этим жестом обнажая глубину своего негодования. Даже после всего случившегося, она определенно не испытывала чувства вины.

— Думаешь, раз он сказал, что пи*дец как заморожен твоей книгой, этого достаточно, чтобы расставить перед ним ноги?

— Хватит, — вымученно попросила Эль. — Просто помолчи немного, если ты хоть когда-нибудь относилась ко мне как к живому человеку.

Домой они возвращались в полной тишине. Нога болела зверски, но сейчас это было даже кстати: боль помогала притупить послевкусие еще одного неприятного разговора. Что

бы там ни было сегодня на небесном своде, оно определенно плохо влияло на членов семьи Ван Дорт. Как иначе объяснить эти странные перепады настроения и неприятные беспочвенные обвинения?

Но хуже всего было то, что она сама же по глупости попала в ловушку. Иди некуда, находиться в том доме после размолвки с Марго и ее братом — тяжело. Еще и денег нет хотя бы на дешевый хостел. Выход один: сцепить зубы и терпеливо ждать решения о стипендии. И самозабвенно молиться, чтобы Бог сжалился над ней и совершил чудо.

Макс сидел на просторном диване и смотрел, как на сцене у шеста извивалась полуголая девица. Сцена была подсвечена кроваво-красными всполохами, а девица изображала голодную вампиршу, готовую сожрать первого, кто попадется ей в руки.

Вот «вампириша» скинула с себя бюстгальтер, в несколько движений поднялась на шесте метра на три, а потом резко рухнула вниз, затормозив лишь в последний момент, у самого пола.

Макс смотрел в пол глаза, мыслями витая далеко от представления. В престижный закрытый клуб «Sweet sweets» он заехал, имея при себе паршивое настроение и коробку дорогих конфет. Хотя нет, конфеты остались в машине.

Приехав в офис, первым делом потребовал чашку крепкого черного кофе, чтобы взбодриться, и вызвал начальника охраны, чтобы поручить ему разузнать все о Габриэль. Кто такая, где живет, чем занимается в свободное время, сколько денег тратит и на что, были ли приводы в полицию. Большой мощный афроамериканец Ник, с блестящей, как шар для боулинга, бритой головой, был настоящим профессионалом. Вопросом не задавал: за время работы на Макса он доставал на свет божий грязное белье всех его конкурентов, подружек, в чьей чистоплотности Макс не был уверен, а еще ухажеров матери и редких подружек Марго. Однажды его семья уже пострадала из-за связи с придурком, второго раза Макс обещал не допустить.

К концу дня у него на столе лежало тонкое досье. Убедившись, что все неотложные дела решены, а нерешенные преспокойно можно отложить до завтра, Макс заперся в кабинете и углубился в чтение. Габриэль Саманта Кромби, уроженка штата Калифорния, единственный ребенок в семье: старший брат скончался пару лет назад от передозировки героина. Предусмотрительный Ник собрал кое-что и на него, но там как раз все было предсказуемо: ранние приводы, кражи, штрафы, хранение и распространение. Смерть была единственным логичным концом его короткой двадцатилетней жизни. Вот только жил Стивен Кромби на другом конце города и никаких связей с семей не поддерживал.

Мать Габриэль скончалась примерно полгода назад: пила давно и много, болела циррозом, но в конечном итоге ее убил обширный инсульт. Неотложка приехала, когда миссис Кромби была окончательно и бесповоротно мертва. Все это время Габриэль пыталась реанимировать ее, но на этот случай у идеальной девочки не нашлось подходящих знаний и практики.

Оставался отец: азартный игрок, живущий на пособие. Тунеядец, одним словом. Играл много и часто, имел приводы, но никогда не попадался по-крупному. Баловался марихуаной.

Что ж, семейный анамнез буквально вопил о том, что его теория не так далека от истины. Марго была настоящим джек-потом для кого-то, вроде Габриэль. И все же...

Макс допил кофе и продолжил чтение.

В отличие от своей насквозь гнилой семейки, Габриэль была сущим ангелом: училась в обычной муниципальной школе, занималась общественно-полезной деятельностью — вела

колонку в газете, занималась подготовкой мероприятий, даже взяла шефство над несколькими младшеклассниками. Была участницей драмкружка, занималась фотографией. И ее имя было в десятке лучших выпускников. Нику даже удалось раздобыть те самые рекомендации, о которых проговорила Эль. Макс вскользь прочел их: ответственная, талантливая, креативная, настойчивая и чрезвычайно одаренная. Бла-бла-бла.

За пределами школы Габриэль Кромби подрабатывала в нескольких забегах, иногда нанималась няней на выходные. Некоторое время назад устроилась работать в приличный магазин, но была уволена оттуда через месяц: без рекомендаций, без оплаты, с формулировкой «конфликтная». Макс попытался за это зацепиться, но жизненный опыт подсказывал, что скорее всего дело было либо в какой-то истеричной клиентке, либо — почему-то именно эта версия казалась более правдоподобной — на хорошенькую милашку запал хозяин. Иначе стали бы брать голодранку на такую работу?

Похоже, девчонка в самом деле говорила правду. Она подала документы, значилась списке на стипендию.

Имея на руках все эти сведения, Макс испытывал что-то похожее на угрызения совести за то, что утром надавил на гостью, повысил на нее голос. Даже если шансы, что она врет и говорит правду, были пятьдесят на пятьдесят. Желающих что-либо поиметь с него самого или членов его семьи всегда было много — нормальное положение дел среди людей с очень высоким достатком. Макс научился с подозрением относиться ко всем, кто казался слишком... хорошим.

Но... Он до сих пор видел перед собой ее испуганные, полные непонимания и обиды глаза, когда обвинил в попытке манипулировать Марго. Нехорошо вышло, что и говорить. Следовало пойти проторенной дорожкой и сперва найти доказательства, чтобы потом с чистой совестью прижать милашку к стенке. Чего завелся? Тогда бы совесть не ела его поедом. А так, вспылал как какой-то юнец. И объяснение внезапному всплеску тестостерона было только одно — Габриэль ему понравилась. Неожиданно вторглась в его жизнь, в его мысли. Глупость? Блажь? Желание подсознательно что-то доказать самому себе? Или все куда проще — и его действительно привлекает ее свежесть, невинность, необычная для его круга естественная красота?

Короче говоря, желая хоть как-то загладить перед гостьей свою вину, Макс заехал в дорогущую шоколадницу и купил коробку шоколадных конфет, самых лучших какие у них были: в, мать его, помадке с вкраплениями золота. Ничего подобного девчонка в жизни не пробовала и вряд ли когда-нибудь попробует. Так что воспоминания о лакомстве останутся с ней надолго.

«Приватный танец заказать что ли?»

Или спуститься в зал, к барной стойке, и подождать, пока к нему выплывет какая-нибудь девица, желающая на одну ночь почувствовать себя на вершине мира. Хотел ли он поразвлекаться? Пожалуй, да. Даже не поразвлекаться — отвлечься, избавиться от ненужных мыслей и дурацкого чувства вины. А что прочищает голову лучше хорошего секса? Вот только секс действительно должен быть хорошим, а не таким же искусственным и насквозь фальшивым, как большинство местных девиц.

«Да уж, Максимилиан, стареешь. Эту не хочу, ту не желаю, тут ненатурально стонут или хреново сосут».

А главное — нет бы идти и проверять, так нет — сидит и сам себе имеет мозг.

Короче!

Макс хлопнул себя по коленям. Хватит тухнуть, пора действовать. Он поднялся и как раз направился прочь из VIP-ложи, когда увидел приближающуюся фигуру. Странное дело, сам он никого не заказывал, а без его позволения совать нос в ложу не посмел бы никто из местных — их банально остановили бы охранники.

«Хорошо, кто же ты?»

Фигура вынырнула из тени, появилась в круге света и остановилась, уперев руки в бока.

— Тина?! — удивлению Макса не было предела. — Тина, уж не обманывают ли меня мои глаза?

— Не знаю, — в голосе вошедшей звучало неприкрытое удовольствие от произведенного эффекта. — Не рад меня видеть?

Макс сграбастал ее в охапку, приподнял над полом. Она была ниже его на голову, миниатюрная, но не худая.

Господи, Тина, его бывшая, здесь, не черте где в Лондоне, а здесь, в закрытом мужском клубе, где он меньше всего ожидал ее увидеть.

— Ребра... — прошептала она, смеясь через боль.

— Прости! — он поспешно поставил ее на пол. — Какими судьбами? Надолго? И погоди... почему тебя пропустили?

— Допрос с пристрастием, — усмехнулась она, поправляя платье — простое черное короткое платье, без украшений. Украшением была она сама с точеной фигуркой и гордой осанкой женщины, знающей себе цену. — Я проездом. Завтра улетаю обратно. Позвонить не могла, потеряла номер твоего телефона, — она пожала плечами, мол, так уж случилось. — Вспомнила, что ты иногда любишь здесь прожигать жизнь, проезжала мимо и подумала, что не много потеряю, если рискну. Сказала охране, что я — твоя будущая жена и погрозила уволить всех к чертям собачьим, если не позволят мне проверить, с кем там развлекается мой будущий муженёк.

Макс прищурился.

— Моя бывшая сказала, что она — моя будущая. Я знаю только одну женщину, способную сказать такую ерунду и убедить в ней всех вокруг, и эта женщина — ты. — Он заглянул ей через плечо в поисках возможного спутника. Одна или...?

Макс попытался вспомнить, устроила ли Тина личную жизнь. Они разошлись по взаимному согласию три года назад, прожив в браке почти столько же. Он помнил, что был абсолютно счастлив, когда одел ей кольцо на палец. Все было хорошо, размеренно и гладко. До самого развода, инициатором которого стал он сам. Тина согласилась с таким спокойствием, будто сама искала повод.

Кажется, она встречалась с каким-то модным фотографом. Потом с художником. Потом был греческий магнат в летах. Он никогда нарочно не выискивал ее имя в прессе, но постоянно на него натыкался. И почти всегда, когда на глаза попадались ее фотографии, Макс снова и снова спрашивал себя: а не поспешили ли они? Возможно, стоило сделать что-то безумное, чтобы вдохнуть новую жизнь в их брак. Но почему-то оба предпочли пойти по наиболее легкому пути.

— Одна. Вообще одна, — многозначительно ответила Тина.

— И пока не собираешься уходить?

— Пока не знаю... А ты можешь что-то предложить? — В глазах Тины играли отсветы светомузыки, делая ее похожей на демоницу.

— Что-нибудь выпьешь?

Она поморщила носик:

— Ты думаешь о том же, о чем я?

— Как вытащить тебя из этого платья и вспомнить, как громко ты стонешь?

Она молчала, продолжая гипнотизировать его взглядом.

— У меня дома гости. Поэтому поехали к тебе.

Тина протянула ему руку.

— Надеюсь, твой мобильный не зазвонит в самый неподходящий момент. Я не согласна на быстрый перепих и разбежались.

— Ого. Грандиозные планы?

— Еще какие.

Ночной город не задерживал в дороге пробками. «Порш» Макса взрывал его гулким ревом двигателя и нес двоих пассажиров прочь от «Sweetsweets», мимо светофоров и пешеходных переходов, мимо бесконечных магазинов и вывесок.

И почти всю дорогу они молчали. Ни вопросов «как дела», ни болтовни о ничем не значащих пустяках. Даже в лифте, уносящим их высоко вверх, стояли рядом, не касаясь друг друга. Да и о чем говорить? У каждого из них давно собственная жизнь — зачем совать нос, куда не просят? Сейчас имеет значение лишь одно — они оба знают, что будет дальше.

— Кажется, добрались, — Тина достала из клатча ключи, отперла дверь.

— Не бойся, заходи, я тебя не съел, — обернулась она. В ее исполнении фраза прозвучала исключительно двусмысленно.

Макс только усмехнулся, перешагнул порог.

— Свет, — проговорила Тина — и под потолком теплым светом загорелись светильники. Они не были очень яркими, вокруг по-прежнему оставалось ощущение полумрака, но куда более разреженного, чем прежде. Вполне достаточно, чтобы свободно ориентироваться.

Здесь было просторно. Очень просторно. Ощущение создавалось такое — будто на улице стоишь, только нет шума и пыли. Или нет... на витрине. Вот подходящее слово. Квартира была угловой и не имела двух уличных стен. Вернее, они были прозрачными от потолка и до пола. Вид отсюда открывался потрясающий.

— Подождешь меня? Совсем недолго. — Тина тронула Макса за плечо.

— Конечно. — В конце концов, не затем он ехал, чтобы сейчас взять и свалить. — Мне бы только умыться.

— Давай, ванная там, — указала она.

Когда Макс вышел, Тина стояла там же, где он ее и оставил — прислонившись в стене, с полуулыбкой на таких знакомых губах. Только туфли сняла.

— Теперь я. И раз уж мы так неожиданно встретились... У меня для тебя кое-что есть... назовем это сюрпризом.

— Что за сюрприз?

— Если я скажу — это уже не будет сюрпризом. Разве не так?

— Надеюсь, ты не собираешь меня выпороть?

— Выпороть? Тебя? — В ее глазах блеснула искра не то удивления, не то интереса. — Пожалуй, нет. Но ты верно мыслишь, я бы хотела поиграть... Если ты, конечно, не против и не очень торопишься.

— Ты — хозяйка, я — гость. Твои правила. И ты меня заинтриговала. Так что, пожалуй, задержусь немного.

— Вот и славно, — она провела пальцем по его щеке. — Никуда не уходи.

Тина прошла мимо и скрылась за дверью матового стекла. Да, эта женщина знала себе цену. От вида одной ее походки, плавных изгибов бедер и полуприкрытой груди какой-нибудь неопытный подросток вполне мог не успеть достать член и кончил бы прямо в штаны. Хвала небесам — Макс давно вышел из подросткового возраста и мог себе позволить продержаться чуть дольше. И Тина его определенно заинтриговала. Оставалось надеяться, что она не появится в латексе или с прищепками на сосках и не попросить отхлестать ее плеткой. Макс недолюбливал подобные забавы. Не осуждал, но недолюбливал. В конце концов, каждый в собственной спальне имеет полное право получать удовольствие тем способом, какой ему больше нравится, если это не мешает другим.

Он прошелся по комнате. Здесь было довольно уютно, хотя и без изысков. Обстановка и интерьер скорее подошли бы мужской берлоге. Впрочем, Тина снимала квартиру и на придание ей индивидуальности просто не было времени.

Комната объединяла в себе гостиную и кухню. Почти в самом центре стоял огромный диван с кучей подушек — напротив него на стене висел огромный ЖК телевизор. Под ним камин — само собой, бутафорский. Кухонная зона буквально сияла чистотой и была отделена мраморной рабочей поверхностью, над которой висели пузатые бокалы. Бытовая техника была современная и дорогая. В целом интерьер казался современным, лаконичным, с уместными вставками металла и стекла.

Единственное действительно уютное место в комнате располагалось возле окон, отчасти скрытое парой высоких барных стульев. Макс его и обнаружил не сразу. На полу было расстелено нечто вроде очень толстого одеяла, рядом стояли кресло-качалка и небольшой стеклянный столик. Место уединения и отдыха: отличный вид и тишина. Все равно что между небом и землей завис. Главное, чтобы где-то напротив не засел любопытный наблюдатель с телескопом наперевес.

Макс прошел к дивану. Тут тоже стоял столик, на котором ожидаемо обнаружился многофункциональный пульт. Поизучав его несколько секунд, Макс нажал кнопку: в камине вспыхнуло весьма реалистичное пламя. Его отблески заиграли на металлических поверхностях, оживили атмосферу полумрака, погрузив комнату в подобие современного будуара.

— Так-то лучше.

— Смотрю, ты освоился. Последнее время мне очень нравится смотреть на огонь, пусть даже он ненастоящий.

Макс обернулся на голос. Тина стояла в нескольких шагах от него. Она сменила платье на черный, местами полупрозрачный халат. Халат доходил до самого пола, но по бедрам имел высокие вырезы. На груди он почти не запахивался и держался, похоже, на одном честном слове.

— Хорошая квартира, — сказал Макс дежурную фразу.

Тина только отмахнулась.

— Последнее время не люблю большие города. Мне в них душно. Потому и выбираю этаж повыше. Здесь как-то лучше дышится. А огонь отгоняет город еще дальше.

— Отгоняет?

— Да. В моей голове это именно так.

И только теперь Макс увидел, что она что-то сжимает в кулаке. Проследив его взгляд, она улыбнулась — хищно, предвкушая нечто такое, о чем давно думала.

— Максимилиан Ван Дорт, была у тебя детстве была машинка на радиоуправлении?

— У нас будут гонки?

Она отрицательно мотнула головой.

— Да. И не одна.

— Я хочу, чтобы ты взял это... — она протянула руку и раскрыла перед ним ладонь, — и хорошенько использовал.

Это был небольшой черный брелок с единственной кнопкой.

— Что-то случится, если на нажму на эту кнопку? — Макс взял брелок.

— Обязательно.

Макс посмотрел ей в глаза, потом снова на брелок, провел пальцем по шершавой кнопке и чуть надавил на нее.

Тина втянула воздух носом, отступила на шаг.

Макс отпустил кнопку.

— А это действительно может быть интересно... — он снова надавил на кнопку. По телу Тина пробежала дрожь. Бывшая жена прикрыла глаза. — А почему не предложишь гостю чего-нибудь выпить?

Она поморщилась.

— Прости уж нерадивую хозяйку. Ты что-нибудь выпьешь?

— Сока, пожалуйста.

Он вдавил кнопку еще сильнее.

Ноги Тина подкосились, но равновесие она все же удержала.

— Тебе помочь? — Он пристроился рядом, обнял ее за талию, затем резким движением притянул к себе. Халат был совсем тонким и почти нисколько не мешал почувствовать тепло ее тела. — Мне начинает нравиться эта игра, — он наблюдал, как меняется ее лицо, как она перестает контролировать свои эмоции, как уходит нарочитая строгость. Похоже, Тина была уже достаточно возбуждена еще до того, как он включил «чудо машинку», а потому теперь быстро разгоралась. — Скажи, мне жутко интересно, неужели вибратор лучше старого-доброго члена?

— Старого? — Тина облизнула губы. — Кому нужен старый член? Доброго и крепкого — чтобы торчал вверх, точно пика. С таким членом никакой вибратор не сравнится. Но разве одно другому помеха?

— А то я уж вдруг было подумал, что мой член тебя уже не заводит.

Она резко отстранилась, развернулась на месте и рванула ремень на брюках Макса. Затем почти упала на колени перед ним, протянула руки, пробежалась пальцами по его паху.

— Правда так думаешь?

Она потянула брюки вниз, затем взялась за боксеры. Макс не сумел сдержать глубокого вздоха, когда его член обрел свободу и выпрямился прямо в лицо Тины. Та обхватила его у основания рукой и лизнула головку.

— Ну же, продолжай трахать меня, как трахаешь, а я трахну тебя, — проговорила она и взяла его в рот.

Макс заозирался в поисках опоры, но той не оказалось поблизости. Недавно ему понравилось, как подогнулись ноги Тины, когда он добавил вибратору скорости, а теперь, похоже, проблема устоять переключалась к нему.

Он сильнее вжал кнопку.

Тина вскрикнула, обхватила его ягодицы руками и насадилась на член, проглотив его до

самых яиц, затем выпустила, отдышалась, насколько позволяла колотящая ее дрожь, и снова взяла его в рот. Заработала плотно и активно.

И Макс двинулся в ответ — положил руку ей на затылок и подталкивал к еще большему контакту, еще большей глубине. Сейчас он трахал ее и членом, и вибратором.

Быстрее и быстрее.

Возбуждению, родившемуся еще при встрече, усилившемуся в дороге и получившему дополнительный заряд желания в интимной игре, не понадобилось много времени, чтобы вырасти до размеров цунами, которое было уже не удержать.

Она кончила немного раньше него. Выпустила изо рта член и громко протяжно закричала, глядя прямо ему в глаза. В ее собственных глазах в этот момент плясало настоящее безумие. Не испытав наслаждение до конца, продолжая биться в оргазме, Тина снова проглотила его член. И вовремя — потому что Макс больше не мог сдерживаться. Он уронил пульт и уже обеими руками обхватил голову партнерши, всаживая себя в нее резкими судорожными толчками.

Его оргазм был яростным и ярким. Потом, когда Тина выпустила его на свободу, он так и сел на пол, не в силах устоять на сделавшихся ватными ногах.

Тина все еще дрожащей рукой подняла пульт и выключила вибратор, потом без сил растянулась рядом.

Тина все еще дрожащей рукой подняла пульт и выключила вибратор, потом без сил растянулась рядом.

— Я ответила на твой вопрос? — спросила она.

— Не уверен, что понял все достаточно точно. Да и про сам вопрос забыл, — Макс натянул боксеры, следом — брюки.

— Неужели требуются разъяснения? — удивилась Тина. — И кстати, что ты делаешь?

— А что я делаю?

— Ты снова в штанах. Что за глупости?

— Я не уйду, если ты об этом. Ведь ты так и не угостила меня соком. Но со спущенными штанами сидеть на полу — ересь какая-то. Уж лучше совсем без штанов.

— Согласна. Без них будет гораздо лучше.

— Не в то время, когда хозяйка дома все еще одета.

— Так раздень ее.

Она перевернулась на живот, задрала попу и сладко потянулась. Затем встала на колени.

— Нет-нет, поднимайся совсем, — Макс и сам встал. — Хочу, чтобы показала мне свою квартиру. Особенно то уютное местечко у окна.

— У меня ноги еще сводит.

— Я помогу.

Он протянул руку, помог Тина подняться, затем дернул за поясok на талии, тот легко поддался — и халат раскрылся. Она была без белья. Смотрела на него с легким прищуром, будто наблюдала за реакцией на собственную наготу. А ее тело действительно притягивало взгляд. Макс чуть подтолкнул халат на ее плечах — и тот бесшумно соскользнул на пол. Отлично сложенная от природы, Тина основательно поработала над своим телом, придав ему совершенные формы. В ней чувствовалась сила и уверенность, но при этом не было излишнего рельефа, который способен придать женскому телу ощущение сухости. К груди, высокой, с темными напряженными сосками, приложил руку пластический хирург, но Тине хватило ума не делать себе огромное вымя, о каком несколько дней назад говорила Элен —

аккуратная, так и манящая прикоснуться. В ее пупке посверкивала какая-то подвеска, вполне вероятно, что драгоценная. А еще ниже, между ног, виднелся хвостик вибратора.

— Вытащишь его? — проследив взгляд Макса, спросила Тина и пошире расставила ноги. — Думаю, с этой игрой мы покончили...

— С этой? А есть другие?

Она лишь неопределенно повела узкими плечами.

Макс подошел к ней вплотную, взялся за хвостик, осторожно потянул. Тина зажмурилась и громко выдохнула, когда вибратор покинул ее лоно. Больше всего он походил на яйцо черного цвета, удивительно приятное на ощупь.

— Подождешь меня еще немного? — она протянула руку за вибратором.

— Я все еще жду обещанный сок. Чертовски хочется пить.

— Конечно, сок, — Тина провела языком по губам. — А пока меня не будет, надеюсь, ты избавишься от своей одежды. И — да, кстати, если ты вдруг забыл и думаешь, что меня так просто удовлетворить, то жестоко ошибаешься. Подумай, хочешь ли ты стереть свой член до самой мошонки. Потому что я все еще очень голодна.

Вместо ответа Макс демонстративно начал расстегивать рубашку.

Она прошла мимо, легонько толкнула его бедром. Макс непроизвольно опустил взгляд, скользнул им по круглой нарядной попе... Именно нарядной. Он уже видел такие украшения на одной из закрытых вечеринок, куда был приглашен партнером по бизнесу. Тот праздновал свой последний день холостяцкой жизни, арендовал клуб, а все официантки в нем, должно быть нанятые на одну ночь, ходили в несколько обнаженном виде. Все их прелести прикрывали лишь сверкающие украшения вроде всевозможных цепочек, бус и накладок. А еще очень изящные специальные пробки, торчащие из посыпанных блесками попок.

Тина вернулась спустя всего пару минут. К тому времени Макс едва успел скинуть всю одежду, оставшись в одних боксерах. Бывшая жена окинула его не менее заинтересованным взглядом, чем он ее, и направилась к кухонной зоне. Пробка по-прежнему сверкала в ее попе.

Твою мать! А ведь это действительно смотрится очень... возбуждающе. Особенно если подумать, как Тина ее туда помещала. Со смазкой или так? Поиграла с собой перед этим немного? Что испытала, когда пробка только-только начала входить?.. И что чувствует теперь, так ненавязчиво покачивая бедрами и намеренно выставляя попу напоказ?

— Ты полна сюрпризов.

— Поможешь мне? — Тина показала ему пару апельсинов.

— Конечно.

Она стояла перед рабочей поверхностью и как раз разрежала апельсины надвое, когда он встал почти вплотную за ней.

— Любишь игрушки? — спросил Макс. — Раньше ты ими брезговала.

— Люблю, но почти не использую. Для них нужно правильное настроение. Тебя это смущает?

— Нет, ни сколько. Даже наоборот. Эта блестящая штука — каково ходить с ней?

— Это приятно. Оргазма не получишь, но ощущения очень... — она снова потерлась о него, — интересные. И не только в физическом плане, но и в моральном. Особенно поначалу.

— Знаешь, я собираюсь вытащить из твоей попы эту штуку и засунуть туда другую.

— Мистер, посягательство на чужую задницу строго карается законом.

— Это каким?

— Законом о неприкосновенности задниц. Неужели не слышал?

— Что-то такое было, припоминаю. Но там есть поправка: использование смазки снимает любые преследования. У тебя есть смазка?

— А если ее нет?

— Тогда придется нарушить закон.

— Трахнешь меня без смазки? — Она обернулась, посмотрела на него с вызовом.

Вместо ответа Макс резко, прежде чем она успела воспротивиться, развернул ее обратно к столешнице, наклонил так, что Тина практически легла на нее грудью.

Макс сильнее развел ей ноги. Украшение в попе смотрелось замечательно, но куда лучше там будет смотреться его член. Он осторожно потянул пробку — блестящая, стальная, выходит весьма охотно. Но так не интересно. Он засунул пробку обратно, надавил, продвигая ее глубже. Тина тихонько застонала, сильнее отвела попу, подставляясь играм партнера. Макс снова взялся за пробку, вывел ее наполовину, вторую же руку положил бывшей жене между ног.

— Как думаешь, вибратор не стоит вернуть на место? — Его палец скользнул во влагалище.

— Ты справишься, я знаю, — отозвалась она сквозь зубы.

Наверное, он и правда справился, так как через несколько минут стимуляции Тина начала сползать на пол.

— Смазка там... — она махнула рукой в сторону окон, где Макс обнаружил уютный уголок отдыха.

Наконец он вытащил пробку.

Тина застонала, ухватилась руками на край столешницы. Без лишних разговоров Макс подхватил ее на руки и в несколько шагов отнес к высоким стульям, которые загораживали импровизированное лежбище. Бросив на один из стульев полотенце, так же прихваченное со стола, он усадил на него Тину. Стул оказался идеальной высоты — попа партнерши была аккуратно на уровне его члена.

— Вот-вот... — указала она торопливо.

Тюбик со смазкой стоял возле стеклянного столика. Макс выдавил порядочную порцию себе на пальцы, поднес их к попе Тина.

— Да, — прошептала та, когда он вошел в нее. — Глубже. Хочу глубже. Не бойся, я уже готова... Да, вот так. Трахни уже меня. Я хочу твой член.

Она громко вдыхала каждый раз, когда два его пальца полностью погружались в нее.

Но Макс еще медлил. Он уже возбудился, но вид стонущей женщины, умоляющей поймать ее в задницу, заводил еще сильнее.

— Ну же! Не заставляй меня просить дважды.

Дольше ждать он не стал. Боксеры полетели на пол, а возбужденный член уперся ровно туда, где только что играли пальцы. Тина замерла. Казалось, даже дышать перестала. Макс надавил — и головка скрылась в попе партнерши. Та запрокинула голову, сильнее выгнула спину.

— Давай, по самые яйца. Не жалей меня.

И он не стал жалеть — следующим толчком вошел почти полностью, выудил из груди Тина громкий стон и уже не останавливался.

Она была узкая и податливая. Отличная опытная задница, умеющая получать

удовольствие от грубого траха.

Тина даже не понадобилось дополнительной стимуляции, чтобы первый раз кончить от одного только анального секса. Кончала она бурно и громко, чуть не опрокинула стул и в конце концов, не выдержав волны удовольствия, взмолилась о пощаде.

Макс позволил ей с минуту отдыха, а потом, перетащив на пол, поставил так, что она оперлась руками о стекло. И продолжил то, о чем просила. Продолжил со все тем же напором. И Тина снова завелась, снова забилась в агонии страсти, когда его пальцы раздвинули сочащиеся влагой губы и проникли внутрь.

— Знаешь, что где-то там, напротив, за нами могут наблюдать? — прошептал ей на ухо.

— Конечно, — выдохнула она и одной руку положила ему на задницу, понуждая двигаться в определенном рваном ритме. Второй рукой перехватила его свободную руку, засунула палец себе в рот и принялась сосать.

Когда ее стоны начали оглушать, а движения навстречу стали судорожными, Макс было хотел хоть немного передохнуть — сам он держался из последних сил, чтобы не кончить, но не желал оставлять неудовлетворенной партнершу, которой вроде бы требовалось еще немного времени.

— Нет! Не останавливайся. Не сейчас. Я хочу тебя! Трахай меня до конца!

Она задыхалась и насаживалась на него. Какое тут сдержаться. Макс зарычал, чувствуя, что теряет последний контроль. Он кончил в нее, и в ответ Тина откинулась назад, прижалась к нему всем телом, обхватила руками за голову.

— Ты великолепен... — выдохнула, не открывая глаза. — Отличный член, отличный хозяин — что еще нужно для отличного вечера?

— Откуда в тебе столько сил? — спросил Макс. Он обнял ее, продолжая слабо двигаться в попе. Член все еще не опадал, а его движения, пусть куда менее активные, явно воспринимались партнершей исключительно благосклонно.

— Копила специально для такого вечера, — усмехнулась Тина.

— У тебя отличная попа.

— Я знаю.

Ночь они так и не спали. Тина не лукавила, когда говорила, что, оставшись, Макс рискует стереть себе член. Действительность оказалась очень близко к «угрозе». Ближе к утру, когда за окном начало светать, член действительно побаливал. И только теперь они, измотанные, но довольные друг другом, вырубались на диване перед камином. Впрочем, выспаться Макс не удалось — телефонный звонок вырвал из такого сладкого сна, что первым порывом было если не запульнуть телефон куда подальше, то хотя бы вырубить звук. Но Макс, отойдя в кухонную зону, все же ответил — требовалось срочно подписать какие-то документы, готовиться к совету директоров... Уходить жутко не хотелось, но ничего не поделаешь — даже у миллионера бывают дела, от которых нельзя отмахнуться. Даже если дела вытаскиваю тебя из постели страстной обнаженной женщины.

Когда он вернулся обратно к дивану, Тина снова спала. Макс немного постоял в раздумьях, решая, как поступить, но так и не стал ее будить — тихо оделся и вышел, захлопнув за собой дверь. Прошое надо оставлять в прошлом. Хотя иногда подобные встречи могут быть очень кстати для обоих. Хорошенько поиметь друг друга без каких либо далеко идущих планов и обязательств — большое дело.

За весь минувший день они с Марго едва ли обмолвились десятком слов.

Как ни странно, несмотря на неловкость, эта пауза была необходима Эль, как воздух.

Собраться с мыслями, попытаться как-то организовать образовавшийся в голове хаос.

И начать следовало прежде всего с того, что делать в случае, если Марго вот прямо сейчас в лоб заявит, что ей самое время убраться домой. Подобная безапелляционная выходка была вполне в ее духе: вколотить что-то себе в голову — и разметать то, что строилось годами. И не заморачиваться впоследствии угрызениями совести. Похоже, в этом они с братом были одного поля ягоды.

Эль откинулась на кровати, прикрыла глаза тыльной стороной руки. Что она себе думает? Снова и снова возвращается мыслями к этому мужчине хоть он, кажется, последний человек на свете, который этого заслуживает. И почему ее так задевает оскорбления Максимилиана? Подумаешь, что придумал развращенный себе подобными мужчина. Если в его кругу общения такие вещи в порядке вещей, это не означает, что он имеет право той же мерой мерять совершенно незнакомого человека.

Марго появилась, когда день уже катился к вечеру. Судя по полотенцу и золотистому оттенку кожи, все это время она провалялась у бассейна. Они обменялись взглядами: Марго пожалала плечами, как бы говоря, что обсуждать случившееся нет необходимости. Эль кивнула, принимая ее условия. Последнее, что ей сейчас нужно, так это выяснение отношений. Она сделает то, что умеет делать лучше всего: прикинется, что ничего не случилось. Лучшее решение практически всех ее проблем.

Когда Марго приняла душ, они сделал то, что делали обычно, когда выдавался спокойный вечер и никому не хотелось выбираться из дома: приготовили попкорн, сэндвичи и завалились в который раз смотреть «Красотку». Почему-то Марго буквально плавилась от этого фильма, и, как успела заметить Эль, привлекала ее вовсе не рол героини Робертс, а харизматичный и богатый герой Гира. Она так часто смотрела этот фильм, что проговаривала наперед большую часть фраз героев.

После «Красотки» была новая порция вкусной, не полезной пищи и «Неспящие в Сиэтле».

Когда Эль открыла глаза, телевизор выдавал шипящую картинку, Марго спала. Растянувшись на диване, а она сама, похоже, вырубилась прямо в кресле. Часы на стене показывали без четверти три ночи. Эль потеряла глаза, осмотрелась. Максимилиан уже пришел? Увидел их спящими и сделал из этого одному ему понятные выводы?

Эль разбудила Марго, и они вернулись в комнату. На этот раз она все-таки рискнула лечь на кровать, но когда подруга во сне стала забрасывать на нее то руку, то ногу, пришлось возвращаться на софу. Но остаток ночи она провела в бесплодных попытках уснуть.

— Макс не ночевал дома, — за завтраком, который случился ближе к полудню, заявила Марго. — Я же говорила, что брат откупится «пластиком». Вообще он редко ночует у своих баб, так что эта наверняка была профессионалка. Ему повезло, что вымотался и не попал мне под горячую руку.

Не ночевал дома.

Эль доела овсянку и буквально в несколько глотков приговорила чашку горячего шоколада. Какое ей дело того, где ночует посторонний мужчина, Чем меньше они будут пересекаться, тем лучше, а где и с кем заниматься сексом — это ее вообще не должно касаться. У свободного богатого и красивого молодого мужчины нет ни единой причины сдерживаться.

И все же, Эль весь день ловила себя на том, что Максимилиан Ван Дорт постоянно в ее мыслях. Что бы они ни делала: читала учебник, собирала информацию о том, что может

пригодиться в студенческом общежитии — Макс был с ней. Как будто стоял за спиной и насмехался над тем, как без труда разрушил тонкую душевную организацию бестолковой девственницы. К счастью, Марго всегда была поблизости. Еще вчера вечером доставили ее покупки, но она так и не притронулась к горе пакетов и коробок. Призналась, что была в отвратительном настроении. Марго и «отвратительное настроение» — эти вещи Эль считала равнозначными и равнозамменяемыми.

— Раз уж мы снова помирились, — Марго обняла ее за плечи и чмокнула в щеку, — предлагаю вскрывать эту гору.

Эль согласилась исследующие несколько часов наблюдала за тем, как Марго снова и снова примеряет обновки. Талант сочетать несочетаемое наверняка передался ей от матери: Александра Ван Дорт по праву считалась одним из самых экстравагантных модных дизайнеров, и удерживала это первенство уже несколько лет.

— Тебе очень идет, — сказала Эль, когда Марго появилась в длинном сиреновом платье с глубоким декольте.

В отличие от нее, Марго определенно было что показать, и Эль множество раз замечала жадные мужские взгляды на выдающихся прелестях подруги. А та все время твердила, что этим неприкрытым желанием ее трахнуть, мужики только еще раз доказывают свою приземленность.

— Жаль, что ты не нашла ничего для себя, — сказала Марго, разглядывая себя в ростовом зеркале. Повертелась, скорчила недовольную физиономию. — У меня словно на лбу написано: «Хочу заняться сексом без обязательств».

— Ты преувеличиваешь.

— А ты слишком милая. Нельзя все время говорить людям то, что они, по-твоему, хотят услышать, Эль. Иначе рискуешь превратиться в амебу.

«Может быть, я делаю так. Чтобы защититься?» — про себя ответила ей Эль.

Люди, вроде нее, не могут позволить себе роскошь говорить одну правду, потому что она слишком дорого обходится. Куда проще дать человеку то, что он готов получить. И Марго, сама того не желая, была одной из тех, кто в большинстве случаев не был готов услышать правду.

Пока Марго небрежно запихивала обновки в шкаф, Эль привлекла внимание обложка одного из толстых журналов, которые Марго купила для матери. Внизу обложки был снимок красивого парня: камера запечатлела его сидящим на каменном парапете. Эль никогда бы не смогла забыть лицо человека с такими невероятными, словно неон, глазами, а на фото их голубизна была еще глубже. «Я просто делаю хорошо все, за что берусь», — значилась его цитата, сбоку от номера страницы с полным интервью. Эль достала журнал, нашла нужный разворот. «Джонатан Эванс: наследник династии с королевской кровью, надежда семьи и лучший выпускник Йельского университета.

Конечно, кто бы сомневался, что в салоне «Тиффани» простым смертным делать нечего.

— погоди, я должна это заснять! — налетела на нее Марго. И прежде, чем Эль успела загородиться рукой, сняла ее на камеру смартфона. Подруга не без триумфального блеска в глазах, показала ей снимок. Это достойно стать главной новостью фейсбука: Габриэль Кромби зачиталась глянцевым журналом!

А потом ее взгляд упал на обложку — и Марго удрученно подкатила глаза.

— Этот тот слащавый мальчик из «Тиффани»? — спросила она таким тоном, как будто

не нуждалась в ответе.

— Он не слащавый.

— Мужчины с такими губами и глазами не могут быть не слащавыми, — продолжала гнуть свое Марго. — Спорим, он туда силикон закачал.

— В глаза? — Эль показал ей язык, и снова углубилась в статью.

Марго тут же потеряла интерес к платьям и туфлям, плюхнулась на кровать рядом с подругой и сунула нос в статью. Ее рука скользнула Эль на бедро, но взгляд блуждал по строчкам. Эль попыталась отдвинуться, но на ее попытку Марго только притиснулась еще плотнее.

— Джонатан Эванс — отпрыск с королевской кровью, — вслух продекламировала Марго выделенную крупным курсивом цитату. — Ну просто настоящий принц на белом коне. Бррр. Всегда считала таких сладких мальчиков маменькиными сынками. — Марго брезгливо сморщила нос.

— Ты считаешь его маменькиным сынком только потому, что он королевской крови? — Эль успела привыкнуть к тому, что выводы Марго о людях часто зиждутся на абсолютной вкусощине, но сейчас она перещеголяла саму себя.

— Я видела его мать в магазине, Эль. Поверь, когда женщина носит такие туфли и такой костюм, и вот так безвкусно укладывает волосы, ее сын просто не может быть нормальным парнем.

«Как будто у тебя большой опыт в общении с парнями», — чуть было не сказала Эль. К счастью, вовремя спохватилась и предпочла пожать плечами, мол, думай, что хочешь, а я останусь при своем мнении.

— То, что я редко встречаюсь с парнями, не означает, что ничего в них не смыслю, — не желала сдаваться Марго. — Все мужчины, даже если у них вот такие вот здоровенные голубые глазища — сволочи, Эль. Чем раньше ты это поймешь, тем разумнее распорядишься своей девственностью.

Эль закашлялась. При чем тут ее девственность?

— Они заглядывают тебе в рот, со всем соглашаются и даже выглядят искренне заинтересованными, когда ты выворачиваешься перед ними наизнанку. И знаешь зачем? Чтобы затащить тебя в койку, поиметь, а утром намекнуть, что пора бы тебе, деточка, валить на все четыре стороны.

— Ты слишком утрируешь.

— А ты витаешь в облаках. — Марго придвинула к ней еще сильнее, одним толчком перевернула Эль на спину и нависла над ней, неумолимая и агрессивная, словно семейное проклятие. — Поэтому я всегда буду оберегать мою маленькую глупенькую Габриэль от этих хищников.

Марго погладила Эль по щеке, зацепила большим пальцем ее нижнюю губу. Она вдруг перестала корчить из себя непримиримую феминистку, стала неожиданно серьезной и начала медленно наклоняться к ней.

Эль брыкнулась и скинула ее с себя — где только силы взялись. В два счета оказалась у двери, нервно вжала ручку до самого низу.

— Я хочу... пить, — пробормотала первое, что пришло в голову, и пулей бросилась вон.

«Она что — собиралась меня поцеловать?!» — в унисон бьющимся о ступени пяткам, снова и снова мысленно спрашивал себя Эль.

Остановилась только в гостиной, и лишь потому, что со всего разбегу налетела на

Максимилиана. Она с размаху впечаталась лбом в его плечо, от чего перед глазами расцвели разноцветные фейерверки вроде тех, что взрываются над замком Диснея. Эль, потирая ушибленное место, попятилась, наткнулась на ступеньку — и неумолимо зашаталась. Взмахнула руками, надеясь сохранить равновесие, но тщетно: падение было неминуемым.

Максимилиану потребовалось одно мгновение, чтобы оценить обстановку и схватить ее за руку. Одним рывком он потянул Эль обратно. Она, сама того не желая, схватилась за лацканы его пиджака, втянула носом едва уловимый аромат одеколона. И, как ревнивая жена, скользнула взглядом по воротнику его сорочки.

«Дура! — мысленно наподдала себе Эль. — Он уходил в голубой рубашке и синем костюме, а сейчас на нем белая и костюм серый. Наверное, у него целый гардероб на работе и даже штат сотрудников, отвечающих за глажку и стирку»

— Если ты раздумала падать... — начал мужчина, но Эль и так отстранилась. — Вижу, твоя нога уже почти в порядке.

Она рассеянно кивнула и обошла его по широкой дуге. Его собственный запах, словно изысканное блюдо приправленный нотой дорого пряного одеколона, будоражил ее воображение странными образами, в которых Макс был в плавках у кромки бассейна, и вода скользила по его восхитительному мускулистому телу, и...

— Точно нормально? — насторожился Макс.

— Я просто ... хотела пить, — выдавила она, пятясь от него все дальше и дальше.

А Макс, вместо того, чтобы идти, куда шел, последовал за ней шаг в шаг. Его гладко выбритое лицо едва оттененное легкой небритостью, было так же соблазнительно, как первородный грех.

— Габриэль, нам нужно поговорить, — заявил он твердо, одной лишь интонацией опровергая любую попытку возражать. — Я был бы признателен, если бы мы сделали это в библиотеке.

— Если вы об утреннем разговоре, то...

— «Ты», Габриэль, — поправил Максимилиан. — Можешь упрямитесь и «выкать» мне сколько угодно, но тогда уж привыкай, что я буду ровно столько же тебя поправлять. Я довел упрямство до идеальной остроты, Эль, и ты мне в этом явно не соперник.

Он одобрил реплику простой открытой улыбкой. Что происходит? Выгулял своего «друга», сбросил напряжение — и сразу превратился в нормального мужика? Ее так и подмывало задать вопрос вслух.

— Если у тебя нет веских аргументов против моего предложения... — Максимилиан гостеприимно указал в сторону двухстворчатых деревянных дверей, украшенных витиеватой изысканной резьбой.

Вместо ответа она просто пошла в указанном направлении. Как бы там ни было, а сейчас этот мужчина лучшая компания, чем Марго с ее странными выпадами.

— Господи... — прошептала Эль, едва вошла внутрь.

Максимилиан мягко прикрыл за ними дверь, позволил ей осмотреться.

Это в самом деле была библиотека: не пара полок с жидкими книжными пособиями о том, как устроить личную жизнь или развить в себе творческий потенциал, а множество тяжелых полок, на которых плотными шеренгами стояли толстые тома в старинных обложках. Трудно представить, что за реликвии здесь можно отыскать, но после подленников Моне и Ван Гога Эль не сомневалась, что найдет здесь настоящий клондайк. Возможно, первое издание Шекспира или Хемингуэя.

— Могу я...? — Она недвусмысленно шагнула к первой же полке.

— Это просто книги, Габриэль. Они созданы для того, чтобы их брали в руки, листали и читали.

Его слова еще не смолкли, а Эль уже потянулась к коричневому тому в замшевой обертке с золотыми потертыми буквами. Джейн Остин, «Грозовой перевал» — историю, которую она перечитывала до неприличия много раз. Открыла книгу наугад и вслух прочла несколько строк, потом закрыла — и закончила абзац по памяти.

Потом была еще одна книга, и еще, и еще, пока Эль не почувствовала себя Алисой из известной сказки, которая увлеклась белым кроликом — и потеряла реальность. Она выглянула из-за полки, полностью отданной во власть английской литературе двадцатого века, поискала глазами Максимилиана.

Тот стоял у стола и терпеливо ждал, когда она насытится. Конечно, за десять минут или даже за час, этого нельзя было сделать, но если бы кто-то спросил, существует ли рай на земле, то она без сомнения назвала бы его библиотекой Максимилиана Ван Дорта.

— Я хотел извиниться за свою вчерашнюю грубость, — сказал Максимилиан, когда она как раз тянулась к томику Ремарка.

И хоть во фразе не было и тени раскаяния или сожаления, она повергла Эль в шок. Максимилиан ванн Дорт, миллионер, человек, который знает, что такое верхушка мира — и вдруг извиняется перед девчонкой из замызганного трейлера? Это стоило того, чтобы отложить «Прощай, оружие!» и выглянуть из засады книжных шкафов.

Мужчина подошел к ней, молча вручил красивую картонную коробку, украшенную розой из шелковых лент. Название ни о чем Эль не говорило, но что бы там ни было, оно наверняка было способно ее удивить.

— Она не кусается, Габриэль. Открой.

Эль подошла к столу — еще одному произведению плотницкого мастерства — водрузила подарок со всей возможной осторожностью и нехотя потянула за кончики шелкового цветка. Роза «распустилась», превратилась в невесомую пену. Эль сняла крышку, чувствуя себя едва ли не открывающим новый континент Колумбом. Внутри были... конфеты. В стильных красных, синих и белых обертках, переложенные мягкими картонными решетками и украшенные точно такими же миниатюрными шелковыми розами.

— Вспомнил, что ты любишь шоколад, — сказал Макс.

— Люблю, — деревянным языком зачем-то подтвердила она. Перевела взгляд на конфеты — и снова на мужчину. — Уверен, что это можно есть?

— Намекаешь, что я пытаюсь тебя отравить?

— Нет, я... — Она поймала его едва сдерживаемую улыбку и поддалась желанию улыбнуться в ответ. — Имела в виду, что они выглядят, как неприкосновенный музейный экспонат.

— Надеюсь, на вкус получше, чем маринованный палец фараона.

Теперь уже Эль не сдержала смехок. Макс выудил конфету из белой обертки, протянул сладость Эль. Она пыталась сфокусировать внимание на золотых вензелях поверх глянцевого покрытия молочного шоколада, но мужчина гипнотизировал ее, будто магнит. Она пыталась сопротивляться искушению, но не могла заставить себя даже отодвинуться. И, повинаясь яркому обжигающему импульсу, откусила от конфеты прямо из его рук. Шоколад тут же растаял на языке удивительным сливочно-миндальным вкусом. Максимилиан сглотнул: его кадык дернулся над фривольно расстегнутым воротничком, глаза ласкали ее

губы.

«Прекрати, Эль, немедленно прекрати это», — увещала она себя, но голос рассудка стремительно растворялся в тянущей неге внизу живота.

Боже, да у нее трусики намокли!

Эль сжала колени, как будто боялась, что Максимилиан увидит стыдливое свидетельство ее желание даже сквозь шорты. Хотя, ее вспыхнувшие щеки и так выдали с головой каждую грань «взрослых» мыслей.

— Вкусно? — вкрадчиво поинтересовался он, и, не дав ей ответить, протолкнул между губ оставшийся кусочек.

Эль дождалась, пока сладость растает, облизнула губы, ни на мгновение не теряя зрительного контакта с его глазами.

— Очень, спасибо, — сказала осторожным шепотом.

— Рад, что тебе понравилось. — Максимилиан отступил, увиливая расстояние между ними на несколько шагов.

Только после этого Эль, наконец, смогла выдохнуть и переварить случившееся. Она в самом деле только что сделала все эти странные вещи?

«Сделала, потому что видела в каком-то идиотском фильме, — охотно подсказал внутренний голос. — Только там все выглядело соблазнительно, а ты вела себя как корова на льду».

— Как прошел ваш с Марго шопинг?

Макс, наконец, снял пиджак и, прислонившись к столу бедром, лениво закатывал рукава рубашки. И снова поглядывал на часы. Заговоренные они у него что ли?

— Мне кажется, Марго осталась довольна.

— А ты?

— Я? — Этот мужчина что, всерьез думал, будто после всего услышанного, она согласится купить хоть за его деньги хоть бусы за десять центов? — Я не люблю ходить по магазинам. Мне достаточно того, что у меня и так уже есть.

— Ты очень сильно лукавишь, Габриэль. — Кажется, Макс остался разочарован ее ответом. — Все женщины любят покупать новые наряды. Или новые кроссовки. Украшения, сумки, шубы, телефоны. Автомобили, в конце концов, — он ухмыльнулся. — Честно говоря, я рассчитывал, что вы хорошо проведете время.

— Мы его и провели хорошо.

На этот раз взгляд Макса вцепился в нее, словно голодный клещ. Эль стоило трудов не поддаться его магнетическому влиянию и не подвинуться ближе, чтобы снова, как заядлая наркоманка, насладиться запахом этого мужчины.

— Габриэль? — Максимилиан оставил недвусмысленную паузу.

— Ладно, — сдалась она. И потянулась за следующей конфетой. Внутри красной обертки на этот раз оказалась конфета из черного шоколада. Эль повертела ее в руках, но в рот отправить так и не решилась. Сперва права. — Марго была довольна, а я просто ходила с ней за компанию. Не представляю, что должно было случиться, чтобы после нашего разговора утром... я... ну в общем...

— Полагаю, я понял куда ты клонишь. — Макс нахмурился, снова сократил расстояние между ними и плотоядно уставился на конфету. И, не долго думая, прихватил слабость губами, как бы невзначай поцеловав пальцы Эль. Отстранился, чтобы оценить произведенный эффект. — Надеюсь, теперь мы все уладили?

Эль пришлось взять паузу, чтобы собраться с ответом. Невозможно трезво соображать, когда он действует на нее так агрессивно и со всех сторон. Нужно бы игнорировать эту сумасшедшую энергетику, но чем сильнее она противиться его притягательности, тем сильнее в ней вязнет. Не Максимилиан Ван Дорт, а какой-то зыбучий песок!

— За эти вкусности я бы и душу дьяволу продала, — попыталась пошутить она, остро ощущая жжение на коже в тех местах, где ее только что коснулись губы Макса.

— То есть, я продешевил?

— Если речь о том, чтоб снова наговорить мне гадостей, то — нет.

— Нельзя быть такой серьезной в восемнадцать, Габриэль, — посмеиваясь, укорил мужчина.

Ну вот и как с ним быть? Он то хмуриться, то улыбается, как Чеширский кот. Или, вот как сейчас, задумчиво изучает ее лицо с таким видом, будто собирается поохотиться. Самое правильное решение — убратся от него подальше. Закрывать разговор на позитивной ноте, пока они снова не наговорили друг другу неприятных вещей. Если Максимилиан за каждую оплошность будет расплачиваться сладостями, ей, чего доброго, в самом деле придется обновлять гардероб.

— Какого хрена ты творишь?!

Эль задержала дыхание, чтобы выдержать этот удар под дых от Марго. Та влетела в библиотеку, словно смерч, втиснулась между ними и грубо оттолкнула подругу от брата.

— Я спрашиваю — какого хрена ты себе позволяешь?! — Убедившись, что Эль достаточно далеко, Марго налетела на Макса с новыми силами.

Максимилиан перехватил ее занесенную для пощечины руку, резко и бесцеремонно отшвырнул. Когда сестра предприняла еще одну попытку, повторил тот же трюк, но на этот раз Марго не смогла сдержать болезненный вскрик.

— Успокоилась? — невозмутимо поинтересовался Макс.

— Ты придурок! Чертов садист! Извращенец! Педофил! — Грубости и непристойности сыпались из ее рта неиссякаемым потоком. — Мало тебе своих девок шлюшных трахать? Обязательно нужно поиметь еще и малолетку? Или тебе на старости лет целки захотелось?!

На этот раз Эль чуть не упала на ровном месте. Кровь ударила в лицо, растеклась по щекам жгучим стыдом. Зачем она все это говорит?

— Марго, пожалуйста... — попыталась успокоить подругу Эль, но та вряд ли услышала хоть слово.

— Так вот почему она вчера сама не своя была, да? — Марго заводилась все сильнее, разгоралась, как копна сена от искры. — Ты к ней еще вчера свои руку протягивал?

— Мне кажется, ты перегибаешь палку, — спокойно и холодно ответил Максимилиан. Если сестра и зацепила его, то либо незначительно, либо он прекрасно владел собой. — И я сейчас довольно мягко выражаюсь, Маргарита, потому что грубости, которые ты тут наговорила, стоят настоящей порки.

— А ты стоишь, чтобы тебя посадить на цепь, — громко огрызнулась Марго. — Я знала, что для тебя нет ничего святого, что ты и мертвого из могилы достанешь и поимеешь, если будешь знать, что это потешить твою похотливую душонку, но Эль ты не получишь.

— Можно поинтересоваться — почему?

Чтобы хоть немного прийти в себя, Эль приложила ладони к пылающим щекам. Никогда в жизни она не испытывала такого отвращения к себе. Марго словно только что сдернула с нее всю одежду, выставила бесстыже голой перед человеком, которого она же,

Эль, и спровоцировала. Где были ее мозги, когда она пробовала ту злосчастную конфету с его рук? И зачем он теперь, вместо того, чтобы как-то защититься, только еще сильнее раззадоривает сестру? Дразнит, словно собачонку.

— Не твое собачье дело, — прошипела Марго в ответ на вопрос брата. — Все, что тебя должно волновать: как уговорить меня держать рот на замке.

— Нет-нет, Маргарита, — Макс скрестил руки на груди, усмехнулся, на мгновение преобразившись в сытого хищника. — Я все-таки желаю услышать ответ: почему я не могу получить Габриэль, даже если, допустим, хотел бы этого?

«Сколько вы еще будете меня игнорировать?! — хотелось закричать ей, но какая-то внутренняя садистская часть ее души тоже желала узнать ответ.

— Потому что ты на двенадцать лет старше ее! Это растление!

— Габриэль, — Макс поднял взгляд над головой сестры, — тебе есть полных восемнадцать?

Следом на нее уставилась и Марго. И взгляд подружки буквально вопил, что в этом споре Эль должна встать на ее сторону. Боги, и как это сделать? Соврать, что она малолетка? Максимилиан знает, что они поступают, это все равно, что убеждать слепого, что он не слепой!

— Марго, ты знаешь, что мне есть восемнадцать, — сказала Эль.

— Но ты — девственница! — Марго разве что не шипела от злости.

— Хватит говорить это таким тоном, будто она прокаженная, — осадил сестру Макс. — Не все потеряли невинность на заднем сиденье «Мерседеса», Марго, и это не то, из-за чего меня бы, гипотетически, могли потащить в суд.

Марго внезапно переменилась. Из рвущей все в клочья девчонки превратилась в холодную расчетливую Маргариту Ван Дорт, которая знала, как и куда ударить больнее всего. Эль уже видела подобные преображения — обычно, именно с вот таким лицом Марго распекала ее нерадивую семейку. Тогда она была на стороне Эль, но сегодня, похоже, придется на собственной шкуре ощутить каждый хладнокровный удар.

— То, как я потеряла невинность для Эль давно не секрет, — пожала плечами Марго. — Рассказывала ей, чтобы не повторяла моих ошибок.

— И избегала мужчин, да?

— Тебя беспокоит, что ее тошнит от одного вида члена? — вопросом на вопрос ответила Марго. — Увы, Макс, но ее таки в самом деле тошнит от мужчин. Как и любую здравомыслящую женщину. Потому что вы годитесь лишь для того, чтобы от совокупления с вами появлялись дети.

— Очень современное утверждение, — закивал Макс. — Просто так слышу в нем целый хор всех твоих комплексов и личных предпочтений. Но судя по тому, что Габриэль до сих пор не в курсе твоего маленького секрета, — он отмерил размер пальцами, — она не совсем ... в твоём кружке мужененавистников.

— Замолчи, — предупреждающе зарычала Марго. — Заткнись.

— Разве не ты начала? — переспросил мужчина. О нет, он определенно не собирался заканчивать. — Ты врываешься сюда, обвиняешь меня на пустом месте, а потом лишаешь шанса защититься.

— Мы не в суде, Макс. И ты знаешь, что мои обвинения не беспочвенные: весь Манхэттен знает, что ты тот еще кобель.

— Я холостой тридцатилетний мужчина, — Максимилиан развел руками. — Не вижу

смысла вести монашеский образ жизни.

— Вот и ищи себе жертву в своих чертовых клубах, а к Эль даже подходить не смей.

— Потому что ты выбрала ее для себя?

Что значит «выбрала для себя?»

Эль затравлено отступила к двери. О чем бы они ни говорили, какими-бы намеками и упреками ни швыряли друг в друга — ее это не касается.

«Теперь ты понимаешь, к чему были все эти поглаживания? — гаденько захихикал внутренний голос. — Почему она все время разгуливала голышом и обзывала ублюдком любого парня, который просто пытался флиртовать с тобой в «Цыпочках»?

Эль пыталась отмахнуться от этого, но липкое отвращение просачивалось за шиворот и растекалось по спине. Марго хотела, чтобы они с ней...? Господи.

— Я тебя ненавижу, — прошипела Марго где-то там, где теперь Эль видела лишь размытые контуры двух фигур. — Ненавижу как ты всегда и во все суешь свой поганый нос. Считаешь, что раз ты весь из себя богатый засранец, то это дает тебе право решать за всех, как им будет лучше.

— Ты привезла ее сюда, Маргарита, надеясь, что на чужой территории девчонке ничего не останется, кроме как поддаться тебе. Запихнула в свою чертову «идеальную жизнь», надеясь, что склонишь к сексу если не из чувства благодарности, то потому что Габриэль будет тебе со всех сторон обязанной.

— И что с того? У меня был хороший учитель, Макс — ты. Мы с матерью всю жизнь существуем в тени твоей величайшей благосклонности: одобрит ли Макс то, разрешит ли это, согласится ли одолжить парочку своих натасканных адвокатов. Бл*дь, мы все — твои марионетки!

— Не припоминаю, чтобы кто-то из вас жаловался раньше.

— Можно я пойду? — Эль на слабых ногах шагнула к двери, стараясь не обращать внимания на то, что пол шатается под ногами, словно неустойчивая платформа для цирковых фокусов.

Никто не пытался ее остановить.

Быстрее, прочь отсюда. Из библиотеки, из дома, туда, где она сможет нормально дышать.

Практически не видя дороги, Эль вышла на улицу, остановилась, чтобы выдохнуть. Хотелось кричать, вопить, ругаться. Сделать хоть что-то, чтобы избавиться от напряжения. Но не делать же это здесь, под пристальным взглядом охранника и прицелом нескольких камер слежения.

За воротами улиц растекалась в бесформенное пятно: куда хочешь — туда и иди. Хорошо бы, конечно, пойти туда, где не будет Ван Дортов с их «глубокими семейными секретами и сложными отношениями».

Эль побежала вниз по улице, постепенно набирая темп. Бежала так быстро, что ветер свистел в ушах. Вот только даже когда он без сил уселась на первую же встречную лавочку, дурные мысли так и остались при ней. Похоже, на этот раз потребуется больше времени, чтобы взять себя в руки и в который раз осознать, что для таких, как она, жизнь все-таки дерьмо.

Она пришла в себя, когда на небо напоззли сумерки, и тусклые звезды слабо пульсировали за рваными, пророчащими дождь облаками.

Натруженная нога ныла от тупой боли.

«Ну и что ты будешь делать?» — напомнило о себе отчаяние.

Если бы все было так просто и однозначно: переехать в гостиницу, запереться от мира в четыре стенах, где ее никто не сможет достать, и сосредоточиться на том, какое будущее строить в случае провала со стипендией.

— И чем я только думала?

Жалеть себя она точно не будет. Сама виновата: надо было думать головой, а не гоняться за мечтами. Если бы мать была жива и могла влезть ей в голову, то от души посмеялась бы над своей нерадивой дочерью.

«Но она не жива».

Когда рядом затормозила машина, Эль насторожилась. Район, хоть и приличный, но на улице же темно, вокруг ни души и она, кажется, понятия не имеет в какую сторону идти, чтобы вернуться в особняк Макса. И кричать, наверное, тоже бесполезно — отсюда даже ни одного дома не видно, зато впереди, метрах в десяти, как раз начинается парк. И хоть он достаточно освещен, но...

— Габриэль? Я думал, мне померещилось.

Когда водитель подошел ближе, Эль сразу узнала его невероятно-голубые глаза. И с облегчением, будто скинула тяжелую ношу, выдохнула.

— Привет, Джонатан. — Они стояли достаточно близко, но Эль все равно заме-то помахала в знак приветствия. И брякнула: — Если что — я просто гуляю.

— Я так и понял. — Парень задумчиво осмотрел ее с ног до головы. — Надеюсь, у тебя все хорошо?

— Да, все в полном порядке, — слишком быстро и слишком беззаботно ответила она.

— Ага, обычно именно так и выглядят люди у которых все в порядке, — не поверил Джонатан. — Я живу здесь неподалеку. Если могу чем-то помочь...

— Никаких проблем. Вообще.

— И все же позволь мне не поверить в это, хотя ты можешь остаться при своем мнении.

Где твоя подруга? — Он осмотрелся.

— Полагаю, что у себя дома.

— Я могу тебя подвезти.

— Спасибо, не стоит.

— Мне совсем не сложно.

— Я не хочу сейчас туда ехать, — по словам проговорила Эль и снова тяжело опустилась на скамейку. — Просто хочу немного побыть одна. Нет никакой необходимости за меня волноваться.

Джонатан кивнул и вернулся к машине. Эль подумала, что самое время остановить его, но парень вовсе не собирался оставлять ее одну. Вернулся с пледом.

— В это время суток здесь быстро холодает. Глазом моргнуть не успеешь, как продрогнешь до костей. Не возражаешь?

Он потянулся к ней с намерением завернуть в плед и Эль приняла помощь с немой благодарностью. Судя по сочувствию на его лице, у нее до безобразия жалкий вид.

— Значит, лучший выпускник Йеля? — чтобы как-то разбавить неловкую тишину, спросила она.

Джонатан сперва удивленно вскинул бровь, а потом кивнул, очевидно соглашаясь со своими же мыслями.

— Видела статью?

— Ага. Хорошее фото.

— Пожалуй, это все, на что я оказался способен после того, как в нашем доме появились журналисты, камеры и диктофоны. Чувствую себя до чертиков неловко, когда приходится давать интервью и говорить какие-то умные пафосные речи, чтобы потом не было еще более стыдно перечитывать свой бред уже с отпечатанных страниц.

— В таких случаях прежде чем соглашаться на интервью, следует оговорить, что они опубликуют его только после согласования, — подсказала Эль. — Не все журналисты на это соглашаются, но обычно, можно согласовать нюансы, чтобы и волки были сыты, и овцы целы.

— Ничего себе, — Джонатан одобрительно улыбнулся. — Дай угадаю — ты тоже будущая журналистка?

— Если повезет, то да.

— Повезет?

Эль помахала, мол, ерунда, не о чем говорить.

— Как скажешь, — не стал настаивать он. — Может быть, есть какие-то другие темы, на которые ты согласна поговорить откровенно или мне никак не обойтись без сыворотки правды?

— Всегда думала, что она существует только в фильмах.

— В фильмах, и в моем кармане. — Джонатан деловито похлопал себя по нагрудному карману простой клетчатой рубашки. — Ношу на случай, если повстречаю неразговорчивую красотку, и она откажется дать мне свой номер.

Он достал из кармана джинсов телефон и записал под ее диктовку. Когда Джонатан тут же нажал «вызов», Эль замахала руками.

— Я забыла его дома, — сказала смущаясь.

— Ничего, зато, когда вернешься, у тебя будет и мой номер тоже. Послушай, я понимаю, что возвращаться тебе не хочется, но мы могли бы, например, где-нибудь перекусить. Клянусь, что не маньяк, — он по-скаутски сложил пальцы и разве что не вытянулся по струнке. — Здесь неподалеку есть очень уютное место, там готовят потрясающий чай и фитнес-сладости. И веганскую выпечку, если вдруг ты...

— О нет, я абсолютно плотоядна. — Эль оскалилась, изображая хищника.

— Значит, договорились?

Эль собиралась сказать «нет», вежливо извиниться, что вмешалась в его планы — ведь он же куда-то ехал в девятом часу вечера? Но вместо этого просто кивнула, принимая предложение. В конце концов, альтернативой приятной компании Принца, как она мысленно окрестила своего нового знакомого, была лавочка в пустом парке. И следующая встреча в нем могла быть отнюдь не такой же приятной. Кроме того, за то время, что она проведет с Джонатаном, Марго и Максимилиан должны выяснить отношения, прийти к взаимопониманию и, наконец, перестать использовать ее в качестве трофея в их семейных баталиях.

Ехали они, впрочем, довольно долго. Эль помнила, что в этом районе были одни только особняки, а светская жизнь и магазины, располагались дальше. Одолженный Джонатаном плед оказался весьма кстати, потому что температура стремительно падала. Глядя, как Эль потихоньку стучит зубами, парень скорректировал климат-контроль и включил подогрев сидений.

— Это очень зря, — пошутила она, когда согрелась настолько, что начала безбожно

зевать. — Так я, чего доброго, притворюсь бездомно кошкой и засну прям здесь.

— Это угроза или обещание? — Джонатан на мгновение отвлекся от дороги и окинул спутницу взглядом, в котором прыгали чертики. — Мать все время говорит, что нам не хватает домашнего животного. Раньше мне ее затея взять кошку из приюта казалась бредовой, но я ничего не имею против такой... гмм... кошечки.

— Учти: я отвратительно мяукаю. — Она делано сморщила нос, как будто в самом деле огорчилась.

— В таком случае придется поить тебя исключительно молоком.

Эль позволила себя расслабиться, насладиться каждой минутой теплого разговора и уютного кожаного кресла. Безрассудно и глупо: ей бы думать о будущем, строить планы, что делать дальше и как выживать, а вместо этого она наслаждается бессмысленной болтовней. Марго, наверное, три шкуры с нее спустит, когда она вернется. Ну и что с того? Раз в жизни можно поддаться маленькому безумству.

— Я не уверена, что меня сюда пустят, — засомневалась Эль, когда Джонатан помог ей выйти из авто.

Место, куда он ее привез, называлось «Сова» и, несмотря на непритязательное название, даже своим фасадом скорее напоминало закрытое элитное заведение, чем место, где каждый желающий может скоротать время за чашкой кофе. Эль нервно отряхнула футболку: чистая, но довольно застиранная, и выглядит, прямо скажем, убого.

— Наверняка там у них дрес-код, — попыталась сопротивляться она, когда Джонатан осторожно взял ее под локоть и повел в сторону двери.

— А у тебя — я, — подбадривающе шепнул он.

Охранник на входе поприветствовал Джонатана, как старого знакомого, а тот в свою очередь справился о его аллергии. Они обменялись парой реплик, и Джонатан увлек спутницу в середину.

Внутри играла какая-то расслабляющая музыка, декор в темно-кремовых тонах обволакивал расслабляющей негой. Вроде и ничего вычурного, но каждая деталь, даже бархатные ленты на спинках стульев, буквально кричали: «Все это слишком дорого для замарашки из трейлера».

— Ты слишком зажата, Габриэль. — Джонатан аккуратно, но настойчиво толкнул на ее на один из кресел-мешков, которые валялись внутри небольшой, огороженной с двух сторон «кабинки». — Мы вроде договорились, что я не маньяк, никто не спрашивал у тебя приглашение и, поверь мне, здесь никому дела нет до того, как ты выглядишь. Ну, то есть, до тех пор, пока ты не напьешься и не начнешь бить посуду.

— Я не пью, — все еще чувствуя себя не в своей тарелке, пробормотала она. Опустила взгляд на меню, потом снова посмотрела на спутника. — Я понятия не имею, что нужно заказывать в таких местах.

Это была чистая правда. Они с Марго редко посещали подобные заведения. Та предпочитала обычные закусочные и изредка — кофейни. И в таких случаях, Марго заказывала сама, чтобы иметь возможность самой же и расплатиться. Эль знала, что подруга это делает, чтобы не зацепить ее чувства — самой ей было ни за что не оплатить даже десерт — и всегда старалась выразить благодарность хотя бы словами.

«Может быть, Марго делала все это, чтобы заставить тебя испытывать чувство вины? — «Ожил» внутренний голос. — Чтобы однажды у тебя не осталось иного выхода. Кроме как вернуть долг?»

— Я не знаю, что ты любишь, поэтому — решай сама. — Джонатан посмотрел на нее поверх своего меню.

— Мне... я не знаю. — Эль скользнула взглядом по списку горячих напитков. Выбор сортов кофе поражал воображение, вот только добрая половина из них ни о чем Эль не говорила. — А латте у них есть?

Парень отложил меню — и несколько минут разглядывал собеседницу, словно диковинку. Будто она была куклой, которая научилась ходить и говорить без заводного ключика.

— Хорошо, но чур меня не упрекать, что я не угадал.

И хоть он в самом деле не угадал, Эль чувствовала себя почти счастливой.

Почти, потому что в голове отчего-то настойчиво вертелся образ Максимилиана Ван Дорта в тот момент, когда он, глядя ей в глаза, осторожно коснулся губами ее перепачканных в шоколад пальцев. Самый неподходящий, самый ненужный и бессмысленный образ, который только может быть, но он незримо присутствовал за столом, словно третий лишний.

Вечер прошел чудесно. Не настолько, чтобы Эль полностью погрузилась в беседу и отключилась от всплывающих на периферии сознания мыслей о возвращении, но, по крайней мере, она успокоилась. И на какое-то время даже перестала гадать, с какими лицами ее встретят Максимилиан и Марго. Он-то уж наверняка позаботиться о том, чтобы хлопотная гостья больше не вносила хаос в его размеренную жизнь. На его месте она бы именно так и поступила: избавилась от раздражающего фактора как можно скорее.

О себе Джонатан говорил нехотя, хотя скорее потому, что чувствовал неловкость за свое, как он выражался, «упакованное предсказуемое будущее». Его семья владела корпорацией, выпускающей медицинское оборудование. Мать была доброй католичкой — почему-то именно на этом Джонатан несколько раз с акцентировал внимание. Она же занималась благотворительностью, и из своего личного фонда обеспечивала несколько церковных приходов. Кроме того, чуть ли не раз в месяц устраивала всякие благотворительные мероприятия. «Она одержима мыслью помочь всем на свете, — сказал Джонатан, краснея, будто признавался, что его мать — прокаженная. — Мне кажется, что она через чур старается, и иногда ее попытки помочь выглядят слишком... навязчиво». В ответ на это признание, Эль поделилась историей из жизни одного приюта для животных, где раньше подрабатывала на добровольных началах. Туда никто ничего не приносил, и чтобы прокормить животных приходилось едва ли не стоять с протянутой рукой.

— Если бы кто-то вроде твоей матери помог бедным кошкам, у многих из них была бы счастливая новая жизнь: теплая подстилка, хороший корм, ласковые хозяйские руки и даже когтеточка. Но желающих не нашлось, в итоге, тех, кого еще можно было пристроить — пристроили, а остальных...

Эль отмахнулась от грустных мыслей, и тут же извинилась: его-то мать опекалась жизнями людей.

На выходе официантка вручила им по бумажному пакетику с фирменной атрибутикой в виде стилизованной совиной головы. Сгорая от любопытства, Эль заглянула внутрь как только Джонатан помог ей сесть в машину.

— Сова! — Эль выудила наружу круглое печенье в форме той самой головы. — Они раздают печенье всем посетителям?

— Хороший маркетинговый ход, — подмигнул парень, не без интереса наблюдая, как

Эль разглядывает угощение. — Им это ничего не стоит, зато ты наверняка не забудешь такой жест гостеприимства.

— Так вот как это работает! — Эль спрятала печенье обратно в пакетик и, хоть возвращаться в ту часть реальности не хотелось, сказала: — Если честно, я смутно помню, где находится дом Марго.

— А опознать его сможешь? — Это известие Джонатана не ошарашило.

Она кивнула.

— Дом Максимилиана Ван Дорта, если вдруг это тебе о чем-то говорит, — на всякий случай добавила она.

— Оу, так бы сразу и сказала, — приободрился Джонатан, завел мотор и выехал со стоянки на дорогу. Он быстро влился в порядком поредевший поток машин.

Эль скосила взгляд на часы на приборной панели — почти десять. Значит, на пороге дома Максимилиана она появится около половины одиннадцатого. Вот потеха будет, если ее не пустят даже за ворота.

— Ты знаешь, где это?

— Мать часто приглашает его на свои благотворительные вечера. Живет двумя кварталами ниже: огромный особняк с кортом и бассейном. Мать очень расстраивалась, что риэлтор не смогла скостить цену для нас, а через пару месяцев дом купил Максимилиан. Иногда мне кажется, что в отместку она нарочно трясет с него столько денег. Просто удивительно, как он до сих пор принимает ее приглашения. Не знал, что твоя подруга — его подруга.

— Сестра, — поправила Эль.

— Не знал, что у него есть сестра. Кажется, он и дома-то бывает не часто.

Она пожала плечами, тем самым обозначив, что в такие подробности личной жизни холостого миллионера ее никто не посвящал. Возможно, здесь они друг у друга на ладони, а она просто гостя на этом празднике жизни, и последнее, что ей нужно — углубляться в мир больших денег со всеми его возможностями и пороками.

Как она и предполагала, Джонатан подвез ее к дому ровно в половину одиннадцатого. И, несмотря на ее отчаянные протесты, вызвался провести до порога и, если потребуется, объяснить, что по его вине гостя задержалась так долго. Эль ни слова не обронила о своих опасениях, но всю дорогу до дома нервно поглядывала на часы. Этого оказалось достаточно, чтобы Джонатан снова доказал, что и в современном мире есть место для настоящих принцев из сказки.

Когда Эль назвала свои имя, ворота открылись почти сразу. И как только впереди замаячил парадный вход, безошибочно узнала стоящего на пороге Макса.

— Кажется, он не в духе, — с сомнением прошептал Джонатан. — Выйду первым и поздороваюсь.

— В этом нет необходимости. — Она так спешила снять ремень безопасности, что в конечном итоге Джонатану пришлось крепко сжать ее пальцы. Эль выдохнула. В самом деле? К чему эти нервы? Ничего не произошло, просто она, как воспитанный человек, удалилась в разгар семейной ссоры.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Через лобовое стекло Эль с замирением сердца наблюдала, как мужчины обменялись рукопожатиями и дежурными фразами. Потом Джонатан помог ей выйти, незаметно шепнув на ухо: «Все в порядке, есть он тебя точно не будет».

— Я поднял на уши всю охрану, Габриэль, понятия не имею, сколько раз они успели прочесать всю округу вдоль и поперек, — устало и как-то отрешенно сказал Макс. Не пытался поставить это ей в вину, а просто обозначал, что предпринял ради ее безопасности. — Я понимаю, это вообще не мое дело, но в следующий раз, пожалуйста, бери с собой хотя бы телефон. Если бы я знал, что ты с Джонатаном, то сберег бы сколько-то сотен нервных клеток.

К счастью, он не ждал ответа. Поблагодарил Джонатана за беспокойство и, когда тот попытался на прощанье поцеловать Эль в щеку, зашел в дом, чтобы оставить их наедине.

— Я напишу тебе в вайбер, не возражаешь?

— Буду рада пообщаться снова.

Когда машина Джонатана исчезла из поля зрения, Эль пожелала себе удачи и вошла в дом, чувствуя себя Алисой, которая только что выпила из неизвестного пузырька. Что-то будет дальше? Очередная взбучка от Марго?

Странно, но Марго внизу не оказалось. Гостиная была приятно пустой и тихой. Эль с облегчением перевела дух. Время позднее, возможно, вымотанная семейными дразгами, Марго решила пораньше лечь спать? Иногда она так и делала, если была чем-то расстроена.

Но в комнате подруги тоже не оказалось. Зато там было предостаточно хаоса: распахнутая дверца шкафа, разбросанные вешалки, скомканное покрывало. Чувствуя неладное, Эль заглянула в ванну: и там никого. На полке, где еще утром была кипа вещей Марго, теперь валялась смятая футболка и одинокий носок.

Стараясь не поддаваться растущей панике, Эль схватила телефон, провела вызовы: несколько звонков с незнакомых номеров. Один, скорее всего, принадлежит Джонатону. Эль отмахнулась от всего этого, как от бесполезного мусора. Самое важное — узнать, куда подевалась Марго.

Ее номер не отвечал, а записанный голос автоответчика вежливо предлагал перезвонить попозже, когда абонент сможет принять входящий вызов. И так несколько раз. Эль написала сообщение в вайбер, но и там Марго была оффлайн.

Чтобы окончательно не сойти с ума, Эль села на кровать, прижала ладони к пульсирующим вискам и постаралась успокоиться. Этому должно быть какое-то рациональное объяснение. Скорее всего, они с Максом так и не нашли общий язык и Марго, идя на поводу у своей извечной импульсивности, съехала в гостиницу. Ну а как иначе? А ей ничего не сказала, потому что дуется. Тоже очень в характере Марго: своими руками создать проблему, а потом обвинить в ней всех окружающих.

А было ли в ней хоть что-то такое, в чем бы она брала ответственность в свои руки?

— Прекрати, — шепотом приказала себе Эль. — Марго — твоя подруга. Просто... у всех бывают тяжелые дни.

Она предприняла еще несколько попыток дозвониться до нее, но ни одна не увенчалась успехом.

А что, если она просто перебралась в другую комнату?!

Эль щедро треснула себя ладонью по лбу, ругая себя за рассеянность и безосновательную панику. Ну да, и как она сразу не догадалась? Марго встала в позу и решила продемонстрировать своей «фи» вот таким радикальным жестом.

Эль пулей вылетела из комнаты и пошла в сторону ближайшей двери, уверенная, что найдет Марго там. Никого. И в соседней комнате тоже пусто. Эль исследовала весь этаж, но Марго словно сквозь землю провалилась. Пришлось взять тайм-аут, подумать, а заодно дать

отдых ноющей лодыжке. Есть еще комнаты на втором этаже, в какой-то из них спит Максимилиан. Когда воображение подкинуло образ Макса, к которому она вторгается в одиннадцатом часу ночи с идиотским вопросом «А Марго разве не здесь?», Эль пробрал гомерический хохот. Нет, лучше все же спуститься вниз и спросить Максимилиана, куда подевалась его сестра. Конечно, выставит себя дурочкой, но зато закончится эта дурацкая игра в кошки-мышки.

Максимилиана она нашла на в библиотеке. Мужчина задумчиво смотрел в окно, без особого вкуса потягивая что-то из массивного стакана. На виски не похоже, скорее уж на апельсиновый сок. Эль не смогла сдержать улыбку: миллионер, который может позволить себе самые изысканные сорта алкоголя, напивается внутренностями апельсинов.

— Входи, — не поворачивая головы, предложил Максимилиан.

— Я...

— Услышал, как ты скребешься, — ответил он на ее незаданный вопрос.

Эль проскользнула внутрь, но на всякий случай предусмотрительно оставила дверь открытой. Сделала несколько шагов от порога и остановилась. На столе так и лежала подаренная Максом коробка конфет. Воспоминания о том, как она ни с того, ни с сего стала корчить из себя великую соблазнительницу, скрутили живот ноющей болью. Если бы она держала себя в руках, если бы не спровоцировала Максимилиана на ответную реакцию, ничего этого могло бы и не произойти. У него есть все основания желать вышвырнуть ее из своего дома еще сильнее, чем прежде.

Понимая, что разговор начать должна все-таки она, Эль прочистила горло кашлем и произнесла:

— Я хотела извиниться за то, как себя вела. Это было совершенно недопустимо.

Ну вот, она сказала это и небо не упало на землю, и под ногами не разверзлась геенна огненная. Осталось только дожидаться ответной реакции.

— Все в порядке, Габриэль, — после некоторой паузы, отозвался Макс. Повернулся, опираясь бедром на подоконник, отхлебнул из стакана. — Мне жаль, что ты узнала обо всем вот так. Следовало дать Маргарите шанс объясниться самой. Хотя, — тут же с раздражением прибавил он, — она должна была сказать раньше, а не водить тебя за нос. В итоге получилось то, что получилось.

«Знаешь, Эль, а я вообще-то лесбиянка и я тут подумала: а может нам заняться сексом, потому что ты мне вроде как нравишься».

Эль не смогла сдержать разочарованный стон. Даже в воображении это выглядело ужасно. Нет ничего страшного в том, с кем и каким образом человек стоит свою сексуальную жизнь. Если Марго предпочитает женщин, то это ее личное право, и Эль совершенно точно не стала бы осуждать ее за нетрадиционную ориентацию. Но то, что Марго имела на нее совершенно определенные виды, зная, что подруга совершенно точно гетеросексуальна, казалось странным. Эль не припоминала за собой радикальных высказываний на тему неодобрения чьей-то сексуальной ориентации, у Марго точно не было утаивать такие вещи. Тем более, когда сама Эль всегда выворачивала душу наизнанку, не утаивая от лучшей подруги совершенно ничего. Уж чего-чего, а возможностей признаться у Марго было предостаточно. Но она предпочла молчать.

В памяти всплыли приставания Марга, то, как она не упускала шанса пройти перед ней голой, обнять ее. Ее недвусмысленные прижимания и поглаживания.

Ну и дура же ты, Габриэль Кромби. Набитая дура. В эпоху, когда чуть ли ни каждый

день кто-то из знаменитостей совершает каминг-аут[1], не увидев того, что лежало под самым носом.

— Ты нравилась ей, Габриэль, это было очевидно с первого взгляда. Поэтому я был уверен, что ты, зная о ее предпочтениях, используешь слабости Маргариты для своих целей. Мне и в голову не могло прийти, что она держит это в тайне.

— Я просто слепая идиотка, — простонала Эль. — Марго пыталась дать мне понять. Но я вечно по уши в своих проблемах.

— Пыталась дать понять? — Макс одним махом опустошил стакан и с торжественным видом водрузил его на подоконник. — Если сестра хочет что-то сказать — она это говорит самым прямым способом и не стесняется в выражениях. Собственно, что сегодня и произошло. Не стоит винить себя в том, что Марго имела на тебя определенные виды, Габриэль. Она моя сестра и я люблю ее и всегда буду защищать, но это не отменяет того факта, что Маргарита — расчетливая стерва. Если бы она была парнем, я бы начистил ей физиономию.

— Она моя подруга. Нам просто нужно спокойно поговорить обо всем. — И хоть Эль пока не представляла, какими словами начать разговор, с ним определенно не стоило затягивать. — Где она?

Максимилиан Ван Дорт взглянул на часы, устало потер переносицу.

— Полагаю, в самолете. Летит домой.

— Летит домой? — тупо повторила Эль.

— Ну, такие у нее были намерения. Водитель отчитался, что отвез ее в аэропорт, а мой начальник службы безопасности отчитался, что пассажир с таким именем зарегистрирован в числе тех, кто зашел на борт.

Эль поняла, что на этот раз у нее не хватит сил даже устоять на ногах. К счастью, до стола было рукой подать, и она вовремя ухватила за столешницу. Колени пустились в пляс, перед глазами все поплыло. Ее словно сунули под пресс, раскатали, как какую-то запчатку.

— Марго летит домой? — чувствуя себя полной бестолочью, все еще не верила Эль. — Без меня?

— Последние ее слова были: «Пусть она остается здесь, раз хочет твой член между ногами». — Макс поморщился. — Это дословно. Насколько я понимаю, это означает, что Маргарита не планировала советоваться на этот счет с тобой.

— Она не могла так поступить.

— Могла и поступила, — не стал щадить ее чувства мужчина. — Я думал, ты в курсе, что вся Марго — вот в таких выходках.

«Я в курсе, но я не думала, что когда-нибудь она поступит так со мной».

Ну и что теперь делать? Из огня да в полымя.

Так, перво-наперво — успокоится. Это тяжело, но она должна взять себя в руки. Вдох-выдох, вдох-выдох. С горячей головой она вполне способна натворить еще больших глупостей, чем Марго.

— Наверное, я пойду. — Легче сказать, чем сделать, но стоять здесь было просто невыносимо. У нее хватит денег на обратный билет. Как раз впритык. А дальше... Вероятно, дальше будет полная беспросветная задница. — Мне нужно пятнадцать минут, чтобы собрать вещи.

— Не будет наглостью с моей стороны поинтересоваться, куда ты собралась и какие у тебя планы?

— Поеду домой, — Эль передернула плечами. Раздражение вскипело — и улеглось. Он задает вопросы, ответы на которые очевидны, но это не повод сгонять зло.

— Возможно, нам для начала стоит кое-что обсудить?

— Я не задержусь до утра, и не буду стеснять тебя своим присутствием. Пятнадцать минут — все, что мне нужно.

— Ты всегда делаешь выводы за других? — Максимилиан причесал пятерней волосы, нахмурился в унисон каким-то своим невысказанным мыслям, а потом предложил ей сесть в кресло у стола. — Выслушай меня, Габриэль. А потом, если пожелаешь, мой водитель отвезет тебя в аэропорт.

[1] Каминг-аут — открытое и добровольное признание человеком своей принадлежности к сексуальным или гендерным меньшинствам

Эль согласилась. В душе затаилось опасение, что еще один «душевный» разговор принесет лишь следующую порцию неприятных откровений. Или предложений? Почему-то в голове возник образ прикованной к постели голой девицы из какого-то фильма для взрослых, которая добровольно согласилась на роль содержанки в обмен на предоставление сексуальных услуг. А следом память воскресила дурацкий аукцион, который произвел настоящий ажиотаж в сети и СМИ: какая-то феминистически настроенная девица выставила на торги свою девственность, обещая, что все вырученные деньги передаст в фонд женщин, пострадавших от сексуального насилия.

Максимилиан производил впечатление человека, не способного предложить ни то, ни другое. Но и Марго не выглядела законченной лесбиянкой. Возможно, она просто не видит то, что лежит на поверхности? Снова и снова занимается самообманом, убеждая себя в том, что подобные гнусности должны обойти ее стороной. С оглядкой на то, что вся ее жизнь и есть одна большая гнусность, Эль первой называла бы себя романтической идиоткой.

— Я, как ты понимаешь, навел справки о тебе и твоей семье, — не стал юлить он. И не давая ей вставить слово, продолжил: — Извини, что пришлось покопаться в грязном белье семьи Кромби. Но такой уж я есть: должен знать всех, кто слишком близко подходит к моей семье. Мне нужно было убедиться, что ты не аферистка и не очередная ушлая журналистка, которая нашла лазейку, чтобы проникнуть за порог моего дома. Я не то, чтобы публичное лицо, но в моем деле репутация зарабатывается очень медленно, а теряется за секунды. Не представляешь, что может натворить раздутый газетчиками скандал.

Его аргументы звучали разумно. И все же это не отменяло того факта, что Максимилиан Ван Дорт сунул нос в ее прошлое и настоящее.

Эль, как прилежная ученица перед комиссией, положила ладони на колени, пытаясь собраться с духом для достойного ответа. Или чтобы выдержать то, что последует вслед за первой порцией признаний.

— Я знаю, что ты очень стеснена в средствах. Строго говоря, это лежит на поверхности.

— Да, я бедна, как церковная мышь, — нервно согласилась она. — И я до сих пор не понимаю...

— Я еще не закончил, — мягко, но уверенно перебил ее Макс. — Так же я знаю, что тебе вряд ли хочется возвращаться в лоно семьи. Судя по всему, твой отец, прости за грубость, тот еще засранец. Я не большой знаток человеческих душ, Габриэль, но кое в чем разбираюсь. Например в том, что ни одна здравомыслящая, довольная жизнью девушка, не согласилась бы на придуманную Маргаритой авантюру. Молодые люди часто тусуются вместе, это нормально. Но ты рискнула отправиться на другой конец света, хоть имеешь в

запасе пару недель и, строго говоря, от того, будешь ты ждать решение комиссии у себя в трейлере в Сан-Франциско или здесь, ничего ровным счетом не изменится. Из чего я делаю вывод, что ты воспользовалась поводом сбежать. Я прав?

Эль сглотнула. Это невозможно. Он за несколько минут разложил ее жизнь по полочкам.

По спине побежал холодок паники. А что, если он узнает и том поступке?

«Успокойся, Габриэль Кромби, он не может узнать. Никто не может. Прошное похоронено».

— У меня очень ... необычные жизненные обстоятельства, — справившись с паникой, пробормотала Эль.

— Обычно люди называют их «дерьмовыми», — предложил свой вариант Максимилиан.

— Пожалуй, так будет точнее. — Она все еще не имела ни малейшего представления, куда он клонит.

— Я более, чем уверен, что Марго придумала эту поездку, чтобы заманить тебя на чужую территорию, ну и... — Он сделал пространный жест. — И не без моего участия, к сожалению, получилось то, что получилось. Я утрирую, конечно, но мы с Маргаритой повели себя как те еще засранцы. Кстати говоря, я редко так критичен к себе при посторонних людях.

— Это намек, что мне следует упасть ниц? — Ну и зачем теперь-то грубить, Эль?!

— Это была неудачная попытка пошутить, — усмехнулся мужчина. — В общем, я считаю, что не могу пустить все это на самотек. Ты определенно одаренная умная девушка, и будет глупо потерять шанс побороться за стипендию только потому, что дома у тебя сложатся какие-то «непредвиденные обстоятельства» и ты не сможешь прилететь в Нью-Йорк.

Эль поджала губы. Ее самое больше исключительное обстоятельство — отсутствие денег. И еще отец, который считает, что продать дочь за карточный долг — это офигительно благородно.

— Поэтому, я думаю, логичнее всего в этой ситуации будет предложить тебе остаться. Здесь, — уточнил он. — Если, конечно, ты не опасаясь, что я старый большой извращенец.

— Оу, ты точно не старый и не... Что?

Эль старалась не думать, как по-идиотски должно быть сейчас выглядит: таращится на него так, будто он только что предложил купить ее девственность. Но нет, Максимилиан Ван Дорт смог ее удивить. По крайней мере сейчас, пока не озвучены дополнительные условия, на которых она может остаться.

«Ты должна отказаться, Эль, потому что... Ну, потому что это абсурд: находиться в доме мужчины, которого ты знаешь без году неделю»

— Я имела ввиду, что не считаю тебя старым, и не думаю, что ты извращенец, — сказал она, когда оправилась от первого шока. — Но, боюсь, я не могу принять это предложение.

— Ну раз мы оба точно знаем, что я не извращенец, то могу я поинтересоваться причинами твоего отказа?

— Это... странно. — Молодец, Эль! Просто таки вся мудрость мира в двух словах. — Мы знаем друг друга несколько дней. С таким же успехом я могла бы постучаться в первый же попавшийся дом и попроситься на постой.

— Согласен, наше общение нельзя назвать радужным. Поэтому, я хотел сначала прояснить все нюансы. Извини, но причина твоего отказа, мягко говоря, не очень разумна. Учитывая тот факт, что вопреки всему, ты кажешься девушкой, способной трезво мыслить и делать разумные выводы, полагаю, ты просто стесняешься доставить мне неудобства.

— И это тоже. — Раз уж они говорят откровенно, зачем отпираться от очевидного?

— Будут еще аргументы?

— Этот кажется мне очень веским.

— А мне он кажется хренью собачьей, — с улыбкой ответил Макс.

Эль ничего не могла с собой поделать: его энергетика буквально прошибала насквозь каждую клеточку ее тела, заряжала позитивом и уверенностью, что иногда даже девчонки из грязного трейлера могут вытащить золотой билет на фабрику Вилли Вонка[1]. Сама того не желая, она улыбнулась ему в ответ. И продолжала лыбиться и растворяться в мыслях о том, как потрясающе он выглядит даже с морщинками усталости вокруг глаз. Старый? Дева Мария, да он даст фору любому двадцатилетнему. Этот мужчина словно дорогой коньяк многолетней выдержки: каждый из тридцати лет отшлифовал его вкус и запах до умопомрачительной остроты. Сейчас для подобного был точно самый неподходящий момент, но Эль до щекотки в ладонях хотелось обойти стол и уткнуться носом в шею Максимилиана Ван Дорта, чтобы на всю жизнь запомнить приправленный ароматом древесного мха запах его кожи.

— Ты видела дом, Габриэль. При желании, мы можем даже не пересекаться друг с другом. Хотя это будет странно.

— Определенно.

Он, наконец, отошел от окна и сделал то, чего Эль опасалась больше всего: подошел к ней на расстояние вытянутой руки. Несколько секунд просто разглядывал со стороны своего немаленького роста, при этом оставаясь наглухо закрытым для ее попыток угадать, что кроется за его непроницаемостью.

— Я понимаю, что это предложение звучит странно. Согласись, и ситуация соответствующая. Не то, чтобы я был ревностным поборником справедливости, но мне кажется неправильным, что по нашей вине ты можешь лишиться хороших возможностей.

— Сама виновата, — тщетно силясь казаться уверенной, сказала Эль. — Я знала, что не стоило принимать приглашение, но Марго — она как спичка: загорается — и зажигает своими идеями всех вокруг.

Макс тепло улыбнулся, кивнул. Да, он точно не взял бы премию «Брат года», но и слепому видно, что Макс готов на многое ради нее. Эль с горечью вспомнила собственного брата с его наполненными героиновым угаром глазами. В их последнюю встречу, он с трудом вспомнил ее имя. Эль вспомнила это каждый раз, когда испытывала угрызения совести из-за того, что не скучает за ним и считает, что брат получил то, на что напрашивался всю жизнь.

[1] Отсылка к фильму «Чарли и шоколадная фабрика»

— Считай, что ты — хорошее вложение для моих инвестиций, — сказал Макс. — Мне не мешают связи среди журналистской братии. Лет через двадцать я могу решить баллотироваться в Сенат и напомню одной знаменитой журналистке, что за ней должок. — Он с умным видом начал молча загибать пальцы. Потом развел руками. — Все, у меня кончились разумные аргументы.

— А есть еще и неразумные?

— Я подумывал соблазнить тебя поездкой в Диснейленд.

— Никогда не была в Диснейленде, — призналась Эль.

— Черт, а ведь я хотел начать именно с этого. — Максимилиан сделал вид, что бьет себя по лбу. А потом снова стал серьезным. — Если я тебя не убедил, то ты куда крепче многих моих коллег — они ломаются на аргументе номер два.

— Просто не знают, что последний в списке Диснейленд.

— Ну вот, теперь ты знаешь секрет могущества моей финансовой империи, обязана подписать кучу договоров о неразглашении.

Просто невероятно, как многогранен этот мужчина. То холодный и расчетливый, а через мгновение — поддразнивающий, как мальчишка. И она совершенно точно знает, что он притягивает ее в любом из этих состояний.

И в этом заключается самая большая проблема.

Максимилиан Ван Дорт — слишком соблазнительная западня. Он огромная, ничем не прикрытая волчья яма[1] на ее пути. Нельзя обойти, невозможно игнорировать. Единственный способ избежать ее — повернуться на сто восемьдесят градусов и бежать со всех ног.

Оставаться с ним под одной крышей чистое безумие. Тем более, когда рядом не будет Марго.

— Ну а что насчет условий? — рискнула спросить она.

— Условий? Готов их выслушать. — Он выглядел озадаченным.

— Нет, — Эль прикрыла улыбку ладонью. — Я имею ввиду, твоих условий. На каких правах мне разрешается существовать в этом дворце до двадцать первого числа? А ведь осталось всего одиннадцать дней.

— У меня нет никаких условий, — он, кажется, все еще не понимал, как реагировать на этот вопрос. — Я предлагаю тебе остаться на тех же правах, что и при Марго, только без Марго. Библиотека, компьютер, интернет, кухня — все в твоем распоряжении. Ты не производишь впечатление человека, способного устроить оргию с марихуаной.

— Черт, — она попыталась изобразить разочарование. — Это был Самый Большой План.

В разговоре повисла неловкая пауза. Максимилиан снова вернулся к окну, и стоило расстоянию между ними увеличиться, Эль почувствовала острое желание найти повод, чтобы сократить его хоть на шаг. Что за нездоровая тяга?

— Хорошо. Признаю, идея была странная, — сдался он.

Не было похоже, чтобы отказ его огорчил. Да и с чего бы Максимилиану переживать из-за одной набитой дурры, которая не в состоянии признаться даже самой себе, что действительно нуждается в помощи.

— В любом случае, нет необходимости ехать в аэропорт прямо сейчас. Утром у тебя будет билет и мой водитель. Думаю, тебе нужно поужинать и выспаться перед перелетом. Я и сам чертовски хочу спать, еле на ногах стою.

Он направился к двери и, когда проходил рядом с Эль, снова полоснул по ее обнаженным нервам своим убийственно сексуальным запахом. Она мысленно громко и недвусмысленно застонала. Тело определенно сошло с ума, потому что никогда в жизни не предавало ее так сильно. Если бы каким-то образом оно могло существовать отдельно от внутренних заморочек своей хозяйки, то все было бы очень развратно и грязно.

— Эта поездка... Я просто сбежала.

Мужчина убрал ладонь с ручки двери, повернулся к Эль лицом.

— Раз уж ты и так все обо мне знаешь, — она опустила голову, надеясь, что упавшие на лицо волосы скроют ее неловкость. — Потому что не могла там находиться. Потому что если бы Марго уехала, я бы осталась совсем одна. К сожалению, я та еще трусиха. Поэтому, как бы там ни было, нам нужно будет обо всем с ней поговорить. Она дорога мне, хоть и не в том смысле, в котором ей бы того хотелось.

— Она остынет. Через пару дней даст о себе знать. Главное, не проявляй инициативу, иначе Маргарита решит, что ты чувствуешь вину, и непременно этим воспользуется. Поверь, я знаю, о чем говорю.

— Чувствуется твой личный опыт.

— Более чем глубокий и всесторонний, — уточнил Максимилиан.

— Мне правда некуда идти, — шепотом сказала Эль. Сглотнула жгучий стыд, прикрыла лицо руками. — И гостиница тоже не вариант.

— Поэтому я предлагаю свою помощь, Габриэль. Нет ни одной причины отказываться от нее.

— Чувствую себя как... непонятно кто.

— Очень зря, — пожурил мужчина. — Поужинай и выспись, Габриэль, а завтра сама увидишь, что переживать было вообще не из-за чего.

Не из-за чего, как же. Разве что сделать вид, что она остается еще как минимум на одиннадцать дней в доме мужчины, которого знает всего ничего. И для которого стала камнем преткновения в отношениях с единственной сестрой.

— Габриэль?

Она оглянулась на его голос.

— То, что ты сказала — это было очень смело.

Скорее, это был жест отчаяния, попытка оправдаться перед собой, почему она упрямо не слышит голос гордости.

Утро выдалось серым и промозглым. Небо затянули плотные тучи. Подгоняемые порывами слабого ветра, они нехотя переползали с места на место, точно объевшиеся коровы, подгоняемые лаем пастушьей собаки.

Максимилиан Ван Дорт стоял на просторном балконе и, опершись руками о перила, смотрел в небо. Судя по всему, солнце показываться не собиралось. Да еще и дождь начал накрапывать. Вполне себе неплохая погода для пробежки — главное чтобы изморось не разошлась полноценным дождем.

Имея в своем распоряжении полноценный тренажерный зал, Макс все равно предпочитал пробежку на улице. Беговую дорожку или «эллипс» использовал крайне редко, когда погода становилась совсем никудышной. Эту его любовь к «живому» бегу всячески не ободрял начальник охраны. Не одобрял, не раз высказывался в пользу занятий под крышей зала, но так и не сумел переубедить. Максимилиан набрасывал на голову глубокий капюшон, вставлял в уши наушники и погружался в мир движения и музыки. В эти минуты он переставал быть миллионером и становился обыкновенным парнем, решившим заняться своим здоровьем. Впрочем, Макс знал это наверняка, Ник не отпустил бы его в одиночку — и где-то рядом всегда присутствует охрана. Невидимая и ненавязчивая, но готовая на многое, чтобы защитить своего нанимателя.

Иногда, когда погода выдавалась особенно противной, Максу даже становилось почти жалко парней, вынужденных мокнуть или морозить уши, оберегая его «светлость» от

возможных покушений папарацци или идиотов, решивших срубить легких денег нападении на богатея. Почти жалко.

Он вернулся в комнату, натянул тренировочные штаны, балахон с капюшоном, прихватил плеер и спустился вниз. Уже на улице встретил озадаченного Сэмюеля.

— Доброе утро, Сэмюель, что-то случилось?

— Доброе утро, мистер Ван Дорт. Боюсь, в бассейне засорился сток, придется вызывать мастера. А пока хотел бы предостеречь вас от плавания в нем. Полагаю, к обеду проблема будет устранена.

— Хорошо. Наша гостя уже встала?

— Да, минут десять назад. Я проводил ее на кухню.

— Зачем?

Макс сам удивился собственному вопросу. Проголодалась, наверное, зачем еще идут на кухню?

— Полагаю, она хотела что-то приготовить.

— Кому?

— Себе... — на лице Сэмюеля появилось выражение растерянности. — Она сказала, что хочет банановых панкейков на завтрак. Я сказал, что передам ее пожелание месье Градену, но ваша гостя попросила разрешения сделать их самой. Я не возражал. Месье Граден, насколько могу судить, тоже.

Макс пожал про себя плечами. Тина никогда не готовила самостоятельно, да и Марго, насколько он знал, максимум, на что была способна, — настрогать бутербродов. Женщины его окружения вообще не особенно торопились на кухню, предпочитая выказывать свое к нему расположения иными способами.

Нет!

Еще не хватало, чтобы Эль взбрело в голову приготовить для него завтрак. Да, она действительно волнует его, но вся эта романтическая ерунда с ее стороны будет совсем некстати. Хотя... с чего бы ей стараться для человека, который ее обидел? Только идиот не поймет, что в его доме девчонка чувствует себя, как рыба на сковороде. Была бы возможность — давно бы сбежала.

— Все хорошо? — Голос Сэмюеля вырвал его из размышлений. — Мне не следовало позволять ей...

Макс усмехнулся, отмахнулся рукой.

— Все хорошо. Ты поступил правильно. Пойду, посмотрю, что там творится.

Он вернулся в дом и тихонько направился к кухне.

«Идиот — он и есть идиот. Крадется в собственном доме».

[1] Волчья яма — ловушка для добывания диких животных. Углубления в земле в виде усечённых конусов глубиной в рост человека (1,75 метра), диаметром по дну 0,5–0,7 метров, с вбитыми в дно короткими, заострёнными наверху кольями, расположенными в шахматном порядке в 4–5 рядов. Сверху волчья яма маскировалась (википедия)

Макс заглянул в кухню и тут же встретился взглядом с Клодом — французом, который уже не первый год работал у него личным поваром. Предвидя реакцию Клода, Макс вскинул палец к губам, призывая того молчать. Эль стояла спиной немного в стороне от варочной панели и что-то размешивала.

Француз вскинул на нанимателя удивленный взгляд. Макс развел рукам и вошел в кухню, жестами давая понять, что сегодня больше не нуждается в его услугах. Клод

посмотрел сначала на него, затем на Эль, затем поджал губы, покачал головой, что-то произнес себе под нос на французском и вышел.

— Привет, — негромко произнес Макс, надеясь, что не напугает гостью.

Эль резко обернулась, ее глаза расширились, заметались по кухне.

— Добро утро, — проговорила неуверенно. — А где мсье Граден?

— Я его уволил, — отмахнулся Макс. — Зачем мне такой повар, если мои гости сами вынуждены готовить.

— Уволил?! — В голосе Эль звучало неприкрытое удивление. — Нет! Я же сама... — она осеклась, увидев самодовольную ухмылку Макса. — Обманул меня, да?

— Немного, — улыбнулся тот. — Не думал, что ты сразу согласишься.

— А я и не поверила, — насупилась было Эль, но почти тут же потупилась. Ее щеки заметно покраснели.

— Прости, если помешал, но мне жутко интересно. Правда. Что ты тут делаешь?

— Что девушка делает на кухне? — вскинула брови Эль.

— Я к тому, что у нас же есть первоклассный повар. Или он все-таки не столь хорош в готовке, как я думал?

Гостья снова уставилась в пол, разглядывая свои странные тапки... тапки — она их сегодня впервые одела? Большие и лохматые, как два меховых шарика, к тому же с ушами, глазами-пуговицами и носом.

— Какие звери... — взгляд Макса потянулся выше, по оголенным ногам, чуть задержался на коленках, поднялся до коротких свободных шортиков, по животу, едва прикрытому топом, остановился на груди.

Габриэль выглядела одновременно и сексуально, и невинно. Почему-то сейчас Максу она напоминала одуванчик — едва дотронься, дунь — и исчезнет, как мираж.

Эль поежилась под его взглядом, переступила с ноги на ногу. Руки ей явно мешали — девчонка просто не знала, куда их деть.

Смешная и неопытная...

Макс почувствовал, как в штанах становится непокойно.

Неопытная...

Да, он бы мог ее научить... так многому.

— Завтракать будешь? — тихо проговорила Эль.

— Только если это будут те самые знаменитые панкейки, — улыбнулся он. Усилием воли заставил себя перестать раздевать ее взглядом и усаживать прямо на стол, чтобы раздвинуть ей ноги и попробовать на вкус.

Девчонка сразу оживилась, перестала пялиться на свои лохматые тапки.

— Ты ешь бананы? — спросила несколько поспешно, как показалось Макс.

— Утром я ем все.

«Особенно люблю краснеющих девственниц...»

Эль ответила ему улыбкой, развернулась к столу.

— И я тебе помогу, — Макс быстрым шагом направился к ней, — даже если ты против.

Уж лучше чем-то занять руки и отвлечься, чем пялиться на ее задницу, как подросток с острым приступом спермотоксикоза.

— Ты умеешь готовить? — Эль посмотрела на него с недоверием.

— Нет. Но отлично умею помогать.

— А как же пробежка?

— Что ж, придется пропустить, — вздохнул Макс. — Это же будут диетические панкейки, правда?

— Нисколько, — показала ему язык Эль. — Съешь такой — и сразу станешь толстым. Придется весь гардероб менять.

— Тогда ты съешь в два раза больше. Ну, что мне делать?

— Для начала помыть руки. Тесто у меня почти готово. — Она показала ему глубокую прозрачную чашу, в которой плескалось нечто не особенно аппетитное.

Макс повиновался.

— Теперь нам нужен банан. Нет — два.

— Может, три? — Макс раскрыл холодильник, придирчиво осмотрел полки.

— Можно даже четыре, но два придется съесть тебе. Не забудь их тоже помыть.

А ведь насколько она изменилась, когда попала в спокойную и обыденную атмосферу. Куда только делась вся зажатость? И голос уверенный. Командует им, словно бойкая женушка.

— Готово. — Макс протянул пару бананов.

— Теперь надо сделать из них кашу.

— Сварить что ли?

Эль посмотрела на него, как на идиота.

— Нет — просто размять хорошенько. Чтобы не было комков.

Она взяла банан, быстро очистила и, разломив на несколько частей, принялась разминать прямо в руках. Вот так запросто — не стесняясь и не обращая внимания на озадаченную физиономию Макса.

— Ты можешь использовать вилку, — посмотрела на Макса с хитрым прищуром, будто разрешала откусить от самого вкусного в мире торта.

— Ты так и не сказала, почему вдруг пришла сюда.

Эль мягко улыбнулась своим мыслям, пожала плечами. Затем обвела кухню взглядом.

— Я скажу глупость, но ты сам меня вынудил.

Макс молча ждал продолжения.

— Для меня это как музей. Ты только ничего плохого не подумай. Я просто хотела посмотреть на хорошую кухню. А твой повар оказался так любезен, что не прогнал меня и даже позволил немного помешаться у него под ногами.

— Я думал, музей — это картины.

— Ну, картины — само собой. И вообще, — она посмотрела на него, непроизвольно поднесла ко рту измазанный в банане палец, облизала его, — я просто любопытная гостья, со мной держи ухо остро.

Макс не мог не проследить, как ее язык обхватывает один палец, другой, как скользит, слизывая сладкие остатки пюре.

— Чего? — остановилась Эль. — Ой, прости. Плохая привычка, и, боюсь, ее не искоренить.

Она отошла к раковине, включила воду.

Макс только усмехнулся про себя. Плохая привычка? Вот уж нет! Отличная привычка. Это заводит и будоражит воображение. Возможно, он больной озабоченный ублюдок, но вместо пальцев ее язык мог бы...

«Нет! Нет!»

— Как твой банан? — как ни в чем не бывало, спросила Эль.

— Отлично, так и просится в рот, — брякнул он, не думая.

Габриэль странно серьезно на него посмотрела, на что Макс тут же показал ей тарелку с готовым банановым пюре.

— Очень хорошо. Осталось все перемешать и можно жарить. Ты когда последний раз жарил... — понимает ли она всю недосказанность своей фразы? — что-нибудь?

Будь они знакомы несколько ближе... совсем близко, до состояния одновременного оргазма, этот разговор мог бы получиться крайне забавным — мог бы даже стать прелюдией к куда более интимному завтраку.

А пока надо взять себя в руки и начинать думать головой, а не членом. Нечего смущать девочку намеками. Еще не хватало, чтобы у него окончательно встал — тогда придется куда-то прятаться или трусливо бежать с поля боя.

— Давно жарил, каюсь. Но уверен, что справлюсь.

Странное дело, Макс уже давно не помнил за собой робости по отношению к тем, с кем хотел переспать. Ему отказывали очень редко. Понятно дело, первоочередную роль в положительном ответе потенциальной любовницы играло его положение и состояние. Но случалось, что знакомиться приходилось там, где о нем и не слышали или не знали в лицо. Тогда в ход шло обаяние. И опять же — почти никаких промахов. Сейчас же, со своей гостьей, он ощущал себя нерасторопным прыщавым подростком. И это притом, что на языке вертелась сотня-другая интимных намеков, а в голове вспыхивали картинки одна развратней другой. И Макс отлично знал, что и как сделать. Но не делал. И даже не говорил. Почти.

— Тогда включай плиту.

Первый готовый панкейк, еще обжигаяще горячий, что и в руках не удержать, торжественно разрезали надвое и попробовали тут же, дуя на свою половинку и откусывая по маленькому кусочку. Распробовать особенно не удалось, но желудок Макса, получивший первую порцию завтрака, тут же отозвался звонким урчанием.

Эль довольно заулыбалась.

— Если мы поскорее не сделаем еще, — шепотом, как будто сообщая великую тайну, проговорил Макс, — боюсь не утерпеть и поддаться голоду.

— Съешь те два банана, которые я тебе предлагала?

— Нет, съем одну маленькую вредную гостью, из-за которой придется менять весь гардероб.

— И ничего не вредную, — деланно насупилась Эль, но в уголках ее губ легко угадывалась улыбка.

Пока гостя заканчивала с панкейками, Макс сварил кофе и нашел в холодильнике мед и кленовый сироп. Все это поставил на стол, где вскоре появилась и тарелка с отлично пахнущим горячим угощением от Эль.

— Надеюсь, теперь маленькой гостье больше ничего не угрожает? — спросила она, накладывая Максус сразу несколько панкейков.

«Ничего, кроме того, что я все еще чертовски хочу взять тебя прямо на этом столе».

— Гостя может чувствовать себя в полной безопасности!

Угощение в самом деле оказалось вкусным. Не то чтобы француз готовил хуже — Макс даже представить не мог, при каких условиях простая девчонка могла бы уделать профессионала — но к сегодняшним утренним панкейкам шла особая приправа под названием «Габриэль Кромби». Макс не припоминал, когда в последний раз сидел вот так на кухне и завтракал, не уткнувшись носом в газету. А ведь сегодня, фактически, всего-то

первый день, когда она находится в доме в качестве теперь уже его гостыи.

— Откуда ты знаешь младшего Эванса? — спросил он.

Эль закончила жевать, отпила кофе. На ее лице появилась расслабленная улыбка, как будто девчонка только что попробовала ломтик райского наслаждения. Это одновременно и радовало — и беспокоило. Потому что в этом трепетном отношении к еде было что-то от обреченности. Как будто в той жизни, что была у нее на другом конце материка, она не понаслышке знала, что такое голод.

— Мы познакомились в салоне «Тиффани». Там Марго выбирала украшения. Джонатан ждал свою мать, я ждала свою подругу, а журналы были скучными. — Она снова улыбнулась, заправила за ухо золотистую прядь и снова пригубила кофе. — А потом я прочитала о нем в журнале.

Значит, просто встретились и поболтали? А потом он привез ее домой, словно рыцарь на белом коне. Макс попытался прикинуть, сколько лет этому молодому хлыщу. Кажется, до двадцати пяти. О том, что Джонатан с отличием закончил Йельский университет, его матушка без устали болтала на каждом углу.

— Он производит впечатление хорошего парня, — прибавила Эль.

«Еще бы — конечно производит».

— Неудивительно, ведь его мать столько занимается обездоленными, — сказал Макс первое, пришло в голову. Прозвучало слишком грубо, поэтому пришлось спешным образом ретироваться. — Миссис Эванс помешана на благотворительности. Если есть в этих краях более ревностная католичка, то разве что Дева Мария в церкви. Не удивительно, что миссис Эванс дала своему сыну достойное воспитание. Хотя бы одному из двух.

— А что со вторым? — неловко поинтересовалась Эль.

— Ты правда не знаешь? Я был уверен, что это давно не секрет.

— Я правда не знаю... чего?

В ее зеленых глазах вспыхнуло любопытство. То самое алчное и жадное, которое должно быть у каждой настоящей акулы пера. Возможно, пока она слишком наивна для выбранной профессии, где основным навыком можно назвать копание в чужом грязном белье, но у нее живой ум и стремление обучаться. Из таких получаются если не профессионалы, то крепкие «середнячки». Ну, или ему просто хочется думать, что через несколько лет Габриэль Кромби снова появится на горизонте его жизни и, кто знает, как сложатся их дальнейшие отношения.

— Группа «Мрачные сказки» тебе знакома?

На лице Эль вспыхнул неподдельный восторг. Значит, знакома.

— Их солист — брат Эванса. Только прими за совет: не упоминай об этом, если будешь общаться с миссис Кромби. Она очень старается скрыть этот факт от прессы. Да и младший Эванс, насколько мне известно, не любит говорить о брате. Он у них вроде паршивой овцы.

— Они очень талантливые ребята, а Рэйн, безусловно, очень одарен.

«Очень одарен?»

Кто так говорит о brutальных рокерах, как будто это мальчики-зайчики из церковного хора? Максу стоило усилий спрятать улыбку за притворным покашливанием в кулак.

— Спасибо за совет, но не думаю, что мне выпадет шанс им воспользоваться.

— Он не попросил твой номер телефона?

— Попросил. — Габриэль снова зарумянилась.

Будь на месте Габриэль более бойкая девица, в ответ на неуместный вопрос он вполне

мог получить заслуженный посыл не совать нос не в свое дело.

— Не думаю, что мы на самом деле будем общаться, — справившись с чувствами, продолжила она. Посмотрела на Макса, словно грязный котенок, который пытается делать вид, что выглядит не так уж жалко. — Мы просто из разных миров, у нас и общих интересов-то нет.

Сейчас ему полагалось сказать что-то ободряющее. Будь это Маргарита, Макс бы пожелал ей больше думать о том, что у них общего, и не обращать внимания на то, что разделяет. Но сказать такое Габриэль отчего-то не поворачивался язык. И дело даже не в ее социальном статусе, который, хочешь не хочешь, а диктовал свои условия игры. При желании Макс мог бы и помочь, почему нет? Вот только желания такого не было совершенно. Внутри противным червем ворочалось ощущение собственника, будто эта девчонка должна принадлежать именно ему, Максимилиану, а все прочие представители мужской половины человечества могут отправиться известным маршрутом.

— Завтрак был отличный, — сказал Макс чуть позже и в подтверждение своих слов показал Эль пустую тарелку. Она просияла так, словно получила Оскар. Ребенок и есть. — И все же, просто чтобы ты понимала: ты — моя гостя без всяких дополнительных условий и обязательств.

— Мне хотелось... быть полезной.

Макс не мог отделаться от мысли, что хотелось Габриэль совсем другого, но стыд помешал ей открыть истинную причину своего утреннего порыва.

— Я вовсе не против, если иногда ты будешь заходить на кухню. Но только если сама этого захочешь. Никаких обязательств, хорошо?

Эль кивнула.

— Я не могу сидеть без дела, — сказала, будто извиняясь. — Как будто чесаться начинаю.

— Полностью поддерживаю. Чем там, говоришь, должны заниматься будущие студентки Манхэттенского колледжа?

— Учиться. Я была бы благодарна за возможность исследовать библиотеку. У тебя там настоящий Клондайк.

— Без проблем. — После девиц, которые, не стесняясь, высказывали пожелания о личной кредитке или иных дорогостоящих подарках, этот одуванчик просил разрешения изучить его книги. Она вообще с этой планеты?

Звонок телефона резко вторгся в их разговор. Вместо имени на экране появился номер телефона. Макс прикинул, что в такое время и не по работе его может беспокоить только очень ограниченный круг людей. И все они были в телефонной книге.

— Мне нужно ответить.

Уже выходя из кухни Макс краем глаза заметил, что Эль подскочила с места и как угорелая принялась собирать со стола. Она вообще слушала, что он говорил о ее статусе госты? Мелкая, но упрямая.

— Слушаю.

— Привет. Не разбудила?

— Тина?! — вот уж кого не ожидал услышать.

— Узнал — молодец. Достоин награды.

— Ты же сказала, что потеряла мой номер.

— Вот, проявила немного смекалки — и снова обзавелась им. Слушай, нам надо

поговорить.

— Я слушаю.

— Нет. Это не телефонный разговор.

— Ты не уехала?

— Нет. — Она помедлила. — Пришлось задержаться.

— Хорошо, нет проблем. Сегодня в полдень я буду в районе Южного Манхеттена. Мы бы могли встретиться в кафе «Мост»...

— Нет. Это деликатный разговор, не для чужих ушей.

Надо думать, разговор будет иметь прямое отношение к недавней, проведенной вместе ночи. Спустя столько лет Тина появляется из ниоткуда и хочет поговорить? А он сам хочет с ней разговаривать? Макс усмехнулся, мысленно помотал головой. Не особенно. Ну да ладно. В конце концов, в браке они пережили немало хороших моментов, да и вообще воспоминания о совместной жизни были скорее положительными.

— Хорошо. Тогда вечером. У меня дома. Часов в девять.

— Договорились. — Макс уже было думал, что разговор закончен, когда Тина неожиданно продолжила: — Знаешь, а я соскучилась.

Она снова замолчала, явно ожидая какого-то ответа.

— Я тоже был рад увидеться, — сказал Макс чистую правду. Но, видимо, не ту, которую хотела услышать бывшая.

— До вечера. — Ее голос показался сухим и даже вроде немного раздраженным.

Некоторое время он простоял, всматриваясь в уже потухший экран телефона. Нет, она же не хочет все попробовать сначала. У них был отличный секс, в котором, судя по всему, остро нуждались они оба. Но на этом и все. Что за деликатный разговор? Что за «соскучилась»?

Как ни старался Макс отвлечься от мыслей о предстоящей встрече, они все равно то и дело напоминали о себе. Между подписанием очередного выгодного контракта, в перерыве на чашку обжигающего эспresso. Просочились даже на совещание совета директоров, где он по обыкновению всегда был целиком сосредоточен.

О чем она хочет поговорить? Что за деликатные беседы, которые нельзя вести на людях?

Вариант о том, что Тина просто хочет повторить прошлый вечер, казался наиболее вероятным, но она явно была не из тех женщин, которые не способны сказать открыто, что хотят встретиться, чтобы заняться сексом. Да и между ними были годы брака, который, хоть и закончился, но сохранил между ними давнюю привычку не держать друг т друга секретов. Игры в недосказанность были совсем не в характере Тины.

Возможно, у нее возникли финансовые трудности? Вряд ли, но даже если так, они могли поговорить об этом за ужином.

Нет, тут определено было что-то еще. И наиболее подходящее объяснение этим странностям его совершенно не радовало — Тина собиралась восстановить отношения.

Еще месяц назад он бы наверняка не был так скептически настроен на все, что связано с угасшим браком и его возможным возрождением, но сейчас перспектива начать все с начала не прельщала от слова «совсем». Возможно, всему виной именно прошлая ночь. Если для Тины она стала откровением свыше, то и он кое-что уяснил, вот только, скорее всего, у каждого был свой вариант, и они находились на разных полюсах. У них был отличный секс: открытый, пошлый, горячий. То, что нужно мужчине, чтобы сбросить напряжение и

отвлечься. Но за этим сексом больше ничего и не было. Механические фрикции для получения удовлетворения — и только. Страсть, жгуче желание держать именно эту женщину в своей постели и трахать ее до умопомрачения каждый день, видеть, как она раскрывается под его ласками, обнажает не только тело, но и душу — ничего из этого не было и в помине. Справедливости ради, ничего этого не было ни к одной из женщин, с которыми он проводил время в последние годы. И дело было вовсе не в Тине, а в его собственной голове. Возможно, он пробыл холостяком слишком долго и просто разучился чувствовать вкус постоянства. Стал, — как же это говорится? — закоренелым одиночкой, познавшем всю красоту и порочность одноразового секса.

Вполне годная теория, если бы не одно «но». То самое, которое весь день без спроса лезло в его голову своими голыми коленками и покрасневшими щеками. То самое, которое облизывало пальцы с видом искуственности — и при этом совершенно не осознавало свою сексуальность.

Что, если желание оставить ее около себя было опрометчивым? Сначала он даже пытался оправдать его жалостью: не выбрасывать же девчонку з порог, будто бездомного котенка? Но сегодняшнее утро обнажило истинные мотивы. Черства с два он хотел, чтобы Габриэль Кромби была от него так далеко. А вот в его постели сегодня ночью она была бы идеально доступна, близка и, мать его, желанна.

Тина появилась в десятом часу вечера — яркая и напористая, в красном платье и широким ремнем на талии, инкрустированным какими-то мелкими камнями, играющими на свету. В руках клатч в стиль ремня. Она выглядела так, будто собралась в ночной клуб. А блеск в глазах, довершающий облик, делал ее похожей на вышедшую на охоту хищницу. Хищницу опасную, уверенную в исходе сегодняшней охоты.

Макс улыбнулся ей, встречая на лестнице парадного входа. В голове промелькнули картины их знакомства: на приеме, посвященном защите дикой природы Аляски. В тот раз Тина тоже была в красном. Менее ярком и провоцирующем, но не менее эффектным. Она, как один из организаторов приема, была постоянно занята, с кем-то общалась, но даже под конец вечера выглядела бодрой и полной сил — точно огонь свечи, от которого все прочие собравшиеся черпали немного тепла. Она была приветлива, умела найти слова для каждого гостя. И была, казалось, сразу везде.

— Как добралась?.. — хотел было спросить Макс, но Тина пропустила вопрос мимо ушей. Просто подошла к нему и порывисто поцеловала в губы. От нее едва пахло свежим морским бризом, грозой и цитрусом. Эдакий ураган, до поры до времени сдерживающий свою необузданность.

— Ого! — Макс отступил на шаг, когда первый порыв Тины иссяк. — Чем обязан столь неожиданной гостье?

— Так и будешь держать меня в дверях?

— Прости, как раз думал пригласить тебя в дом. Но не успел. Проходи.

Она окинула его оценивающим взглядом, будто невзначай облизнула губы.

Макс провел ее в библиотеку, закрыл дверь.

Тина неспеша прошла к столу, присела на край. Подол ее юбки задрался так высоко, что еще немного — и станет видно белье... если, конечно, она его надела.

— Ты знаешь, я не люблю ходить вокруг да около, — начала она. — Потому буду говорить так как есть. — Она ненадолго задумалась, уставившись куда-то под потолок. — не знаю, как так получилось, но прошлая наша встреча... я как будто вернулась на несколько

лет назад. Помнишь, как мы плюнули на все и сбежали на выходные, сняв какой-то дешёвый отель? Кто бы мог подумать, что миллионер трахает свою подружку в богом забытой рухляди у обочины автотрассы.

— Конечно помню, — усмехнулся Макс. — Если бы журналисты прознали про наше меленькое приключение, шум поднялся бы до небес.

— Да, — она улыбалась так, будто прямо сейчас заглядывала в то прошлое. — И ведь именно там ты впервые попробовал мою попу.

— Если бы не то порно...

— О да! — воскликнула Тина. — Оно было великолепно. Настоящая инструкция к действию. Я весь следующий день не могла сидеть.

— Мне так жаль, — вздохнул Макс.

— Тогда ты сказал точно так же. И знаешь... — она снова помедлила, — после прошлой нашей с тобой ночи у меня было то же самое. Я не могла сидеть. До самого вечера. И все равно становилась мокрой каждый раз, когда вспоминала о том, какой ты горячий и твердый. О том, как глубоко ты можешь быть во мне. О том, как кончаешь — и я взрываюсь вместе с тобой от одного осознания, что принадлежу тебе. — Тина закусил губу, поерзала на столе. — Максимилиан, давай попробуем снова. Знаю, я была дурой, когда ушла от тебя. В сущности, без причины. — Тина порывисто поднялась, в несколько шагов преодолела разделяющее их расстояние. В ее глазах пылало желание, лицо разрумянилось. Ее руки скользнула по его груди. — Ты отлично знаешь, мне никогда не нужны были от тебя деньги. Уж кем-кем, а меркантильной сукой я не была никогда.

— Остановись, — Макс аккуратно освободился от ее рук. — У нас был отличный вечер... нет — отличная ночь. Я действительно был раз тебя увидеть. И не только увидеть. Но не стоит искать в этом продолжение. Я слишком хорошо знаю, чем все снова закончится.

— Чем? — нахмурилась она.

— Тебе снова станет скучно.

— Мне не было...

— Было. Не думай, что я ничего не знаю, если не говорю этого вслух.

Ее лицо еще больше налилось краской, но теперь это уже не было возбуждением.

— Я никогда...

— Не надо. Когда-то я действительно хотел все начать снова. Думал, что новый виток может оказаться более удачным. Но не теперь.

— Что изменилось?

— Я изменился, — пожал плечами Макс. — А ты осталась прежней.

— Когда-то тебе нравилось, какая я... Да и в тот вечер, когда ты кончал мне в рот, ты не выглядел недовольным.

Вот она, Тина, прямая и непосредственная. Она всегда смеялась над ласковыми прозвищами, которые некоторые любовники дают интимным местам друг друга. Для нее член всегда был только членом — и им надо было трахать. И желательно делать это почаще.

— Тот вечер был нужен нам обоим. Разве нет?

— Возможно. Подожди... у тебя кто-то есть?! — в ее голосе прорезались нотки раздражения.

— Нет.

Она попыталась обнять его, но Макс снова отстранился. Отлично понимал, чем может закончиться этот разговор — истерикой и обидой на века. Что ж, так тому и быть. Но лучше

поставить точку сейчас, чем поддаться... жалости и совершить заведомую ошибку.

Ее лицо вмиг сделалось белым. Побледнело даже под слоем искусно наложенной косметики.

— Ладно, — едва слышно произнесла Тина. — Извини, что побеспокоила.

Она шагнула к двери. Макс не мешал, не пытался поддержать или оправдаться. Тина сильная — она справится. А его попытки помочь только сильнее всколыхнут ее самолюбие.

Она толкнула дверь и, не оборачиваясь, направилась прочь. Макс пошел следом. Теперь походка бывшей жены уже не была столь легкой и уверенной, как недавно. Макс даже показалось, что несколько раз Тину пошатнуло. На всякий случай он сократил расстояние до нее. И вовремя. Уткнувшись носом в какую-то книгу, по холлу проходила Эль. Тина, увидев девочку, буквально остолбенела. Затем резко обернулась на Макса, открыла было рот, чтобы что-то высказать ему, но не успела. Ее взгляд потух, подернулся поволокой. Тина вскинула ко лбу руку — и начала оседать. Макс подхватил ее у самого пола, осторожно уложил, поддерживая голову.

— Тина! Ты меня слышишь?

Обморок? Никогда такого с ней не случалось.

— Тина!

Ее губы дрогнули, но слов он не разобрал.

Макс зашарил по брюкам в поисках мобильного.

Рядом на колени грохнулась Эль, коснулась ладонью лба Тины. Быстро осмотрела ее, пощупала пульс. Она не делала ни одного лишнего движения, действовала четко и слаженно, как какой-то спасатель из фильма. Потом приподняла ей веко — и вдруг насторожилась. Наклонилась ко рту Тины, принялась.

— У нее диабет?

— Что? Нет. Не знаю. Не было. Это Тина — моя бывшая жена. Три года назад у нее точно не было никакого чертового диабета.

— Помоги мне.

Эль рванула платье Тины вверх, Макс приподнял бедра бывшей жены, помогая ткани платья задраться выше. Мысленно поблагодари бога, что вразумил Тину не пренебрегать бельем.

Когда платье Тины задралось выше талии, Эль указала на россыпь крошечных точек в нижней части ее живота, чуть выше резинки трусиков. Кожа в том месте была слегка синюшной, как от частых инъекций. Но откуда? Макс был уверен, что не видел ничего подобного в ту ночь, когда у них был «секс по старой дружбе». Хотя, состояние, в котором были они оба, вряд ли к этому располагало.

— Она могла замазывать синяки, — словно прочитав его мысли, сказала Эль. — Их легко не заметить.

— Что с ней?

— У нее приступ. Нужна инъекция инсулина. У нее должно быть с собой.

— Откуда ты знаешь? Подожди... ее клатч.

— Где он?

— Секунду!

Макс положил голову Тина на пол, взвился на ноги и бросился обратно в библиотеку. Так и есть — клатч все еще лежал на столе.

Расстегнув его на ходу, Макс вывалил все содержимое прямо на пол перед Эль. Та сразу

схватила нечто, что сам Макс поначалу принял за обычную ручку.

— Отлично!

— Нужно чем-то обеззаразить кожу. Какое-то спиртное вполне подойдет. Я — мыть руки.

Они разбежались разные стороны. Выискивая среди множества бутылок обычную водку, Макс ощущал, как пересохло во рту. Сердце колотилось так, будто он на полной скорости пробежал добрый километр. Все происходящее не желало укладываться в голове. Тина, которая в жизни не жаловалась на здоровье, даже простудой почти не болела, вдруг теряет сознание. А Габриэль Кромби внезапно из наивной и неуверенной в себе девчонки преобразается в настоящего врача.

— Вот! — Макс схватил бутылку.

Когда он вернулся к Тине — Эль уже сидела возле нее и на инъекторе, который он поначалу принял за ручку, выставляла какое-то значение.

— Ты справишься? — зачем-то спросил он. Что за идиотский вопрос? Она только что показала, что куда больше его самого разбирается в происходящем.

— Я знаю в этом толк, — уверенно сказала Габриэль. — Я могла бы сказать, что можно дожидаться «неотложку», но помощь ей нужна прямо сейчас. У нее изо рта пахнет ацетоном, у нее гипергликемический приступ. Укол инсулина быстро приведет уровень сахара в ее крови в норму.

— Извини, что спросил.

— Вот здесь, — Габриэль указала на чистый кусочек кожи между россыпи точек от уколов, — нужно продезинфицировать.

Макс не спорил, четко выполнил указания: протер указанное место водкой, осторожно повернул голову бывшей жены набок. Эль подождала несколько секунд, затем защипнула немного кожи на животе Тины и ловким движением сделала укол. Несколькими мягкими круговыми движениями помассировала место укола.

— Вызывай «неотложку».

Макс почти не глядя набрал номер личного врача. Тот ответил сразу, внимательно выслушал, задал несколько уточняющих вопросов.

— Да, сделали укол инсулина... нет, все еще без сознания... понял... хотя нет — я быстрее. Да, готовьтесь.

— Они едут? — спросила Эль.

— Быстрее будет если я сам ее довезу. Открой дверь.

Девчонка поморщилась, явно несогласная с его решением, но спорить не стала.

Макс будто чувствовал, когда, вернувшись домой, не позволил забрать машину в гараж. Тогда он планировал отвезти Тину домой, сейчас же тоже отвезет ее, только в частную клинику.

Габриэль помогла ему погрузить Тину на заднее сидение, вызвалась было тоже ехать, но Макс остановил ее.

— Останься. Я некоторое время буду недоступен, скорее всего. Если в доме возникнут какие-то вопросы — разреши их. Уверен, ты справишься.

Он видел, что Габриэль готова спорить.

— Персонал знает свое дело. Но мало ли что.

Так и не дав ей возможности сказать и слово, он сел в машину, захлопнул дверь. С заднего сидения донесся приглушенный стон.

— Скоро будем в больнице, — обернулся Макс. — Все будет хорошо. И...спасибо тебе.

— Ерунда, — отмахнулась Габриэль и, уже знакомым ему жестом, заправила прядь волос за ухо. — С ней все будет в порядке.

Макс вжал педаль газа в пол, машина с ревом рванула с места.

Она так и не смогла уснуть.

Сидела в гостиной, поджав ноги к подбородку, и гипнотизировала взглядом входную дверь. Сэмюель предпринял попытку отправить ее отдыхать, но Эль только упрямо мотнула головой: она и с места не сдвинется, пока Макс не вернется с новостями. Дворецкий принес ей мягкое покрывало, в которое Эль тут же завернулась. Ее до сих пор морозило после насыщенных событий вечера.

Что скажет Макс, когда вернется? Отругает за то, что попалась его бывшей под ноги, а потом выставит вон? Самый вероятный сценарий. Не станет же он разбираться, что гостья стала заложником ситуации и просто оказалась не в то время и не в том месте. Хотя со стороны выглядело так, будто Тину в самом деле разобрало ее появление в гостиной. У женщины был такой вид, словно даже появление живого динозавра было для нее более приемлемым, чем девчонка в домашних тапках.

Его бывшая жена. Эль узнала бы ее даже если бы Макс не пояснил: несколько раз Марго показывала фотографии Кристины Андерсон в журналах про моду. Обычно, подруга сопровождала снимки нелестными эпитетами, мол, в жизни и без косметики бывшая ее брата выглядит настоящим Лох-несским чудовищем.

Эль подтянула плед к самому носу, закрыла глаза, восстанавливая в памяти черты Тины. Красивая даже без сознания, ничего не скажешь. Из той породы женщин, которые выглядят по-королевски роскошно даже в драном комбинезоне посреди свинарника. Они, вероятнее всего, ровесники, но в Тине столько шарма и обаяния, что на ее фоне молодость совершенно точно проигрывала едва ли не по всем пунктам. Не удивительно, что даже после развода Максимилиан продолжает испытывать к ней чувства.

Она спрятала лицо в ладонях, изо всех сил стараясь выколотить эти мысли из головы. Какая разница, с кем Макс проводит время? Если это доставляет ему удовольствие...

Вот черт, о чем бы она ни думала, как бы ни старалась отвлечься, он все время в ее мыслях. То, как Макс беспокоился о Тине, как бережно придерживал ее голову. Это казалось странным, но он вряд ли выглядел как мужчина, который радуется обретенной свободе.

А ведь Тин могла и не выжить. Эль совершенно точно знала, чем для диабетика может обернуться приступ гипергликемии. Потому что видела такие не раз. У собственной матери.

Максимилиан вернулся спустя несколько часов. Вошел в гостиную и не сразу ее заметил: положил ключи на кофейный столик, выдохнул, потирая костяшками указательных пальцев закрытые веки. Он выглядел уставшим и расстроенным. Эль стало неуютно из-за того, что уже второй раз за день она невольно становится появляющимся из ниоткуда раздражителем. Более, чем красноречивое свидетельство ее неуместному проживанию в стенах этого дома.

Она хотела было окликнуть его, но не успела — Макс тряхнул головой, будто отгонял тягостные мысли, и направился прочь из гостиной. Эль протяжно выдохнула: ну, и ладно, оно и к лучшему. Ни к чему приставать к нему с расспросами и еще сильнее портить и без того поганое настроение.

Она посидела еще пару минут, затем опустила ноги на пол, намереваясь поднимать в свою комнату, когда снова появился Макс. Эль смотрела на него во все глаза: он будто

голову под кран с водой сунул — мокрый, взъерошенный, но вместе с тем заметно посвежевший.

Чтобы не усугублять ситуацию до еще одного казуса, она обозначила свое присутствие легким покашливанием. Мужчина сразу вскинулся, подошел к ней и, хмурясь, посмотрел на наручные часы.

— Ты почему не спишь?

— Хотела дожидаться тебя и убедиться, что с Тиной все в порядке. — Прозвучало, как признание в ее желании сунуть нос не в свое дело.

— С ней все хорошо. — Максимилиан опустился на диван, но расстояние между ними было более, чем приличным. — Если бы ты так вовремя не подвернулась, то все могло бы обернуться печальнее, хотя врач уверил, что жизни Тины все равно ничего не угрожало.

— Ей нужно носить браслет, — сказала Эль. — Врачи рекомендуют диабетикам не брезговать этими вещами, чтобы окружающие всегда знали, чем и как оказывать помощь в случае приступа.

— Это же Тина, — Макс усмехнулся. — Она считает, что любая шероховатость на ее безупречном образе следует немедленному искоренению. И собственная безопасность — последнее, о чем она станет думать в таком случае. Ума не приложу, почему она не сказала об этом мне.

— Возможно, собиралась сказать. Обычно, диабетики могут предсказать такие приступы, чувствуют, когда их тело начинает сбоить. Ну и знаешь, как это бывает: эй, привет, давно не виделись, и, кстати, у меня диабет. О таких вещах говорят при стечении многих обстоятельств.

Ну и зачем она оправдывает поступки женщины, которую видела первый раз в жизни, и которая точно не просто так возникла на горизонте жизни Макса именно сейчас.

— Мы не чужие люди, — пожал плечами мужчина. — Я не тот человек, с которым ей следует ждать стечения обстоятельств.

«Совершенно точно, вы ведь близки друг для друга».

Эль почувствовала глухой грохот в груди, словно сердце вдруг заledenело и теперь отчаянно колотилось в клетке из ребер. Она что, в самом деле... ревнует? Что за бред.

— Я очень благодарен тебе, — Макс улыбнулся, хоть в этой улыбке усталости было больше, чем тепла. — Понятия не имею, что бы делал, если бы не твое появление. И ты вела себя как Гаечка из «Спасателей»[1], только со шприцем и без комбинезона механика. Ты окончила какие-то специальные курсы или просто незадокументированный герой «Марвел»[2]?

Эль почти заставила себя посмеяться над его шуткой, но так и не смогла перешагнуть через черту, где прошлое больше не могло бы ее настигнуть. Зачем он спросил?

— Моя мать... У нее был диабет.

— Из-за него она умерла?

Эль нервно вцепилась в края пледа. В доме было тепло и присутствие Макса так близко согревало, но этот вопрос — он словно выстудил ее изнутри. Она была бы рада соврать. Сказать одно простое и ничего не значащее «да», и этого было бы достаточно, чтобы закрыть тему ее прошлого. Но соврать Максиму после того, как она, фактически, протянул ей руку помощи, казалось просто верхом цинизма. Даже не по отношению к нему — к себе самой.

«Ты просто устала носить в себе все это дерьмо, Габриэль Кромби».

— Это я ее убила, — сказала она достаточно громко, чтобы точно знать, что каждое слово достигло его слуха.

[1] Отсылка к персонажу мультфильма «Чип и Дейл спешат на помощь»

[2] Marvel Comics — американская компания, издающая комиксы, подразделение корпорации «Marvel Entertainment».

Ну вот, она призналась. Открыла самую страшную тайну своей жизни, вскрыла огромное вонючее пятно на своем образе невинной девочки. Вот только желанного облечения, о котором пишут в книгах по психологии, так и не ступило. Наоборот, к старой ноющей ране добавилась еще одна: страх посмотреть Максу в глаза.

— У нее был приступ, как у Тины. — Слова хлынули из Эль бурным потоком, которому она никак не могла сопротивляться. — Она как раз колотила меня за то, что я не принесла денег ей на выпивку. А потом вдруг упала. Мать лежала там с проклятым носком в руке — она клала туда брусок мыла. Так на теле оставалось меньше синяков. — Рыдания безудержно рвались из ее груди. Плевать, теперь все равно. Когда-то же ей должно стать легче, потому что носить эту ношу в одиночку она больше не может. Просто сойдет с ума. — А я сидела в углу и могла думать только о том, что если... если она сдохнет, то побоев станет в два раза меньше. Что если эта женщина умрет, то больше никто не будет лупить меня проклятым носком и мылом!

Она окончательно слетела с катушек: сидела в углу и едва не выла от рухнувших воспоминаний. Мать, которая лежала на полу и странно подергивалась в полной отключке, себя саму, заплаканную и едва ли способную нормально дышать после порции побоев. Именно в тот день мать была полностью не в себе: колотила ее так, словно могла умереть без порции виски. Какая-то часть Эль твердила, что если бы приступ не случился так вовремя, сегодняшние побои могли бы закончиться с самыми печальными последствиями.

— Мне было так больно, — всхлипывая и успокаивая себя ритмичными раскачиваниями взад-вперед, прошептала Эль. — И я так боялась, что в следующий раз ее уже ничего не остановит...

Она с трудом осознала, то Макс вдруг оказался совсем близко: обнял ее, прижал к своему плечу.

— Все в порядке, Габриэль, — прошептал он куда-то ей в макушку.

— Я должна была сделать ей укол. Я знала, что с ней и чем это может закончиться. Но я сидела там и ждала, ждала, ждала... Чертову кучу времени!

Она так отчаянно нуждалась в нем. Почти не осознавая, что делает, обхватила его за талию, вцепилась в рубашку на спине, словно утопающий за спасительную соломинку.

— А потом я просто сбежала. Отца не было в городе. Кроме меня никто бы ее хватился. — Господи, все эти ужасные вещи сделала она?! Вспоминать об этом сейчас было так же мерзко, как и ощущать себя запертой в одном трейлере с мужиком, которому отец продал ее в уплату карточного долга. К счастью, тогда ей тоже повезло сбежать. — Я пришла только вечером, когда она была уже мертва. Вызвала «неотложку». Меня даже не стали спрашивать, что я обо всем этом знаю.

Эль резко отстранилась от Макса, жестко вытерла слезы с лица, и, наконец, рискнула посмотреть ему в лицо.

— Вот такое я поганое существо, Макс. Не милая и невинная девочка. И ты первый человек, которому я об этом говорю.

Несколько бесконечно долгих мгновений он смотрел на нее. Как ни старалась, Эль так

и не разглядела в его взгляде ни отвращения, ни брезгливости. Но ведь что-то должно быть? Она только что призналась, что убила собственную мать, и отвращение — наименьшее, чего она заслуживает.

— Я хотел убить отца Маргариты, — неожиданно жестко признался он. — Когда сукин сын бросил и устроил шоу в прессе, нас всех постоянно донимали газетчики. Засранец пиарился, а Маргарита и мать сходили с ума. Я несколько дней подряд подкарауливал его около дома. Даже, бл*дь, купил машину с левыми номерами и нашел «чистый» пистолет. Продумал алиби на случай, если до меня докопаются, нашел адвоката, который собаку съел на таких делах. Я был абсолютно точно уверен, что так или иначе, но прострелю ему башку, даже представлял это.

— И почему не убил?

— Потому что смерть говнюка не облегчила бы их страдания. Эль, — Макс поднял руку, мягко погладил ее по щеке. — Ты защищалась. И далеко не все люди в этом мире заслуживают того, чтобы жить. Понятия не имею, что было в башке твоей матери, но я рад, что она в могиле, а ты в порядке.

Как может быть, чтобы в одном мужчине все было настолько идеально?

«Ты должна немедленно уносить ноги, пока мысли не затянули тебя слишком далеко».

Хотя, разве этот поезд уже не ушел? Разве то, что ее руки сами тянутся к нему, не красноречивое свидетельство ее окончательного падения?

Сама не до конца осознавая, что делает Эль потянулась к нему: остервенело вцепилась в рубашку на его груди, словно от этого зависела ее жизнь. На мгновение их лица оказались так близко, что она с откровенным даже для себя самой стоном потерлась щекой о щетину на его подбородке. Вот сейчас все и случится: Макс прогонит ее.

Но он лишь пристально наблюдал за каждым ее движением. Его руки лежали вдоль тела, и ничто не указывало на то, что мужчина собирается отталкивать ее. Почему не работают ее собственные тормоза? Совершенно очевидно, что она девочка не из его лиги, и не может предложить ничего, кроме искалеченных воспоминаний и разбитой в хлам души.

И все же, Макс был всем, что она желала в эту минуту: тепло и бесконечная страсть, в которой — Эль не сомневалась — она сможет утопить все свои горести.

Его рот был слишком соблазнительно близком, чтобы отказаться от желания попробовать, каковы на вкус губы Максимилиана Ван Дорта.

Эль не была уверена, произнесла ли его имя вслух или оно постоянно вертелось в ее голове, словно заклятие, когда она неловко прижалась к его губам. Это и не поцелуй вовсе, всего лишь дурацкая фантазия о том, что случится чудо и Макс услышит ее немой зов.

Он продолжал смотреть на нее, даже когда Эль осторожно провела языком по его нижней губе. За попытками выжить у нее было не так-то много шансов потренироваться в поцелуях, и еще меньше парней, с которыми бы можно было постигать эту науку. В воображении она определенно была более хороша, чем та неловкая девчонка, которая возомнила себя достаточно искушенной, чтобы понравится опытному мужчине. И — Боже! — она точно не собиралась садиться на него сверху!

— Габриэль... — Макс выдохнул имя ей в губы, но все еще и пальцем не пошевелил, чтобы хоть попытаться ее обнять. Его руки все еще лежали на диване.

И о чем она только думала!

Эль резко дернулась назад, рванула с его коленей так быстро, что едва не потеряла равновесие.

Нужно сбежать, пока он не сказал, что все это было ошибкой.

Нужно сбежать до того, как она узнает, что единственный мужчина, который пробудил в ней такие острые чувства вежливо отправит ее спать.

Макс не ожидал от Габриэль подобного поведения. Он вообще думал, что она уже спит. Но девчонка настолько взвинтила себя, что явно решилась на нечто такое, о чем бы пожалела с утра. И все же...

Ее порыв не мог оставить его равнодушным. Он и сам был на взводе, а потому отлично понимал ее желание, пусть оно и было неосознанным, инстинктивным и сиюминутным. Доказательством чему и стала ее ожидаемая попытка к бегству. К счастью, лишь попытка.

Макс подался следом, перехватил ее за руку, остановил, а потом, когда Габриэль дернулась вырваться, потянул на себя. У нее не было шансов устоять. Он поймал ее в падении и снова усадил на себя. Точнее — уложил сверху, спиной к себе.

— Я... Извини, понятия не имею, что это было, — пискнула она. Ее дыхание сбилось.

Он обнял ее, прижал к себе.

— Все хорошо. Тебе нужно успокоится, нужно выбросить всю эту ерунду из головы. Чтобы ты там себе не придумала, я не собираюсь думать о тебе хуже.

— Извини. Я совсем дура, мне...

— Тише... Не люблю, когда люди наговаривают на себя. А ты сейчас именно этим и занимаешься.

Девчонка прекратила попытки вырваться, но все еще была напряжена, как струна.

— Вот и хорошо. Сегодня был сумасшедший день. Согласна со мной?

— Согласна.

— Люди придумали не так много способов сбросить скопившееся напряжение. Давай-ка прикинем, что я могу предложить для тебя...

— Для меня? — она попыталась обернуться.

— Да, Габриэль Кромби. Я вот думаю накурить тебя до одури, а потом заснять на камеру, как ты будешь голая танцевать на столе.

— А потом выложишь в интернет?

— Пока не знаю. Обдумываю вариант с отсроченным шантажом.

— Да-да, я помню, когда я стану знаменитым журналистом. — Он не видел ее лица, но знал, что Габриэль улыбается. — Я паршиво танцую. Ну то есть, мои переставления ног невольно вряд ли можно назвать танцами.

— Это же замечательно. От того компромат будет только весомей. Подожди... я не понял — а голый вид тебя не смущает?

— А тебя?

Одной рукой Макс продолжал прижимать к себе Эль, удерживая ее в районе живота, вторая же, как бы невзначай, скользнула ниже — по обнаженному боку, по коротким шортам. Движение вышло почти невинным, почти мимолетным, но пальцами он все же коснулся внутренней поверхности ее бедра. И Габриэль вздрогнула, глубоко вздохнула — и замерла, забыв выдохнуть.

— А может быть алкоголь? — Макс снова пробежался пальцами по ее бедру, потом второму. Ноги Эль было разошлись шире, но тут же снова почти сомкнулись. — Или что-то еще? Эй. Не молчи. Я же стою перед нелегким выбором.

— Не знаю. Правда. — Габриэль мелко дрожала, но вряд ли думала о побеге. Ее разум нашептывал ей одно, но тело кричало совершенно о другом.

— Ну, хорошо.

Что ж, он дал ей достаточно шансов одуматься.

Макс свел свои ноги, а потом руками подтолкнул ноги Эль так, чтобы они оказались по обе стороны от его ног.

— Я тебя поймал, — прошептал ей на ухо.

Макс развел ноги.

Девчонка вскрикнула, поняв, что оказалась лежать на нем с бессовестно разведёнными ногами. Но его рука, замершая у нее на животе, погасила вскрик.

— Ай-ай, Габриэль, ты же не хочешь разбудить Сэмюеля. — Его ладонь спустилась ниже, накрыла то самое место, где под шортами пряталось нечто горячее и влажное. — Он очень чутко спит.

— Я... я не могу... Макс...

Она откинула голову — и Макс тут же воспользовался этим, прихватив зубами ее за мочку уха.

Эль снова вскрикнула, но на этот раз вряд ли от неожиданности.

Она все еще не полностью расслабилась, все еще была как будто в ожидании какого-то подвоха, но пальцы Макса, поглаживающие ее между ног, осторожно гнали прочь остатки сомнений и неуверенности. Второй рукой он накрыл ее грудь. Эль тут же подалась вверх, будто хотела более плотного касания. Она немного елозила на нем, чем быстро привела член в состояние полной готовности. Ее открытость, ее неуверенная податливость и доверие возбуждали и побуждали сорвать с нее эти клочки одежды, бросить на диван и войти — разом и глубоко. Но насколько Макс хотел отключить сознание Габриэль, настолько же не позволял разыграться собственным фантазиям.

Ему нравилось слышать, как она дышит. Нравилось ощущать реакцию Габриэль на его почти невинные ласки. Ее тело реагировало остро и ярко. И чем дальше, тем острее становилась реакция, тем меньше оставалось контроля и громче стоны. Эль просыпалась, словно давно дремлющий вулкан. Познавала собственную чувственность и отдавалась ей, уже не заботясь о нормах морали и стыда.

Она толкнулась к нему, когда его пальцы, наконец, скользнули ей под шорты и трусики. Застонала в полный голос и затихла, когда он прижал плотный бугорок. И закричала снова, когда возобновил осторожные ласки.

Макс не торопился, желая и самому почувствовать ее тело. Ощутить момент, когда невинная девочка пересекает ту грань, за которой ее ожидает совсем другая жизнь. Нет, сегодня она не пересечет ее полностью. Ступит лишь одной ногой. Но это мало что меняет.

Второй рукой он обнял ее за грудь — бессовестно задрал топик, да Эль и не сопротивлялась. Ее соски были уже твердыми и буквально просились к пальцам. Макс бы с большим удовольствием поцеловал их, подразнил языком, водя им по ореолу. Прикусил бы и чуть оттянул, выуживая из девчонки одобрительный стон. Но не сейчас... Может даже не потом, да и вообще никогда.

А она готова была насадиться на его палец — толкалась вверх, поднимая бедра. И разочарованно полустонала, когда Макс не позволял ей этого сделать. Впрочем, разочарования было не так уж много. Ее уже накрывало. Каждое движение пальцев рождало в Габриэль новую волну дрожи. Она часто дышала, ее руки не находили себе места — хватались то за диван, комкая несчастный плед; то обхватывали шею Макса, пытались притянуть к себе.

А потом она выгнулась на нем и оглушила криком. Протяжным и громким, переполненным всем тем напряжением, что копилось в ней долгое время. Ее оргазм был долгим и яростным, но даже позже, когда схлынул самый сильный и сумасшедший поток, Габриэль еще некоторое время вздрагивала и постанывала от касаний его пальцев. Расслабленная и обессиленная, она так и осталась лежать на нем, не понимая, что член ее мучителя все еще возбужден и каждое ее движение равноценно пытке.

— Зачем ты это сделал? — спросила Габриэль едва слышно.

— Сделал что?

— Я не знаю, как это назвать... Наверное, соблазнил? — Эль мягко улыбнулась, словно отозвалась каким-то своим мыслям. — Что бы на это сказала Марго?

— Думаю, задала бы нам трепку.

— Я не знаю, что на меня нашло. Наверное, не стоило... — она запнулась, точно подбирала нужное слово.

— Стоило, — твердо пресек он ее дальнейшие попытки самобичевания.

Возможно, она не совсем это понимает, но уж она-то точно в курсе, что женщине не так-то просто соблазнить мужчину, если он сам не хочет быть соблазненным. На уровне физиологии — вполне. Но сегодня он сделал то, чего не делал уже долго время — хотел, чтобы хорошо было ей, не заботясь о собственном теле. Хотя, нужно признать, желание разрядки было сильным как никогда, а ведь это с учетом того, что последние несколько часов были, мягко говоря, не располагающими к сексу.

— Прекращай думать всякую ерунду, Габриэль. Не заставляй меня чувствовать себя больным ублюдком.

— Это шантаж.

— И что? Я говорил, что не извращенец, но ни слова не сказал, про шантажиста.

— В следующий раз надо будет уточнять по всем пунктам...

Ее голос становился все тише. Габриэль явно проваливалась в сон. Расслабленная и обессиленная, она буквально растеклась по Макссу — и даже думать забыла, что все еще лежит с разведенными ногами.

— Мы составим целый список. На всякий случай. — Он понизил голос до шепота. — И не потеряется...

Она уснула через пару минут. Макс подождал еще немного, потом аккуратно, стараясь не потревожить, взял Габриэль на руки, поднялся. Та глубоко вздохнула, уткнулось носом ему в грудь. Он отнес Габриэль в ее комнату, положил на кровать и укрыл одеялом. Она так и не проснулась, только в полудреме вроде бы что-то проговорила, когда он поудобнее подsunул подушку ей под голову.

Макс усмехнулся, стоя над ней.

И что дальше?

Собственное тело все еще требовало удовлетворения. Можно, конечно, вызвать кого-нибудь на помощь... но... сейчас это казалось чем-то неправильным. Не то чтобы после сегодняшнего вечера он собирался в корне пересмотреть свою жизнь и ограничить себя в «общении» с другими женщинами. К чему? Они с Эль просто поиграли. Это далеко не отношения. Кто знает, что у них будет дальше? Хотя надо признать — Габриэль Кромби чем-то его захватила. Своей необычностью, чистотой, другим взглядом на мир... черт знает, чем. Ерунда, глупость? Причуда насытившегося богатея? Макс не знал. Но собирался узнать.

Склонившись над Эль, он поцеловал ее в кончик носа, а потом покинул комнату. Он

знал, где проведет следующие полчаса перед сном — в прохладной воде собственного бассейна, выбивая из тела желание поиметь девчонку, которая каких-то пятнадцать минут назад кончала от его пальцев.

Габриэль проснулась от того, что солнце нещадно било в окна и назойливо щекотало ее по носу. Пришлось выпрыгивать из постели и задергивать шторы, чтобы уберечь себя от его настойчивого вторжения в сон.

Лишь спустя минуту Эль поняла, что находится у себя в комнате, хотя совершенно точно помнила, что не поднималась туда вчера. То есть, она вообще не помнила, чтобы поднималась к себе вчера. В памяти то и дело оживали образы вчерашнего вечера: упавшая в обморок Тина, долгое ожидание Макса, их взаимные признания. А потом...

Эль спрятала лицо в ладонях и упала на кровать. Господи, она в самом деле спровоцировала Макса сделать... это? Сладкие воспоминания его ласки миготом отозвались тягучим ощущением внизу живота. Они в самом деле сделали это, или воспоминания — всего лишь очень яркий сон, которые сознание настойчиво пытается выдать за действительность?

Она несмело погладила себя по животу, позволила ладони опуститься ниже, скользнуть по внутренне поверхности бедра. Эль выгнулась — и тут же свернулась в калачик. Нет, это определенно произошло на самом деле. Слишком остро ее тело реагировало на воспоминания о пальцах Максимилиана Ван Дорта у нее между ног, о его ладонях у нее на груди, о том, как его губы почти невинно и то же время развратно покусывали мочку ее уха.

Чтобы не сгореть от стыда, Эль бросилась в ванну. Холодный душ немного привел ее в чувство, но стоило образам вчерашнего вечера воскреснуть в памяти, как все возвращалось на круги своя.

Сейчас Эль казалось, что в мире не существует силы, способной вытащить ее из комнаты и столкнуться с Максом. Но стрелки часов перевалили за десять, и больше отсиживаться было нельзя. Возможно, если она перестанет себя накручивать, и отнесется к произошедшему, как к импульсивному порыву, то мысли понемногу придут в норму?

Чувствуя себя воровкой, Эль потихоньку спустилась в гостиную. К счастью, там никого не оказалось. Она нарочно гнала прочь мысли о том, что вместе с оргазмом позволила себя вольность кричать слишком громко, и могла действительно разбудить дворецкого. Интересно, привык ли он к такому «шуму» или он был в диковинку?

В доме стояла тишина. Эль потихоньку просочилась на кухню, но и там ничего не было. Может быть, Макс тоже неловко сталкиваться с ней лицом к лицу?

«Взрослому мужчине — и вдруг неловко?» — подтрунивал над ней собственный внутренний голос.

В самом деле. Просто не все занимаются ерундой, пока ждут самого судьбоносного решения в своей жизни. У Макса есть работа, которая съедает большую часть его времени. И потом, для него вчерашнее вряд ли означало то же самое, что и для нее.

— Мисс Кромби, доброе утро.

Эль так резко повернулась, что едва не опрокинула стул.

— Доброе утро, — ответила она. — Кажется, я сегодня заспалась.

— Мистер Ван Дорт просил передать вам это.

\Кн\иг\ол\юб\ нет

С самым торжественным видом, пожилой мужчина вручил ей конверт, и, исполнив свою миссию, растворился за дверью.

Письмо? Серьезно? Эль поймала себя на мысли, что именно так, должно быть, чувствовали себя героини романов Джейн Остин, когда получали послания от предмета своих вздыханий. Она присела на стул, разглядывая конверт и гадая, что же там может быть. А что, если вежливое предложение убираться вон? Он вполне мог опасаться, что произошедшее могло стать проблемой. Эль нервно заерзала на сиденье, но все же пересилила себя и выудила сложенный вдвое листок.

«Срочные дела, пришлось спешно улетать в Японию. Дом и библиотека в твоём распоряжении. Надеюсь, ты меня не прибьёшь за то, что я вбил свой номер в твой телефон. Звони, если будет что-нибудь нужно. Макс»

Вот так коротко и общими фразами. Эль с облегчением перевела дух. То, что нужно: они оба сделают вид, что ничего не произошло.

Быстро позавтракав, Эль, наконец, совершила вылазку в город. Давно следовало расчехлить старенький фотоаппарат и заснять Манхэттен во всей его красоте и пороке. Но в большей степени она хотела просто проветрить голову. И отвлечься хотя бы на что-нибудь, лишь бы не вспоминать снова и снова. И тем более, не думать, что ей хочется продолжения.

Прогулка по кипящим жизнью улицам Манхэттена действительно взбодрила её. И на какое-то время Эль даже смогла отвлечься от мыслей о Максе, целиком погрузившись в попытки поймать объективом камеры то непередаваемое ощущения жизни и драйва. Когда ноги устали настолько, что боль в мышцах больше нельзя было игнорировать, Эль купила дешёвый бургер и устроилась на лавочке в парке. Там её и застал звонок.

Глядя на имя «Макс» на экране Эль с трудом заставила себя проглотить недожеванный кусок бургера.

— Да? — Она все-таки смогла справиться с дрожью в голосе.

— Привет, Габриэль-спасательница. — Веселые нотки в его голосе действовали, словно расслабляющая микстура. — Надеюсь, не отвлекаю тебя ни от чего важного?

— Нет. Я гуляю. Фотографирую.

— Фотографируешь? — Он хмыкнул. — Пишет книги и занимается фотографией. Ты просто ходячая находка для модного глянца.

— Скажешь тоже, — улыбнулась она. А потом, набрав в легкие побольше воздуха, выпалила: — Спасибо большое... за все. Мне нужно было выговориться, чтобы не сойти с ума.

— Спасибо, что доверилась, — отозвался Макс.

Ей показалось, или в его голосе появились низкие нотки совсем как вчера, когда он шептал ей на ухо игривые слова успокоения? Эль сглотнула.

— Я хотел убедиться, что у тебя все в порядке, — сказал он после секундной паузы. — И что ты никуда не делаешь. Мне бы не хотелось, чтобы ты чувствовала себя неудобно.

Она чувствовала себя ещё как неудобно, но говорить ему об этом казалось настоящим свинством.

— Я проспала часов до девяти. Давно такого не было.

Макс негромко рассмеялся в трубку, выуживая из неё вновь возникшую неловкость.

— Очевидно, что-то в моём доме благоприятно влияет на твоё душевное состояние. Уверена, что это не храпение Сэмюэля?

Его деланная серьёзность и плохо замаскированное озорство заставили Эль подхватить игру.

— Честно говоря, я была уверена, что по ночам он просто превращается в волшебного

доброту монстра из диснеевского мультфильма.

— Предлагаю тебе ни в коем случае не проверять это самой, Габриэль Кромби. Мало ли кто еще бродит по моему дому пока я пытаюсь вытрясти из самураев проклятый контракт.

— Они наверняка близки к поражению.

— Мне льстит твоя вера. — На заднем фоне слышались какие-то голоса и японская речь. Макс с сожалением выдохнул. — Я прилечу послезавтра.

— И с контрактом, — подхватила она.

— Еще созвонимся, Габриэль.

Она еще долго смотрела на потухший экран телефона, воскрешая по фразам весь их короткий разговор. Макс мог и не звонить, но нашел время для нескольких фраз. Этот разговор теплом растекся под кожей.

Что между ними происходит? То, что ее к нему неудержимо тянет, было совершенно очевидным. Он был слишком привлекательным, слишком мужественным и обаятельным одновременно, и с ним она чувствовала себя в безопасности. Безопасность. Чувство, которого она не испытывала ни с одним из членов собственной семьи. И которое испытала рядом с человеком, которого в большей степени знала из интервью в журналах и рассказах его сестры. Да они и знакомы-то всего несколько дней!

Тем не менее, их знакомство нельзя назвать обыденным. Тем более, после вчерашнего потрясающего оргазма, который он подарил ей всего лишь пальцами. И все же, совершенно ясно, что для нее все произошедшее значит куда больше, чем для него. Естественный порядок вещей: у него она далеко не первая, а вот он для нее, сам того не зная, стал первым мужчиной, который зашел так далеко.

Домой Эль вернулась ближе к вечеру, с полностью посаженным аккумулятором в фотоаппарате, несколькими сотнями снимков и отличным настроением. Сэмюэль поинтересовался, будет ли она ужинать, но Эль наотрез отказалась пользоваться услугами повара. Что и говорить — кухня Макса покорила ее едва ли не так же сильно, как и он сам.

После перекуса она разобрала фотографии, удалив основательную часть, а то, что пережило критический взгляд, сохранила в папке «Посмотреть еще раз». Практика показывала, что после еще парочки просмотров на свежую голову, чистки переживет не больше пары десятков снимков. Зато каждый станет для нее не просто запечатленными пикселями, а ее личным маленьким воспоминанием. Если с поступлением ничего не выгорит, она сможет по крайней мере пересматривать фотографии, вспоминая, что однажды в ее жизни было все это.

Потом была работа над книгой. Работа настолько увлекла ее, что когда Эль, наконец, закрыла свой старенький видевший виды ноутбук, часы показывали половину третьего ночи. В телефоне висело сообщение от незнакомого номера, но по его содержанию Эль сразу узнала отправителя.

«Привет, надеюсь, я не очень поздно? Как ты?» — написал Джонатан Эванс. Дата отправки сообщения значилась половиной десятого вечера.

Эль положила себе не забыть ответить ему завтра.

Будильник разбудил ее в шесть тридцать утра. Быстро приняв душ, Эль отправилась на пробежку. Не то, чтобы она страдала маниакальной тягой к спорту, но если выдавалась возможность дать телу встряску, никогда ею не пренебрегала. Перед тем, как уйти, предупредила Сэмюэля — интересно, во сколько же он вставал, если даже в семь утра уже был при полном параде? — что отлучится на полчаса, оставила телефон и вышла на

улицу.

Денек обещал быть солнечным.

Она успела отбежать на несколько кварталов, когда обратила внимание, что за ней потихоньку следует старый «мустанг». Эль несколько раз оглядывалась, чтобы убедиться, что машина действительно следует за ней. Она уже собиралась свернуть на соседнюю дорожку и вернуться домой, когда «мустанг», чихнув облачком черного дыма из выхлопной трубы, резко обогнал ее и прижался к обочине. Водитель лениво выбрался наружу. Он щурился на солнечном свете и лениво пожевывал зубочистку, а его джинсовый костюм, хоть и выглядел новым, был порядочно потрепанным. Как будто мужчина носил его не снимая с самой покупки.

Эль мысленно громко и совсем не прилично выругалась.

Проклятье! Как он нашел ее?

— Ну и где теплые объятия для любимого папы? — Айзек Кромби театрально развел руки, но, когда стало ясно, что Эль не спешит в них хлопнуться, передернул плечами и заложил пальцы за пояс джинсов. — О'кей, тогда ограничимся обычным приветствием. Здравствуй, дочь.

— Что ты тут делаешь?

— Зачем сразу так грубо?

— Откуда ты узнал, где я? — Эль продолжала пятиться, одновременно не упуская из виду его ладони на ремне. Ошибиться она не могла — это был тот самый ремень, которым отец несколько раз порол ее за то, что она отказывалась выполнять его требования заняться сексом в качестве уплаты его долга.

— Моя единственная любимая дочь исчезла. — Мужчина скорчил почти правдоподобную расстроенную мину. — По-твоему, я должен был сидеть и ждать известия о твоей кончине?

— Это очень в твоем духе, — ответила она. Сделала два шага назад, отец сделал столько же вслед за ней.

— Рад, что ты помнишь, что в моем духе, а что — нет. Надеюсь, это сэкономит нам время. Не люблю, знаешь ли, болтать пространными фразами.

Кто бы сомневался, что ублюдок появился здесь не просто так. Эль скрутило живот от всевозрастающего ощущения опасности. Стараясь не выдать себя и не спровоцировать отца действовать быстрее, она бегло оценила окрестности. Впереди — пар, вокруг — лужайки, дома остались так далеко, что даже если она сорвет горло в крик, ее никто не услышит. Отец определенно знал, где устроить ловушку.

И все же, как он тут оказался? Наверняка подкарауливал ее неподалеку от дома.

— Что тебе нужно? — Эль старалась держать «лицо», хоть внезапная паника почти сковала ее мышцы. — Должна быть причина твоего появления на другом конце материка.

— Причина, конечно, есть, — не стал отпираться он. Но и своими планами делиться не спешил: просто скользил по ней оценивающим взглядом.

Эль прекрасно помнила это выражение на его лице. И те воспоминания вряд ли можно было назвать «приятными». Очевидно, что и в этот раз его визит не принесет ничего хорошего.

— Ты хорошо выглядишь, — сказал Айзек, выуживая изо рта пожеванную зубочистку. — Посвежела, румянец на щеках появился. Надо же, а я всю жизнь думал что ты уродилась бледнющей и конопатой.

Эль предпочла отмалчиваться. Если его не провоцировать, может быть, все обойдется? Не станет же он пороть ее прямо на улице?

— Я очень недоволен твоим бегством, Эль. — Мужчина покачал головой, но в его сожаление не поверил бы и слепой. — Знаешь, каково это: узнать, что единственная кровинка исчезла? Да я чуть пол штата на уши не поставил, чтобы разузнать, куда подевалась моя золотая девочка.

Золотая? Он называл ее так, когда хотел подчеркнуть, что может выручить за нее приличную сумму.

— Я в порядке и у меня все хорошо, — продолжая держать дружеский тон, ответила Эль. Ребенок в ней продолжал верить, что даже в таких больных ублюдках, как Айзек Кромби, может быть хоть капля любви к собственной дочери. И что этой капли окажется достаточно, чтобы остановить его совершения очередной гнусности. — Мне жаль, что я не сказала. Просто... все произошло так быстро, а ты был занят, и я не хотела беспокоить тебя по пустякам.

— Охотно верю, что ты не хотела рассказывать любимому папашке, что сорвала джек-пот. — Айзек растянул губы в широкой недоброй улыбке. — Зачем же говорить, что ты тягнешься с миллионером? Зачем вообще вспоминать о том, что у тебя, бл*дь, есть обязательства передо мной.

Так вот значит, откуда ветер дует.

Эль быстро прикинула, откуда отец мог прознать о Максе. Простое уравнение с одним неизвестным, которым мог быть всего-то один человек: Марго. Кроме нее никто на всем белом свете не мог знать, в чем доме она живет.

Жгучая обида со всей силы лягнула под дых, выколачивая из груди остатки воздуха. В голове колотилась одна единственная мысль: как она могла? Марго как никто другой знала, чего Эль натерпелась от своей «любящей» семейки. Она кучу раз сама чуть не силой волочила ее в участок и требовала зарегистрировать побои, а потом жутко злилась, когда Эль отказывалась ввязываться в судебную волокиту. Марго даже синяки ей помогала замазывать, чтобы своим видом Эль не отпугивала клиентов «Цыпочек», которые и приходили-то в основном затем, чтобы пускать слюни на милашек-официанток. И, в конце концов, Марго целиком одобрила ее решение ничего не говорить отцу ни о поступлении, ни о поездке.

Неужели она в самом деле так сильно взбесилась? Но, даже если поступок подруги был полностью продиктован обидой, Эль не могла найти ему оправдания.

— Тебе лучше уехать, — сказала Эль, когда справилась с первым приступом негодования. — Возвращайся домой, к квартам, покеру и рулетке. Уверена, на этот раз тебе точно повезет.

— Мне уже повезло, — растягивая слова, проговорил Айзек и, переломив зубочистку надвое, бросил мусор под ноги. — Твой богатый ё*арь трахает тебя за бесплатно, мать его! Да я чувствую себя поиметой целкой!

Эль поморщилась, и снова отступила, а он снова подвинулся.

— Но знаешь, ты молодец! — Он вскинул вверх оттопыренные большие пальцы, осклабился, демонстрируя крепкие желтые зубы. — Знала, перед кем ноги раздвигать. Вот только я хочу получить от этого сладкого пирога свою долю.

— Не было никакого сладкого пирога. Тебе лучше уехать.

Ответ ему определенно не понравился.

— То есть ты посылаешь меня? — спросил он, распаляясь.

— Я просто предлагаю тебе оставить меня в покое и вернуться домой. Мне больше не пятнадцать лет, и ты не сможешь заставить меня делать то, чего я не хочу. — Эль набрала в грудь побольше воздуха, собралась с силами — и выпалила: — Я тебя не боюсь, Айзек.

— А следовало бы, тупая сучка, если тебе дорога твоя мордашка.

— Мне дороги мои нервы, потому что если ты хоть пальцем меня тронешь или придумаешь какую-то другую мерзость, я заявлю в полицию. И, да поможет мне Бог, на этот раз пойду до конца.

Очевидно, сказать все это ему в глаза было величайшей ошибкой, но слова вырвались из нее, и, как ни странно, это облегчило ее ношу. Как будто все эти года она таскала за спиной каменную глыбу, которую не могла осмелиться скинуть. А теперь испытывала невероятное облегчение от того, что слова сказаны — и мир не перевернулся с ног на голову.

— Ты мне угрожаешь? — Глаза мужчины превратились в две щели. — Ты, бл*дь, мне угрожаешь?

— Предупреждаю.

— Мы сделаем вот как, дрянь сопливая. Ты прямо сейчас позвонишь своему кобелю и скажешь ему вот что: если он хочет и дальше трахать тебя, то пусть раскошелится. И пусть заплатит долг за то, что порвал твою целку.

Эль стало противно от его слов. Ее будто с головой окунули в грязь, и, лишив возможности искупаться, выставили на осмеяние.

«Ты не будешь плакать, как маленькая сопливая девчонка, — приструнил приступ ее малодушия внутренний голос. — Ты только что сказала, что пойдешь до конца — вот и держись за это».

— Ты больной, — прямо ему в лицо, выплюнула Эль. — Мне противно от мысли, что я в самом деле твоя дочь.

— Срать я хотел на твое «противно». Звони. Своему. Трахарю. — По словам, потребовал Айзек Кромби. — Миллион баксов на мое имя — и пусть считает, что я сделал ему скидку.

— Я не хочу с тобой больше разговаривать.

«Я смогу убежать, я смогу убежать...»

Она рванула с места, прекрасно зная, что для побега у нее будет всего одна попытка. И если она не воспользуется, не выложится на все двести процентов — последствия будут самыми печальными. И, скорее всего, дело не ограничится одними побоями.

Эль неслась со всех ног, почти не разбирая пути. Еще немного, до поворота, а оттуда до домов рукой подать, если закричит, то кто-нибудь обязательно выйдет на помощь. Не глядя под ноги, налетела пяткой на какой-то камешек: ступня тут же ушла влево, боль в почти зажившей лодыжке вспыхнула с новой силой и прострелила огнем до самого колена. Эль продолжила бежать дальше, но каждый раз, стоило пятку встретиться с асфальтом, ногу пронзала острая боль.

Ну же, оставалось совсем ничего.

Рука отца крепко ухватила ее за запястье, рванула назад. Эль дернулась обратно, яростно завопила, но в то же мгновение ей в плечо вонзилась игла. Эль пыталась вырываться, прекрасно осознавая, что отец точно не вколол ей порцию витаминов. Вот только мир вокруг начал стремительно расшатываться, а реальность превратилась в бесформенные обрывки.

— Я же говорил, что надо было просто позвонить своему мужику, — откуда-то издали

раздался голос Айзека Кромби — и Эль медленно провалилась в беспамятство.

Телефонный звонок громко вторгся в его сон.

Макс еще пытался отвертеться от настырного гудка, пытался сконцентрировать внимание на образе Эль под ним. Ее золотистые локоны разметались по подушке, на раскрасневшемся лице застыло желание. Он почти физически ощущал ее теплое тело, влагу между ног под собственными пальцами. Член стоял, как каменный. Если бы не треклятый телефон, Макс наверняка бы вошел в нее.

А, проклятье!

Он зло откинул покрывало, краем глаза посмотрел на часы: начало второго ночи. Тринадцать часов разницы давали о себе знать. Он едва не вырубился перед важным совещанием, поэтому влил в себя невероятную порцию эспresso, а потом, когда на Токио опустились сумерки, с трудом заставил себя сомкнуть глаза. И вот, когда, наконец, удалось уснуть, да еще с такими приятными сновидениями, раздается звонок. Это определенно не его партнеры, и точно не японские коллеги: и те, и другие заняты ровно тем же, чем и он минуту назад — сном. Значит что-то стряслось дома.

Макс со стоном уставился на недвусмысленно встопорщенные трусы.

Твою мать, возбудился, как подросток. Интересно, а если бы никто не помешал, утром бы его ждало позабытое с подросткового возраста «приятное пробуждение» в мокрых трусах?

На экране высвечивался номер телефона Ника, главы его службы безопасности. Значит дело дрянь — Ник не из тех, кто забывает о разнице во времени, и точно не станет тревожить нанимателя по пустякам.

Сонливость как рукой сняло.

— Я слушаю, Ник. Что случилось?

— Прошу прощения, что тревожу вас в такое время, но вы отдали указания сообщать о вашей гостье, если возникнуть сложности. Мисс Кромби пропала.

Три слова, но они мигом прогнали сон, а заодно и болезненную эрекцию.

— Подробности, — коротко бросил Макс, лихорадочно соображая, что могло стрястись на этот раз. Появилась Марго? Или Габриэль сама себя накрутила и снова сбежала?

— Мисс Кромби отправилась на пробежку в семь шестнадцать утра. Уже второй час дня, но она до сих пор не вернулась.

— Ты проверил ее вещи?

— Все дома, мистер Ван Дорт. Телефон тоже. Когда она уходила, то не выглядела расстроенной, — предугадав его следующий вопрос, отрапортовал Ник. — Какие будут указания?

— Моя сестра вернулась? Были какие-то другие гости?

— Нет. Ни гостей, ни звонков, ни писем.

— Прочешите округу — загляните под каждый куст, если понадобится.

— Без денег мисс Кромби не могла уйти далеко. Мы все сделаем, как надо.

— Держи меня в курсе дела.

Большого Нику можно было не говорить. Он был лучшим в своем деле и доказал свой профессионализм шестью годами службы. За это время он вытаскивал Макса из парочки таких передраг, которые, не будь все просчитано идеально, кончились бы скандалом в прессе и, что куда хуже, проблемами с властями. К счастью, то было в годы бурной молодости, и Макс сделал выводы из жизненных уроков.

О сне можно было забыть. Макс отправился в ванну и принял холодный душ. Почистил зубы, побрился. Тратил время, занимаясь обыденными вещами, чтобы привести мысли в норму.

Потом была кухня и еще одна — он сбился со счета, какая за день — чашка кофе.

Первый поток обжег горло. Вид сверкающего огнями ночного Токио сквозь панорамные окна пентхауса больше не казался таким уж заманчивым.

Что могло случиться? Они же только вчера говорили по телефону, и Макс мог поклясться, что она была в полном порядке. Он нарочно избегал разговоров о том, что случилось вечером, боялся ее испугать. Для него это была просто игра, но для нее, учитывая ее невинность, подобные ласки могли быть чем-то из ряда вон выходящим. Какое-то внутреннее чутье подсказывало, что Габриэль не из тех девушек, которые, сохраняя девственность, умудряются напропалую трахаться всеми другими способами и успевают приобрести богатый опыт с множеством любовников. Он и сам не был пуританином и познал многие прелести жизни к двадцати годам, но именно с Габриэль все это казалось чужеродным, невозможным. Опытные девицы не умеют так натурально краснеть от простых поцелуев или петтинга.

Что в таком случае? Если это не Марго, то кто? Макс грешным делом подумал, что появилась Тина, с которой они расстались не то, чтобы на хорошей ноте. Габриэль об этом знать не следовало, но как только Тина более-менее пришла в себя, чтобы бросаться громкими заявлениями, она тут же принялась убеждать его в том, что держать в доме соплячку — это совсем не по-мужски. И что если эта девчонка единственная причина, по которой он не может возобновить их отношения...

Макс прошелся пятерней по влажным волосам, отхлебнул еще кофе и посмотрел на экране телефона, который оставил на спинке дивана. Тишина.

Тина, конечно, была весьма импульсивной женщиной, в особенности во всем, что хотела, но не могла заполучить. Но как правило вспышки подобной капризности были кратковременными. Она слишком высоко себя несла, чтобы опуститься до банального бабского выяснения отношений с восемнадцатилетней девчонкой. Так что — нет, к исчезновению Габриэль Тина вряд ли причастна.

На этом варианты заканчивались. Кроме самого очевидного — Габриэль ушла сама. Черт знает, под действием какого помутнения.

Он набрал Ника, и тот поднял трубку после второго гудка.

— Проверь все рейсы до Лос-Анджелеса.

— Уже, мистер Ван Дорт. Нет ни одного пассажира под таким именем. И я проверил вещи мисс Кромби: ее кошелек и документы на месте.

— Хорошо, до связи.

Значит, Габриэль не сбежала. С одной стороны, она не поддавалась панике и истерике. Но с другой — где она, дьявол задержит, может в таком случае быть?

Он успел приготовить и выпить еще одну чашку кофе, когда телефон «ожил».

Номер на экране был незнакомым.

— Слушаю.

— Привет, дружище Макс! — флировольно поздоровался хриловатый голос. Мужчина наверняка был заядлым курильщиком лет этак двадцать.

— С кем я говорю?

— Ну, при благоприятном стечении обстоятельств, думаю, через пару годков ты бы звал

меня «папочкой».

— Мой отец давно в могиле, — холодно ответил Макс. Ему хватило секунды, чтобы сложить два плюс два — исчезновение Габриэль и появление ее отца. — Габриэль у тебя?

— Надо же, а я-то всю жизнь думал, что вы, богатеи, только деньги считать и умеете. А ты, оказывается, еще и мозгами шевелить мастак.

— Случается. — Макс подавил желание ответить ему теми словами, которые редко использовал в повседневном лексиконе. — Сколько?

Мужчина разразился громким каркающим смехом, а потом зашелся в противном приступе кашля. Макс, сцепив зубы, ждал.

— Ты мне, бл*дь, нравишься, дружище! Никакой пустой болтовни, сразу деловой разговор. Значит у нас с тобой будет настоящая любовь и взаимопонимание. Смотри, какое дело. Эль — моя единственная кровинка. И я, как ты понимаешь, ее люблю. Ручаюсь, ты уже видел, что я заделал настоящего ангелочка своей бабе! Я, бл*дь, настоящий ювелир! — Он от души посмеялся над собственной шуткой. — Ну и, опять же, кормить ее и одевать влетело мне в приличную сумму. Эль — моя, как же это там на вашем-то богатейском языке...

— Долгосрочная инвестиция, — подсказал Макс.

— Вот, точно: моя крошка — долгосрочная инвестиция. И я, как ты понимаешь, хочу получить причитающуюся мне прибыль.

— Логично, — продолжал подыгрывать Макс. Пусть уже назовет сумму и место, а дальше они начнут играть уже по его, Макса правилам. Чертов ублюдок. — Габриэль в порядке?

Стоило представить Габриэль избитой или, не дай бог, покалеченной, внутри закипала такая дикая злость, что, если бы ее отец был сейчас перед ним, он бы, чего доброго, свернул говнюку башку.

— Я что, изверг какой-то? — хмыкнул «папаша». — Она немного побрыкалась, когда пришла в себя, но мы потолковали, как отец и дочь — и теперь у нас полное взаимопонимание. Не волнуйся, ее личико ты получишь в полном, мать его, первозданном виде.

Побрыкалась? Потолковали?

Макс так сильно сжал пальцы на телефоне, что металлический корпус жалобно скрипнул.

Макс так сильно сжал пальцы на телефоне, что металлический корпус жалобно скрипнул.

— Я хочу поговорить с ней.

— Ну, нет, она притомилась малость.

— Ты даешь мне поговорить с Габриэль — и мы возвращаемся к деловому разговору о сумме твоих дивидендов. Ты не даешь мне поговорить с Габриэль — и валишь на х*й на все четыре стороны.

— Черт, мужик, ты мне нравишься все больше и больше! Ладно, погоди, разбужу нашу спящую красавицу.

Ожидание показалось Максу бесконечно долгим. Он до боли прижал к уху телефон, ловя малейший звук или шорох, выискивая среди беспорядочной возни обрывки голосов и фраз. «Нет, пожалуйста, — донесся до него обессиленный измученный голос Габриэль. — Прошу тебя, не делай этого. Я поеду, куда ты скажешь, только не впутывай его!»

«Пожалуйста, малышка, молчи, — мысленно упрашивал ее Макс. — Просто сделай, что

он от тебя хочет. Не дай ему...»

Раздался хлесткий и влажный звук удара, короткий женский всхлип.

«Я его убью», — подумал Макс — и понял, что только что дал себе обещание, от которого будет трудно отвертеться, потому что мысль о том, чтобы выпустить в башку «папочки» всю обойму из любимого «Дезерт Игла»[1] будет слишком сильным соблазном.

— Макс? — Голос Габриэль на том конце связи подрагивал, но она держалась хорошо. — Не слушай его.

Рядом раздалось злобное шипение, Эль с шумом выдохнула. Отец наверняка только что выдал предупреждение о том, что ее ждет, если и дальше будет говорить не по делу.

— Габриэль, малышка, слушай меня очень внимательно. — Макс старался говорить так, чтобы придать ей уверенности. — Не спорь с ним. Не вступай ни в какие разговоры. Делай все, что он скажет.

— Макс, — она всхлипнула, но не расплакалась. — Мне так жаль.

— Я не отдам тебя ему. Ты меня услышала? Габриэль? Скажи «да», если ты поняла все, что я тебе сказал.

— Да, — отозвалась она после секундной задержки.

— Не давай ему повод тебя обижать. Ты мне веришь?

— Да. Да, — уже увереннее, ответила она.

— Вот и хорошо. А теперь дай телефон этому сукиному сыну.

Короткой паузы Максу хватило, чтобы понять еще кое-что — он не станет привлекать к этому делу полицию. Ника и его «волкодавов» будет достаточно, чтобы уладить дело быстро и тихо.

— Ну вы и голубки, — скабрёзно похихикал «папочка».

— Назови сумму и условия.

— Видишь ли, дружище, какие дела. Моя девочка та еще милашка, и я знаю ребят, которые раскошелятся, чтобы приобрести ее для определенных целей. Ну, ты понимаешь.

Макс молчал, выжидая продолжения.

— В общем, я предлагаю тебе купить мой цветочек по специальной эксклюзивной цене. С учетом того, что я позвонил тебе первому и пока еще не услышал других предложений от твоих конкурентов, то и сумма несколько... возрастет. Думаю, один миллион долларов меня вполне устроит. Ты-то парень небедный, да?

Макса так и подмывало согласиться, но годы дрессировки в деловых переговорах брали свое. Если согласиться сейчас, эта тупая скотина, чего доброго, решит, что продешевил, и через час-другой позвонит, чтобы выставить сумму побольше. Деньги Макса не волновали, он вообще не собирался платить, но каждый час задержки мог стоить Габриэль новых побоев или даже жизни. Значит, придется торговаться.

— Я стал небедным парнем потому, что умею считать деньги, — ответил Макс, стараясь придать голосу нотки легкого безразличия. — Если бы я всегда платил столько, сколько с меня хотят поиметь, то давно бы жил в Гарлеме[2] под мостом. Почти весь мой капитал в акциях, в деле. Снять такую сумму наличностью будет несколько... затруднительно. И, знаешь, это наверняка привлечет внимание налоговиков, полиции и прочих любителей совать нос не в свое дело.

— Вот только не надо пытаться меня на*бать! — взвился «папочка». — Класть я хотел на ту херню, которой ты меня пытаешься отыметь, как сучку в течке. Класть я хотел на твои проблемы с акциями. Слыхал? Или по слогам?

— Класть так класть. — не стал разубеждать Макс. — Только когда будешь попивать текилу где-то в Мексике и тебя побеспокоят копы, советую, как следует побрить жопу, потому что эти ребята точно передадут тебя федералам, а те дрючат жестко и без предварительных ласк.

Кажется, подействовало, потому что вместо очередной порции ругани ответом ему стало молчание. Дав «папаше» как следует все обдумать, Макс продолжил.

— Приятно иметь дело с дальновидным человеком. Надеюсь, ты понимаешь, если мне понадобятся услуги молоденькой невинной куколки, то в Таиланде за десять тысяч я могу купить таких хоть целый гарем? Только они еще и массаж охренительный делать умеют, и их точно не нужно выгуливать в свет, покупать им безделушки и делать всю прочую ерунду, которую рано или поздно затребует Эль. И потом — не держать же мне ее на поводке? Тайские смуглянки не уйдут, хлопнув дверью, не напишут заявление в полицию, потому что не знают английского! — Макс выдавил из себя фальшивый смешок. «Папаша» притих и, судя по всему, внимательно слушал все оговорки. Теперь главное не пережать. — Ну, а когда смуглянки мне наскучат, я всегда могу посадить их на самолет и отправить к родителям. И никаких претензий. Кстати, у Габриэль все прививки сделаны? А то, знаешь, столбняк — страшная штука.

— Девятьсот — и ни центом меньше.

— Ты что, шутишь? Девятьсот тысяч за девочку, которая вряд ли умеет сосать? Да ладно, «папочка», мы оба знаем, что в постели она хороша лишь своей невинностью и смущением. Не то, чтобы мне это не нравилось, но я бы предпочел за свои деньги получить резвую кобылку, а не заторможенную овцу. Надеюсь, мы понимаем друг друга?

— Восемьсот пятьдесят, — скрепя сердце, уступил «папаша».

— Шестьсот — и я заберу ее через двадцать часов.

— Восемьсот — и через десять, — выставил свои условия тот.

— Я сейчас на другом конце мира, «папочка», — хмыкнул Макс. — Семьсот, двадцать часов — и мы скрепим сделку рукопожатием и взаимными обещаниями сделать вид, будто этой встречи никогда не было.

— Хрен с тобой, — после затяжной заминки, наконец, сдался «папаша». — И не вздумай меня на*бать!

— Это не в моих интересах. Предпочитаю быть единственным покупателем на этом аукционе. Время и место?

— Не так быстро, приятель. Будь на связи и готовь бабки: семьсот тысяч зелени мелкими купюрами.

Макс нажал отбой и первым делом позвонил своему личному секретарю, чтобы та подготовила все к отлету через час. Следующим был звонок Нику, чтобы ввести его в курс дела.

— Я не хочу привлекать полицию, — сразу и четко обозначил Макс.

— Понял. Я пробью номер и имя, подтяну ребят.

— Понятия не имею, где будет встреча, но он не хренов наркобарон и наверняка знает о шантаже только из фильмов или от таких же дружков-идиотов.

— Не волнуйтесь, мистер Ван Дорт, мы достанем сукиного сына и на выбритых яйцах Папы Римского.

Перелет, как всегда, дался нелегко. И на этот раз к обычному чувству тревоги, которое ютилось в нем всякий раз, когда самолет набирал высоту, добавилось неприятное с детства

чувство беспомощности и неспособности как-то изменить ситуацию, переломить правила игры с пользой для себя. Макс считал, что давно избавился от этого чувства. Он успешный бизнесмен, который привык все держать под контролем.

Но вот контроль ускользнул.

Габриэль где-то там, избитая ровно до той степени, чтобы представлять коммерческий интерес и при этом не оказывать сопротивления. Макс хотел верить — она прислушалась к его совету не провоцировать новые бои, но что-то подсказывало, что она явно не из тех, кто способен отключить эмоции. Наверняка огрызается, как перепуганный, загнанный в угол зверек, которому только и остается, что храбриться в бессмысленной надежде испугать превосходящего по силе противника.

Будь оно все неладно! И угораздило же его.

А с другой стороны... Если на секунду отбросить в сторону ублюдка Айзека, то неожиданно крутой вираж, который сделало его порядком наскучившее размеренное существование после появления Габриэль, заставил его вспомнить давно позабытый вкус... жизни?

Макс нахмурился, прикрыл глаза.

Странные мысли у миллионера. Любой другой покрутил бы у виска — и был бы по-своему прав.

«С жиру бесится, не знает, чем или кем себя занять».

И вот на горизонте появляется она — девчонка, делающая в по жизни первые шаги. Кто она для него? Увлечение? Игрушка? Способ на время вынырнуть из привычной атмосферы? Или нечто большее? Гораздо большее...

«Я должен вытащить Габриэль. А потом, когда она будет в безопасности, подумать о том, что за ерунда творится в моей собственной жизни».

[1] Desert Eagle — (рус. «Пустынный орёл») — самозарядный пистолет крупного калибра (до 12,7 мм). Позиционируется как охотничье оружие и оружие для самозащиты от диких зверей и преступных посягательств (википедия)

[2] Гарлем (англ. Harlem) — район в северной части нью-йоркского округа Манхэттен, известный как район проживания афроамериканцев (википедия)

В аэропорту его уже встречали. Ник, как всегда в идеально сидящем костюме и с блестящей лысиной. Он проводил Макса в ожидающую машину, по дороге быстро обрисовав ситуацию.

Тот номер телефона, с которого некто звонил в Токио, действительно принадлежал отцу Габриэль — Айзеку Кромби. Последний раз им воспользовались как раз прошлой ночью, звонок шел из района Бронкса.

— У него там есть друзья? — спросил Макс.

— Таких данных нет, — мотнул головой Ник. — Насколько я могу судить, Кромби человек довольно замкнутый, нелюдимый. У него нет не то что друзей, но даже знакомых можно пересчитать по пальцам. Такие же завсегдатаи баров — без серьезного уголовного прошлого и связей.

— Похоже, его сильно прижали.

— Да. Мне не известна точная сумма его долга, но она велика. Кромби проигрался по-крупному. А потом еще дважды или трижды брал в долг, пытаясь покрыть проигрыш. В конце концов, кто-то перекупил все его долги и пришел требовать свое. После этого Кромби провел в больнице пять дней, затем сбежал оттуда, но дома уже не появлялся.

— Откуда он узнал про Габриэль? Я думал, она не сказала ему о поездке в Нью-Йорк.

— Полагаю... — Ник запнулся, пожевал губами. — Мистер Ван Дорт, ему об этом рассказала Маргарита.

— Что? А, проклятье! — Макс даже остановился от неожиданности.

— Она звонила ему на мобильный за шесть часов до того, как Кромби купил билет до Нью Йорка.

— Марго-Марго, ну, как так?

Вот что значит обиженная женщина. В особенности молодая, привыкшая поступать, как считает нужным, и получать, что хочет. Он должен был предусмотреть нечто подобное с ее стороны. Не должен был так накалять их отношения. В конце концов, именно он старший — и именно на нем лежит вся ответственность.

Им еще придется поговорить. Но позже. Сейчас есть куда более важное дело. И дело это усугублялось тем, что для своего укрытия «папаша» выбрал Бронкс — обитель не обремененных честью и совестью людей, преимущественно мексиканского происхождения. С одной стороны, место действительно отлично подходило, чтобы исчезнуть из поля зрения, раствориться, переждать, не опасаясь полиции. С другой стороны, куда больше полиции следовало опасаться тамошних аборигенов, которые вряд ли станут церемониться с белыми чужаками.

Очень не хотелось думать, что судьба Габриэль может сложиться куда хуже, если «папаша» не озаботился мерами элементарной осторожности.

В доме, ожидаемо, уже разместилась целая мобильная мини-армия. Ник ввел в курс дела о каждом из «ребят» и за каждого же поручился головой. Макс слушал его в пол уха, прекрасно понимая, что в подобных делах лучше держаться за профессионала, который прошел дрессировку годами службы в разведке, двумя войнами, и бог знает сколькими стелс-операциями, о которых не рассказал даже под страхом не получить работу.

— Я позаботился о том, чтобы слуги какое-то время отсутствовали, мистер Ван Дорт, — сказал Ник, когда Макс поинтересовался отсутствием Самюэля, который не имел привычки пропускать его возвращение. — Дело щекотливое, для всех будет лучше, если мы сократим количество вовлеченных до минимума.

— Правильно, — согласился Макс, а про себя подумал, что посторонним людям, даже если они живут с ним бок о бок уже не первый год, вовсе незачем взваливать на себя эту ношу. Неведение — лучшая благодарность за их безупречную работу. — Итак, какой у нас план?

— Я поднял старые связи, воспользовался помощью Джека, и мы кое-что нарыли. — Ник указал на парня, который оборудовал на кофейном столике что-то вроде личной серверной. По виду он походил на простого гика, хотя разворот плеч и выглядывающая из-под рукава футболки татуировка говорили о его военном прошлом. Или настоящем? — Сузили круг поисков до периметра в десяток кварталов.

— Неплохо, но чем это нам поможет? — спросил Макс.

— Пока ничем. Территория слишком большая. Если мы не задействуем полицию, то прочистить ее, не привлекая внимания, будет не просто.

— Никакой полиции. Не хочу, чтобы подонка упекли за решетку до того, как я с ним потолкую.

— Джек подтянул еще технику, поэтому в следующий раз, когда Кромби позвонит, ваша задача удержать его на связи, пока мы не засечем сигнал с максимально точными

координатами. Он наверняка отключает телефон, потому что уже около десяти часов, как аппарат исчез с карты, и мы не можем его поймать.

— Несколько минут, — повторил Макс, послабил узел галстука и стянул его через голову, наслаждаясь вновь обретенной свободой. — Без проблем. Что дальше?

— Мы не станем играть по его правилам. Прищучим гада в его же логове. Нет никакой необходимости плясать под его дудку. Понимаю, что отец мисс Кромби не мафиози и не наркобарон, и вряд ли понимает, как совершаются подобные... вещи, — Ник заметно поморщился, — но он все равно может доставить вам хлопоты, если заставит выйти на его поле.

— Что угрожает Габриэль?

— Полагаю, в его планы не входит убивать собственную дочь. Да и увозить ее куда-либо — тоже. Судя по тому, что вы мне сказали, дело всего лишь в желании заполучить крупную сумму денег... — он снова осекся. — Вы уверены, что мисс Кромби не замешана...

— Уверен, — перебил его Макс.

— Я просто рассматриваю все варианты.

— Да, я понимаю.

Да, Ник был прав. Он профессионал и старается предусмотреть любое развитие ситуации, насколько бы неприятным оно не выглядело. Но отчего-то Макс даже на мгновение в голову не пришла мысль, что Эль может банально подыгрывать отцу, желая вытрясти с богатенького идиота средства к своему весьма безбедному существованию на ближайшее время. Проверка проверкой, но люди иногда преподносят неприятные сюрпризы. И все же — нет. Не может он так ошибаться в ее отношении.

— Мыждемся звонка, мистер Ван Дорт. По тому, какие условия выдвинет Кромби, будет ясно, будем строить стратегию наших действий.

Ждать, значит.

Макс осмотрел гостиную собственного дома, которая теперь больше походила на форт Нокс. Вряд ли среди этих бравых ребят, один из которых как раз прилаживал оптический прицел к снайперской винтовке, было место и для него.

— Как только мы найдем крысиную нору — устроим облаву, — перешел к заключительной части плана Ник. — Действовать на упреждение — лучшая тактика. Накроем Кромби там, где он меньше всего этого ждет.

— Я поеду с вами.

— Это может быть не безопасно, — предупредил Ник.

— Значит сделай так, чтобы свести риски к минимуму. Я должен посмотреть в глаза этому подонку и кое о чем с ним потолковать.

Не в привычках Ника было оспаривать решения своего нанимателя, и сегодня он тоже не изменил себе, хотя ему наверняка было что сказать по поводу такой блажи.

Макс прекрасно осознавал свое место под солнцем. Он рос в приличном районе, ходил в хорошую школу, общался с детьми из хороших семей и водил на свидания правильных девочек. Случалось — дрался, но вряд ли стал мастером мордобоя.

Уже потом, после того, как Ник стал начальником его охраны, Макс попросил дать ему пару уроков бокса. И тренировки пошли, затянули. Постепенно к боксу добавились элементы из вольной борьбы и джи-джитсу, а так же некоторые приемы, используемые только специальными подразделениями. Ник не был доволен своим учеником, несмотря на то, что тот по совместительству являлся его нанимателем. Постоянно указывал на недоработки, на

ошибки, на несовершенство физической формы. Причем указывал самым простым и понятным способом — заламывал в какой-нибудь болевой или удушающий прием, а то и «гасил свет» резким точным ударом. Обычно после таких занятий у Макса прилично звенело в голове, саднило мышцы, а на теле появлялись характерные синяки, которые не пристало носить уважающему себя миллионеру.

И все же занятия не проходили даром, откладывались в голове и мышцах.

Впрочем, в Бронксе будет за лучшее избежать рукопашной потасовки. Да и любой другой. Уличная драка — совсем не то же самое, что схватка в ринге. Ссориться с местными — верх глупости и неосмотрительности. От шальной пули еще не придумали ни одного приема.

Время до звонка тянулось так медленно, будто его нарочно раскатывали на машине для создания спагетти. Минуты превращались в часы, часы потянули за собой рассвет. Вымуштрованные в суровых условиях ребята Ника спали сидя и даже на ступенях, сам же Макс, как ни старался, так и не смог заставить себя прикорнуть хоть на полчаса.

Когда телефон, наконец, зазвонил снова, колдующий над «серверной» парень вскинул палец в знак готовности и по его отмашке Макс поднес трубку к уху.

— Доброе утро, дорогой зятек, — бесшабашным тоном, словно с закадычным другом, поздоровался Кромби. — День сегодня срать, как хорош!

— Звонишь сообщить мне прогноз погоды? Спасибо, но я не готов платить за это шестьдесят тысяч.

— Эй, вовсе не обязательно сразу крыситься. Я же к тебе, можно сказать, как к родному. Не чужие люди же, если так подумать.

— Я хочу поговорить с Габриэль, — обозначил свое требование Макс. Он должен услышать хотя бы одно ее слово. — Хочу убедиться, что она выпалась.

— Дружище, мы так не договаривались. Сперва я получу деньги, а потом ты получишь мою маленькую принцессу.

— Хочу быть уверен, что не покупаю дырку от бублика. Сам посуди — вдруг ты в порыве отцовской любви свернул ей челюсть?

— Ты мне не веришь? — голос Кромби перешел в подозрительное шипение. — Хочешь сказать, что я тебя поймать хочу и прочее дерьмо, лишь бы снова сбить цену? Знаешь, что? Я так, бл*дь, дела не веду!

Макс покосился на техника, который пальцем просигнализировал, что процесс еще не закончен.

— Послушай, мы же деловые люди, ну зачем нам ссориться из-за недопонимания? — Стоило невероятных усилий заставлять себя поддерживать разговор и не дать Кромби сорваться с крючка. — Что страшного в том, чтобы дать мне перекинуться парой слов с Габриэль? Я не собираюсь сбивать цену — деньги уже готовы.

Разговор о деньгах подействовал на собеседника успокаивающе.

— Я сказал, что ты получишь девчонку живой и готовой трахаться.

— Где и когда?

— Ньюбург. Час езды от Нью-Йорка. Знаешь этот замечательный городок?

— Найду.

— Вот и отлично. Берешь наличку, привозишь с собой... — он смолк, что-то обдумывая. — Думаю, встретимся в десять — люблю делать дела до полудня. Ходишь-гуляешь, как только я понимаю, что ты один — сам к тебе выйду. Надеюсь, понятно, что

никого с собой брать не надо?

— Понятно.

— Не пойми меня неправильно, Макс, но доверия к тебе нет. Я человек старый, пугливый. Если чего испугаюсь — сделке конец.

— Надеюсь, ты понимаешь, что портить товар — большая глупость.

— Не беспокойся, дружище. У нас с дочуркой кругом взаимопонимание. Сможешь оприходовать ее хоть прямо там, если захочешь. Я даже смотреть не стану.

— Очень надеюсь, что она окажется в силах меня удовлетворить.

— Заметано, хотя гарантии, как понимаешь, предоставить не могу. Товар уже порченный слегка. Тобой же — тобой. Не подумай, чего. — Он от души сально похихикал, Макс выдавил из себя натянутый смешок в ответ.

— Переживу как-нибудь.

— Ну, тогда до встречи, дружище. Надеюсь на твое благоразумие.

Послышались короткие гудки.

— Мы его засекли, — кивнул Ник. — Он все еще в Бронксе.

— У нас есть адрес? — Макс выразительно уставился на техника.

— Улица, дом. Можем брать говнюка хоть сейчас, мистер Ван Дорт. — Впервые за время службы Ника, Макс увидел на его лице что-то отдаленно напоминающее улыбку. Сейчас он снова был в своей стихии и наслаждался процессом.

— Ну, значит прокатимся в Бронкс?

На этот раз Ник улыбнулся шире, но почти сразу взял себя в руки и снова стал непроницаемым мистером Скалой.

— Нам понадобится менее заметная машина, чем ваш «Порш».

— И менее заметная одежда, — кивнул Макс.

В конце концов, план Ника был хорош и идеален в своей простоте. Зачем идти на поводу у шантажиста, если можно действовать на опережение? Опасный район несколько усложнял задачу, но не делал ее невозможной. Сидеть и ждать — вот что было действительно трудно. Неведение подтачивало Макса изнутри, злило до такой степени, что до зуда в кулаках хотелось пройтись по чьей-то физиономии... чьей-то определенной физиономии.

— Машина будет у ворот через двадцать минут, — отрапортовал Ник.

— Выдели мне людей. Человека три — больше не надо.

— Обижаете, мистер Ван Дорт, — нахмурился Ник. — Неужели вы думаете, что я отпущу вас туда без собственного сопровождения?

— В этом костюме?

— Костюм — не проблема.

— Хорошо. Значит, еще двух человек.

Отвлечься, не думать, не мусолить в голове идиотские «если». Все получится.

Макс быстро переоделся: джинсы, «гольф», толстовка с глубоким капюшоном. На всякий случай, чтобы не светить лицо. И удобные надежные кроссовки.

Через двадцать минут у ворот действительно стоял побитый жизнью фургон, который когда-то радовал ребятню мороженым. Теперь же фургон выглядел так, будто его в последний момент достали из-под пресса на автомобильной свалке.

— Оно нас точно довезет? — спросил Макс.

— Машина принадлежит человеку, который время от времени достает для меня разные

необходимые вещи, — ответил Ник. Он сменил свой костюм на нечто многослойное и безразмерно-мешковатое, в складках которого наверняка можно спрятать целый арсенал. Да он наверняка там и спрятан. — И за годы нашего сотрудничества человек меня ни разу не подвел.

— Прошу прощения, — Макс поднял руки, будто сдавался. — Едем?

— Вы не передумали?

— Нет.

— Тогда едем.

Фургон завелся с громким хлопком. Некоторое время двигатель работал неровно, будто вот-вот заглохнет, но постепенно успокоился и даже довольно живо отреагировал на резкое нажатие на газ. И пусть фургон напоминал старую ржавую консервную банку, в которой забыли какой-то древний мусор, но именно это и требовалось. Тем более уже первый минуты движения показали, что машинка еще ой как на ходу и способна дать фору куда более молодым собратьям.

— Мистер Ван Дорт, — обратился к Максусу Ник, — только давайте определимся сразу. Вы мой наниматель и я отвечаю за вас головой. Потому надеюсь на ваше благоразумие. Позвольте всю грязную работу выполнить мне и парням. Геройствовать в Бронксе — идея плохая. Мы приходим, тихо и быстро находим мисс Кромби, забираем ее и уходим. Если Айзек Кромби попытается нам помешать — ему же хуже. Но намеренно поднимать шум мы не станем.

— Не переживай, я не идиот, все понимаю. Да, мне действительно хочется выбить из этого ублюдка дух, но Габриэль — прежде всего.

— Рад, что мы поняли друг друга.

Когда фургон наконец остановился, Макс уже не находил себе места. Ему казалось, что едут они не меньше нескольких часов — и уже даже пропустили назначенную Айзеком встречу. На самом же деле они даже в пробках почти не стояли.

«Нервы-нервы...»

— Отель «Elrancho», — сказал водитель — молодой скуластый парень со сбитыми костяшками. — Все верно?

— Верно, — отозвался Ник. — Что ж, господа, мы все знаем, зачем сюда приехали. Сделаем работу и вечером с меня пиво.

Второй боец, которого Ник взял в поддержку, смерил начальника смурным взглядом поверх очков-хамелеонов.

Отель «Elrancho» представлял собой трехэтажное здание из красного кирпича. Некоторые окна в нем были выбиты, один из двух подъездов заколочен досками и заставлен переполненными мусорными баками. Поверх расписанной граффити двери второго подъезда виднелась череда странных отверстий, очень похожих на пулевые. Вывеска, когда-то глянцева, с золотыми буквами и стилизованным изображением человека на лошади, растрескалась и едва не осыпалась. Тут же на ступенях мирно спал, прислонившись плечом к перилам, человек неопределенного возраста, чьи длинные волосы, сбившиеся в жесткие колтуны, вряд ли помнили, что такое душ и тем более шампунь. В отдалении, на противоположной стороне улицы, напротив широкой витрины, стояла компания из нескольких молодых латиносов. На белых незнакомцев они внимание не обратили, занятые игрой в футбэг[1].

Все четверо покинули фургон и направились ко входу в отель.

Внутри у стойки регистрации их встретил заспанный старик с мутным подслеповатым взглядом.

— Мест нет, — окрикнул он вошедших, стоило тем появиться на пороге.

— Правда? — ухмыльнулся Ник. — Неужели не найдется ни одной комнаты?

— Мест нет, — повторил старик.

Ник достал из кармана стопку долларов, с задумчивым выражением уставился на негостеприимного собеседника. — Уверен?

— А? Вам комната нужна что ли? — всплеснул руками старик. — Найдем. Что же вы сразу не сказали? Одна комната? Две? Может, двухместный номер? С порно каналом? — Он заговорщически подмигнул Нику. — Может, девочек? Горячих цыпочек с вулканом между ног?

Ник вытянул из стопки сотенную купюру.

— Лучше информацию.

Старик напрягся.

— Я ничего не знаю.

Ник достал еще две сотенные.

— Всего лишь номер комнаты, где остановился вот этот человек, — он показал старику телефон с фотографией Айзека. — Вселился пару дней назад. А вчера приволок к себе девчонку.

— Был такой, — сдался старик под натиском вожаемой награды. — Но мистер, вы должны понимать, — покой постояльцев — наша главная забота.

— Уверяю, покою твоих постояльцев ничего не грозит. — Ник положил на столешницу пятьсот баксов. Старик схватил их, спрятал под стол.

— Номер двадцать один.

— Благодарю. У вас есть горничные?

— Да, но они не обслуживают клиентов...

— Позови.

Старик нехотя выполнил просьбу. На его окрик появилась девица лет восемнадцати в такой короткой юбке и таким глубоким вырезом декольте, что смысл слов «не обслуживают клиентов» она явно не знала. Надув пузырь жевательной резинки, она по очереди осмотрела всех гостей, дольше всех задержавшись на Нике.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Нам нужна твоя помощь, сказал тот.

— Всем? — не особенно удивилась девица.

— Да.

— По триста баксов с каждого. За пятьдесят можно посмотреть. За сотку отсосу.

— Годится, — ухмыльнулся боец со сбитыми костяшками. — Чур я первый.

Девица послала ему воздушный поцелуй.

— Деньги вперед.

Ник расплатился с ней тут же. Наличность сразу перекочевала к крайне довольному деду.

Они поднялись на второй этаж.

— Постучись в двадцать первый номер, — сказал ей Ник. — На вопрос «кто?» ответишь: в отеле утечка газа. Всех постояльцев просят выйти на улицу.

— И?

— И можешь быть свободна. Хотим устроить другу сюрприз.

— А-а-а, — протянула она с пониманием. — Но деньги я не отдам.

— Я и не прошу.

Девушка заулыбалась и чуть не в припрыжку направилась к указанному номеру.

Стучать пришлось дважды, прежде чем из-за двери послышался раздраженный хриплый голос.

— Чего надо?

— Мистер, у нас утечка газа! — выпалила девушка с почти натуральными нотками паники в голосе. — Просим вас скорее выйти на улицу. Это ненадолго.

За дверью послышались шаркающие шаги.

Ник аккуратно отодвинул девушку в сторону, показывая ей знаками уходить. Та помахала на прощание рукой и исчезла. Видимо, опыт общения с различного рода проходимцами накрепко застолбил в ней знание «если кто-то хочет сделать другу сюрприз — не мешай».

Ник застыл у двери.

— Какого хера тебе надо?! — спросил Айзек.

Щелкнул замок с той стороны.

Ник пнул дверь ногой. Та с грохотом влетела внутрь комнаты, отбросила на пол несостоявшегося шантажиста.

— Сука! — застонал Айзек, хватаясь за нос, из которого потоком текла кровь. — Пидор черномазый!

— Привет, папаша, — вошел в комнату Макс. — Мы тут решили немного изменить наше соглашение. Ты не против?

Айзек рванулся в сторону, к окну. Там, возле самой стены валялся пистолет, видимо, выроненный им во время падения. Но Макс оказался быстрее — пнул оружие, выбив его уже из самой руки отца Габриэль.

Ник было налетел на последнего, но Макс остановил его.

— Все нормально.

— Дверь, — обернулся Ник к бойцам.

Та висела на единственной петле, но закрыть ее все же удалось. В коридоре было тихо. Видимо местные обитатели, если они, конечно, были, предпочли заткнуть уши.

Макс отошел к отлетевшему пистолету, поднял его. Ни говоря ни слова, направился в другую комнату. О чем ему говорить с этим небритым уродом с болезненно-красной кожей и бегающими глазами?

[1] Футбэг (от англ. foot — нога и bag — мешок) — небольшой мяч, также называемый коротко — бэг, различные вариации которого используются в ряде игр, а также объединённое название различных видов спорта, где используется этот мяч.

Габриэль лежала на полу в спальне, на вдвое сложенном покрывале. Точно зверь, Макс бросился к ней, рухнул рядом на колени. Ее глаза были закрыты, взлохмаченные волосы слиплись то ли от грязи, то ли от крови, то ли ото всего сразу. Выглядела она маленькой и... сравнение «несчастной» не могло отразить и десятой доли того ощущения, что испытал Макс при взгляде на девчонку.

— Габриэль? — он осторожно приподнял ее голову. — Ты меня слышишь?

Она вздрогнула, дернулась, точно от удара током, закрываясь руками.

— Габриэль! — повторил громче. — Это я, Макс. Все хорошо. Теперь все будет хорошо.

Она едва разлепила глаза — один так и вовсе почти не открывался от набухшего под

ним кровоподтека.

— Макс... — произнесла неслышно, одними губами.

Он заставил себя улыбнуться.

— Да. Я пришел за тобой. Прости, что так долго.

— Я делала все так, как ты говорил. Не спорила. Я знала, что ты придешь.

Он уже не мог оставить ее. Даже на минуту. Не мог выйти из комнаты и проломить голову той твари, что звалась ее отцом. Был просто не в силах.

— Потерпи немного. Сейчас мы поедem домой. У тебя ничего не сломано? Ты не знаешь?

Глупейший вопрос — откуда она может знать, но спросить все равно надо. Будет погано, если Айзек сломал ей ребро, которое при неосторожном перемещении Габриэль может воткнуться в легкое.

— Вроде нет. Не знаю. Он бил меня... аккуратно.

Макс с силой стиснул зубы, потом медленно, со всей осторожностью, на которую был способен, поднял Габриэль на руки. Та слабо застонала, попыталась обхватить его за шею, но не смогла — рука так и осталась бессильно болтаться.

Когда он вышел из комнаты, Айзек стоял, прижавшись спиной к стене возле окна. Кровь все еще капала из его носа, руки мелко дрожали. В его затравленном взгляде бушевали страх и ненависть.

— Тебя мало убить, мразь, — процедил Макс. — И еще минуту назад именно это я и хотел сделать. Но это будет слишком легко. Вот тебе мое слово: я использую все свои связи, выложу столько денег, сколько потребуется, но засажу тебя в самую жесткую тюрьму штата. Ине за похищение собственной дочери. Мы придумаем что-то такое, что поставит тебя на самую низшую ступень тюремной иерархии — педофилия, к примеру.

— Я не ебнутый трахарь малолеток, — выплюнул Айзек. — У тебя ничего не выйдет, сука.

— Выйдет. Обещаю. Так что готовься отсасывать и разрабатывай задницу.

— А что, слабо один на один со мной выйти, сука? Со стариком. Уделаешь меня — так тащи к копам. А нет — я исчезну, и ты обо мне никогда больше не услышишь.

— Много чести. Возьмите его, — обратился уже к Нику.

Тот не медлил ни мгновения — выудил откуда-то из складок своих многочисленных футболок наручники и двинулся к Айзеку.

Шум и топот за дверью раздался как раз, когда он защелкнул первый браслет. А потом дверь снова вылетела, на этот раз окончательно, грохнувшись в паре метрах от проема. В номер, матерясь на чем свет стоит, один за одним ворвались пять латиносов. Все вооружены пистолетами и возбуждены до крайности. И без того небольшая комната уменьшилась еще сильнее. Бойцы Ника тоже выхватили оружие, стали у ворвавшихся за спиной.

— Вы кто такие, мать вашу?! — выкрикнул один из латиносов — высокие и костлявый, с лысым татуированным черепом.

— Никто, — процедил Макс. — Уже уходим.

— Какого хера? — Он хотел сказать что-то еще, но кто-то из товарищей легонько похлопал его по плечу, что-то негромко сказал, кивая назад.

Костлявый обернулся, встретился взглядом с взглядами бойцов Ника. Сам Ник уже держал в каждой руке по пистолету-пулемету, направив их на незваных гостей.

— Нам не нужны проблемы, — проговорил он спокойно. — А вам?

— Вы на нашей территории, гребаный нигер. А это белое гавно, — он указал на побелевшего от страха Айзека, — неуважительно отнесся к моей маме. Помнишь, гавно? Два часа назад в магазине напротив ты сбил с ног пожилую женщину и даже не извинился. Это была большая ошибка, гавно! Хер с вами, валите с моих глаз, — он снова говорил Нику. — А гавно останется. Потолкуем с ним немного.

Айзек рванулся прочь. Выскользнув из-за спины Ника, бросился было в окно.

Раздались грохоты выстрелов.

Первый выстрелил костлявый, пальнув в спину ускользящему обидчику, следом, действуя на опережение начавшим разворачиваться молодчикам, открыли огонь бойцы Ника и сам Ник. Макс крутанулся на месте, заслоняя собой Габриэль от шальной пули. В спину тут же толкнули, да так сильно, что Макс едва устоял на ногах — нырнул вперед, пытаясь удержать равновесие, приложился левой стороной лица о дверной косяк. Обернувшись, увидел костлявого — того, по всей видимости, каким-то образом отбросило от основной группы латиносов. И теперь он, стоя на карачках. Пистолета у него уже не было, но вместо него появился нож. Непонятно, о чем латинос думал, но он явно собирался ударить в спину Макса. Не успел. Сработали инстинкты. Резкий удар ногой — и голова костлявого мотнулась в сторону, нож полетел на пол. В следующее мгновение Ник покончил с уродом.

Тишина навалилась неожиданно. Щедро приправленная запахом пороха, она казалась предвестником чего-то еще более опасного.

— Мистер Ван Дорт, вы в порядке? Мисс Габриэль?

— Все нормально.

— Надо уходить. Скоро здесь будет жарко.

До самого фургона они больше никого не встретили. Даже на улице было пусто и тихо. Лишь когда боец со сбитыми костяшками вжал педаль газа в пол, Макс показалось, что где-то в отдалении послышался звук полицейской сирены.

Последнее, что он увидел в мутное окно фургона перед тем, как тот начал движение, было тело Айзека Кромби, распластанное среди перевернутых мусорных баков

Пробуждение было болезненным.

Несколько минут Эль просто собиралась с силами, привыкая к тому, что в ее теле, казалось, болит каждая мышца. Любая попытка пошевелиться тут же поднимала новую волну судорог, от которых сводило зубы. Приходилось что есть силы стиснуть зубы, чтобы не поддаться слабости и не закричать. Вряд ли теперь, когда Макс столько сделал для ее освобождения, она имеет право беспокоить его еще и этим.

Чтобы сесть понадобилось вытрясти из тела жалкие крохи самообладания. Кажется, получилось, хотя головокружение едва не уложило ее обратно. Пришлось остановиться и сделать передышку. Силы понадобятся до нового рывка.

— Габриэль?

Взволнованный голос Макса вынырнул буквально из ниоткуда. Эль повернула голову и только теперь заметила, что все это время ее спаситель дремал в кресле около кровати. Он потер глаза, потянулся к ней.

— По-моему, тебе еще рано вставать самостоятельно. — Его голос звучал обеспокоенно.

— Я потихоньку, — ответила она почти шепотом. Страшно не хотелось сознаваться, что встать ее заставляет не только упрямство, но и физиологическая потребность организма.

— В таком случае, мисс Лучшие в мире панкейки, тебе никак не обойтись без моей

помощи. Помнишь я говорил, что лучше всех в мире умею помогать?

— Про «лучше всех в мире» не было ни слова, — в ответ на его попытку поднять ей настроение улыбнулась Эль.

Он не стал дожидаться ответа, а просто наклонился к ней, подставил плечо. Эль обхватила Макса за шею, легонько выдохнула, когда второй он обнял ее за талию и аккуратно постаивал на ноги.

— Мне так жаль, — прошептала она, когда взгляд уткнулся в заметный кровоподтек у него на виске и расходящиеся в стороны от него царапины. — Хотя «жаль» — это совсем не то слово.

— Неужели у знаменитой писательницы кончились слова? — поддразнил он, помогая ей потихоньку, шаг за шагом, сокращать расстояние до ванной.

— Осталась еще обценная лексика, но, если честно, я в ней не сильна.

— Вот и славно, значит остановимся на том, что шрамы украшают мужчину. — Макс остановился, давая ей передышку.

— Куда уж красивее, — пробормотала Эль и запнулась, вдруг осознав, что по неосторожности произнесла мысли вслух. Да еще и глядя прямо Макс в глаза. — То есть, я хотела сказать, что ты и так... в общем... совсем не обязательно...

— Думаю, я понял, что ты имеешь в виду, — негромко сказал он. Свободной рукой Макс осторожно, едва касаясь кожи, погладил линию ее подбородка. — Рад, что ты находишь меня привлекательным, Габриэль.

Простые слова, но если бы они могли зажигать, то сейчас в руках у Макса осталась бы разве что ее обугленная тень. Как она может не считать его привлекательным? Как возможно, чтобы любая женщина в мире не считала его привлекательным? Особенно сейчас, когда его глаза стали почти черными, а губы так соблазнительно выгнуты в загадочную полуулыбку. И этот его сумасшедший запах чистой кожи и едва уловимого ненавязчивого аромата лосьона после бритья.

Шаг за шагом они добрались до ванной.

— Спасибо, дальше я сама. — Эль попыталась отодвинуться, но Макс все еще держал ее за талию.

— Почему мне кажется, что ты свалишься с ног, как только закроется дверь?

— Мне правда лучше.

Он даже не пытался скрыть недоверие к ее бравade, но все-таки выпустил.

— Если что — я сразу за дверью. Пожалуйста, не запирайся. Клянусь, что не буду подсматривать. Просто, если вдруг тебе понадобится помощь, мне бы не хотелось тратить время, чтобы выбивать дверь.

— Хорошо.

Оставшись одна, Эль не спеша разделась. В большом зеркале на стене все следы «отцовской любви» были как на ладони: кровоподтеки на ребрах, спине, несколько на животе и бедрах. Слава богу, что на улице похолодало и можно спрятать это уродство под одеждой. Вряд ли Макс приятно смотреть на все это.

Эль вздохнула, подобрала волосы жгутом и, держась обеими руками за дверцы душевой кабинки, шагнула внутрь.

Там, сидя под струями горячей воды, она, наконец, от души поплакала. Слезы лились и лились, а вместе с ними из души, словно яд из ранки от змеиного укуса, сочилась отравка предательства и унижения. И над всем этим тяготела мысль о собственной невообразимой

глупости. И чем она только думала, соглашаясь на авантюру Марго? Тогда это предложение казалось таким заманчивым, что ей и в голову не пришло подумать о последствиях. Хотя, конечно, если бы за планами Марго не было умысла затащить подругу в постель, поездка могла превратиться в настоящий отдых.

А по итогу последних дней реальность превратилась в настоящий кошмар. И самым ужасным его проявлением была необходимость найти силы как-то смотреть в глаза Макс.

«А сразу после этого убираться вон из его жизни и придумывать, что делать со своей».

Вволю выплакавшись и дав себе обещание больше не проявлять слабости, Эль оделась и вернулась в комнату. Макс в два шага оказался рядом.

— Ты плакала. — Он не спрашивал, он утверждал, хмуро разглядывая ее лицо.

— С девочками иногда случается, — попыталась отшутиться она. — Знаешь, гормоны шалят.

— Габриэль, уж мне-то можно не врать, — вкрадчиво пожурил Макс. — После пережитого ты держишься как настоящая солдат Джейн[1]. Давай договоримся: это будут твои последние слезы под крышей моего дома.

— Без проблем, — согласилась она. — Я как раз хотела поговорить об этом.

— Предлагаю отложить разговор до ужина.

— Ужина? — Эль покосилась на плотно зашторенные окна. — Сколько же я проспала?

— Вчера приходил врач, — напомнил Макс. — Я беспокоился о твоём состоянии, должен был убедиться, что твоему здоровью ничего не угрожает. Доктор Кроуфорд сделал тебе укол успокоительного, чтобы дать твоей нервной системе набраться сил.

— Нужно обязательно взять у него рецепт чудесного укола.

Макс вопросительно вскинул бровь.

— На всякий случай от сердечных травм. — И быстро, пока он не задал следующий вопрос, вернула разговор в нужное русло. — Если ты не возражаешь, я бы попросила разрешения остаться до утра, а завтра смогу выехать. Мне очень жаль, что из-за меня тебе пришлось ввязаться... во все те неприятности.

— Возражаю, Габриэль. — Он подхватил ее на руки, развернулся на пятках и уверенно зашагал к выходу из комнаты, а оттуда — к лестнице и вниз. — Ты никуда не поедешь, пока не решишь, что пришло время.

— Оно пришло, — пискнула она, не в силах справиться с волнением от близости его мускулистой сильной груди. В голове мелькнула малодушная мысль, что она бы могла провести вот так всю оставшуюся жизнь, бессовестно наслаждаясь чувством безопасности. — Я и так слишком злоупотребила твоим гостеприимством.

Почему-то именно сейчас казалось настоящим кощунством перечислять все без исключения злоупотребления, и Эль ограничилась лишь фактом их наличия. Одно то, что устроил человек, который по какой-то злой насмешке природы был ее биологическим отцом, могло претендовать на звание «Худшая гостя года».

— Извини за то, что я тебе сейчас скажу, Габриэль, но я не верю ни единому твоему слову. То есть, конечно, допускаю мысль, что говорить глупости тебя вынуждает совесть и какие-то странные атавизмы, но я более чем уверен — уезжать ты не хочешь. — И чтобы сгладить обличительную речь Макс сдобрил слова веселым: — Ну, хотя бы из-за того, что сама признала меня привлекательным.

— Это совершенно разные вещи.

Она негромко вскрикнула, когда Макс усадил ее в кресло в гостиной, прямо перед

сервированным столом. От одного вида угощений живот Эль скрутило от голода. На приставном столике справа стояло огромное серебряное блюдо, накрытое серебряной же крышкой. Оставалось только догадываться, что там: фрукты или... голова Айзека Кромби, например.

— Давай сначала поужинаем, — снова попытался увести разговор Макс, но Эль упрямо мотнула головой. — Хорошо, упрямец. Вперед, я готов выслушать твои аргументы.

Он подал ей пиалу с бульоном и не сводил глаз до тех пор, пока Эль не попробовала. Теплая ароматная пища подействовала словно живая вода.

— Мы оба знаем, что я не могу здесь находиться, — сказала Эль. И тут же осознала, как нелепо прозвучали эти слова.

— Поправочка: по какой-то причине, неизвестной мне, так думаешь ты. Я же более чем уверен, что ты должна остаться до момента, пока не прояснится ситуация с твоим поступлением.

— За это время я вполне могу превратить твою жизнь в кошмар. — А вот здесь она ни капли не лукавила.

— У тебя есть еще парочка родственников обремененных финансовыми проблемами и не обремененных совестью?

— Нет.

— У тебя есть проблемы с законом? Работоторговля, наркотики, нелегальное проживание на территории соединенных штатов?

— Нет, но...

— Пожалуйста, отвечай по существу, а все «но» я готов выслушать потом. И ешь, пока не остыло. Иначе не видать тебе десерта как своих ушей.

Эль послушно уплетала за обе щеки, заинтересованно поглядывая на таинственное закрытое блюдо.

— Насколько я знаю, в данный момент дома тебя никто не ждет. — Эту фразу Макс произнес осторожнее предыдущих. — То есть, я хочу сказать, что Айзека Кромби...

— ... БВЗ, — подсказала она.

— БВЗ?

— Большая Вонючая Задница. Он мертв. Так ведь?

— БВЗ... надо взять на вооружение. Ты все видела?

— Не знаю, все ли... нет, скорее всего, нет. Потом было много шума — я отключилась. Наверное, это прозвучит неправильно, но мне не жаль его. Нисколько. Думай обо мне, что хочешь, но он заслужил то, что получил.

— Я надеялся на подобный ответ.

— Надеюсь, больше никто не пострадал из-за меня? — В ее глазах плескалось беспокойство, норовившее выплеснуться очередными слезами. — У тебя не буде проблем с полицией?

— С нашей стороны не пострадал никто. И проблем не будет. Нас в том отеле даже не было.

Макс забрал из ее рук пустую пиалу, взамен протянув тарелку с салатом и восхитительно пахнущим медальоном какой-то красной рыбы.

— Я люблю худышек, но тебя все равно необходимо немного откормить, Габриэль. И это — третья причина, почему я не могу позволить тебе уехать. Уверен, что за пределами моего дома ты снова начнешь халатно и безответственно относиться к своему здоровью и к

тому, как часто ты ешь.

— Любишь худышек? — переспросила она.

Макс охотно кивнул.

— Надеюсь, это не единственное, что ты слышала из моей речи? Я долго репетировал.

Пытаясь справиться с очередным приступом неловкости, Эль едва не подавилась ломтиком салата. Макс подал салфетку и терпеливо выждал, пока она справится с кашлем. Потом продолжил:

— Думаю то, что ты едва ли способна нормально передвигаться без посторонней помощи — это более чем весомый аргумент номер четыре. Сомневаюсь, что завтрашнее утро что-то кардинально изменит.

— И не поспоришь, — не стала отпираться она.

— Ну и последнее. Ты готова? — Макс всем видом давал понять, что последний пункт в его списке должен вбить большущий гвоздь в крышку гроба ее желания уехать.

Эль на всякий случай поставила тарелку на стол, кивнула, почти не сомневаясь, что как бы сильно она не готовилась морально, Макс наверняка ее огоршит.

— Лондон, — сказал он одно единственное слово.

— Лондон? — эхом отозвалась она. — Столица... Англии?

— Будем считать, что ты сдала тест на знание географии. — Макс потихоньку засмеялся. — Я подумал, что пока у тебя не начался учебный год, а у меня наметилось «окно», мы можем поехать куда-нибудь вместе. А так как солнце ты не любишь, зато, кажется, с ума сходишь от всякой старины и дорогой мазни... — Тут он совсем уж по-мальчишески показал язык. — ... то тебе должен понравиться Лондон. И его пригород. И вообще все, что есть в радиусе ста миль вокруг. Зная, что ты вряд ли сможешь устоять перед этим, я позаботился о том, чтобы пилот подготовился к отлету завтра вечером. Сможешь посмотреть на Лондонский глаз^[1] с высоты птичьего полета в неоновой подсветке.

Пока она сидела, словно приколоченная спиной к доске, Макс ждал ответа. Умом Эль понимала, что пауза слишком уж затянулась, но ничего не могла поделать — предложение, в самом деле, ошеломляло.

Он правда только что предложил ей съездить в Лондон? Вдвоем? Завтра?

Это было так просто и в то же время так невероятно, что Эль совершенно растерялась.

— Габриэль Кромби, перестань меня пугать и скажи хоть что-нибудь.

— Я... — Она прочистила горло кашлем. — Ты должен был дать мне больше времени на подготовку, прежде чем сказать, что можешь осуществить мою вторую по величине мечту.

— И это полезное замечание я тоже учту. Первая, я так понимаю, университет?

Она кивнула.

— Значит, мы пойдем по нарастающей. Соглашайся, Габриэль, я по глазам вижу, что у тебя нет ни единого разумного довода против.

— И ты абсолютно прав. Правильно я понимаю, что мы поедем только вдвоем?

Черт, и зачем она это спросила? А что если он собирается взять какую-то подружку или пригласить компанию друзей? Эль мысленно содрогнулась: компанию его подружки она точно не вынесет, а с друзьями может быть крайне неловко. Кто они друг для друга? «Привет, я Габриэль Кромби, я создаю проблемы Максимилиану Ван Дорту, а взамен он меня балует».

— Ну... Эммм... — Вопрос застал Макса врасплох. — Если для тебя это проблема, то ,

могу попросить моего личного секретаря сопровождать нас. И еще рядом будет Ник.

Эль с облегчением выдохнула.

— Не нужно секретаря. Я рада, что мы будем вдвоем. — Лишь осознав всю двусмысленность фразы, она попыталась спешно ретироваться. — То есть, я имела ввиду, что было бы неловко, если бы рядом были люди, с которыми... которые...

Она так и не закончила, заворочено наблюдая за тем, как Макс встает из-за стола, подходит к ней и присаживается рядом на корточки. Ему даже не требовалось притрагиваться к ней: одной исходящей волны тепла от его тела было достаточно, чтобы заставить ее сердце лихорадочно колотиться.

— Я тоже рад, что мы будем вдвоем, Габриэль. — На этот раз в его голосе появились теплые, почти мурлыкающие нотки, как будто ее признание попало точно в цель его личным намерениям. — Давно хотел покормить голубей на Трафальгарской площади.

— Ты ни разу не был в Лондоне?

— Десятка два раз. Но мои поездки обычно имеют деловой характер, времени на всякую ерунду нет.

Эль так и подмывало спросить, в качестве кого они туда поедут. Как мужчина и девчонка, которую он выцарапывает из неприятностей? Как друзья? Как кто?

— Могу я считать, что вопрос о твоём переезде за пределы моего дома отложен до момента уведомления о поступлении? — уточнил Макс.

Она энергично закивала.

— В таком случае, мисс Самые вкусные панкейки, ты заслужила десерт за благоразумие. — Он взял поднос двумя руками, протянул ей. — Можешь торжественно сорвать покровы.

Эль приподняла крышку — и тут же едва не выронила ее на пол.

Шоколад. Целые горки печенья, трюфелей и конфет разнообразных форм и размеров. От оглушительного запаха рот моментально наполнился слюной. Она даже не пыталась сдерживаться: подхватила завернутую улиткой конфету из молочного шоколада, щедро посыпанную фисташковой крошкой, и отправила в рот. Зажмурилась на миг, позволяя сладости растаять на языке и раскрыться всем невообразимым букетом вкуса.

— Это просто волшебство, — наслаждаясь вкусом, произнесла она. — Ты должен попробовать.

Мгновение Макс смотрел на нее так, будто изучал произведение искусства в картинной галерее, а потом вернул поднос со сладостями на место, опустил на колени и потянулся к ее лицу. Прикосновение его губ к ее губам было почти невесомым, на грани сна и яви, за пределами всего, что она могла представить. Конфеты и все прочие приятности сегодняшнего вечера померкли, когда Макс осторожно, но настойчиво разомкнул ее губы поцелуем и слизнул шоколад с нижней губы. Это было так невинно и то же время обжигающе развратно, что Эль не смогла сдержать стон. Она почти физически ощущала, как болезненно напряглись соски под майкой, требуя его ласки, которая — теперь Эль это знала — способна свести ее с ума.

— Очень вкусно, — все с теми же мурлыкающими нотками в голосе сказал он прямо в ее приоткрытые губы, одновременно упираясь ладонями в диван по обе стороны ее колен. — И я снова поймал тебя, Габриэль.

Он отклонился совсем немного, но достаточно, чтобы их глаза оказались на одном уровне. И в его взгляде она без труда прочла ожидание. Что? Следующий шаг за ней?

Не дав себе и полвздоха на раздумья, Эль потянулась к нему, обвила руками за шею. И сделала, наконец, то, о чем мечтала с момента, когда впервые увидела его неделю назад в этой же гостиной — запустила пальцы в волосы, наслаждаясь их мягкостью.

— Ты вкуснее шоколада, Макс Ван Дорт. — Чтобы сказать эти простые слова и не отвести взгляд пришлось выпотрошить остатки своего мужества.

— Но ты еще не все попробовала. — Он не делал ровным счетом ничего, чтобы облегчить ей задачу.

— У меня будет целая дорога до Лондона и обратно, чтобы сделать это.

— Очень надеюсь, что будешь сравнивать после каждой пробы.

Эта откровенная провокация была сродни поглаживанию между ног. Эль с трудом понимала, что самым недвусмысленным образом ерзает на диване и едва ли помнит о том, что полчаса назад была не в состоянии самостоятельно передвигаться. Все, о чем она могла думать в данный момент — Макс Ван Дорт в самом деле несравнимо вкуснее шоколада.

— Если ты не будешь против.

— Сильно похоже, что я отчаянно сопротивляюсь? — Он самым недвусмысленным образом поглаживал взглядом ее губы, как будто раздумывал о новом поцелуе. Пришлось заставить себя сидеть ровно, чтобы позорно на него не наброситься. — Так мы договорились, Габриэль Кромби?

— Договорились.

Несмотря на то, что после их поцелуя она буквально расплавилась, Макс как будто с облегчением выдохнул.

— Ты наелась?

— Да, спасибо.

— Не нужно каждый раз благодарить меня за вещи, которые само собой разумеются, Габриэль.

— Я неисправима.

Когда волна возбуждения немного схлынула, боль снова напомнила о себе. Эль поморщилась, когда боль в спине прострелила до самого копчика. Само собой, это не укрылось от Макса.

— Я отнесу тебя в постель. Ты должна выспаться и набраться сил перед завтрашним перелетом.

— Я же только проснулась.

Бесполезно: он уже взял ее на руки и понес обратно в спальню. Как ему это удастся: шагать так легко, словно она весит не больше упаковки ваты? Эль едва успела подумать, что, чего доброго, привыкнет к таким нежностям, а Макс уже переступил порог комнаты и осторожно уложил ношу на подушки.

— Если я попрошу тебя полежать со мной, пока я не усну, это будет выглядеть, как сексуальное домогательство? — Она не хотела оставаться одна. Не хотела быть в пустой комнате, раз за разом перебирая в памяти побои отца и его грязные угрозы. Присутствие Макса действовало успокаивающе. Хотя, конечно, и будоражило те самые рецепторы, о существовании которых Эль до недавнего времени даже не подозревала.

— Это будет выглядеть как самая соблазнительная вещь в мире, Габриэль. Пора уже избавлять тебя от ужасной привычки анализировать каждое слово и его последствия. Зачастую люди слышат ровно то же, что ты им говоришь, и отвечают, не имея ввиду никакого скрытого смысла. Этот мир устроен гораздо проще, чем ты себе нафантазировала.

Макс растянулся рядом, осторожно прижал ее к себе. Эль с удовольствием устроила голову у него на плече, а потом, осмелев окончательно, забросила колено ему на ноги.

Что все-таки между ними происходит?

[1] Лондонский глаз (англ. London Eye) — одно из крупнейших колёс обозрения в Европе, расположенное в лондонском районе Ламбет на южном берегу Темзы (википедия)

Проблема образовалась на следующий день, когда за завтраком Макс сказал, что по прогнозу в Лондоне довольно прохладно и дождливо даже несмотря на то, что июль повсеместно считался едва ли ни самым жарким месяцем в году.

— Ты не брала с собой теплые вещи? — спросил Макс, одним залпом допивая кофе. Он предупредил, что будет отсутствовать до самого вечера, потому что внезапно возникшая проблема с какими-то договорами требовала его личного и немедленного вмешательства.

— Нет, — не стала юлить Эль. Она знала, что чтобы не случилось, с ее стороны никогда не будет вранья для него. Даже если правда поставит на кон их странные и непонятные отношения. — Ну, то есть, у меня есть свитер.

— Я дам тебе...

— Нет! — быстро, пока он не закончил, перебила его Эль. Она прекрасно понимала, что последует дальше. — Я не возьму.

Он повозился с запонкой, а потом вопросительно посмотрел на Эль, явно намекая, что без ее помощи не справится. Эль охотно подошла, хоть любая близость с ним неизменно превращала ее мысли в поток непристойностей. И отбиваться от него у Эль уже не было ни сил, ни желания. Надеясь, что Макс не заметил, как дрожат ее пальцы, она аккуратно поправила столбик запонки в петлице, расправила идеально белоснежный отхрохмаленный манжет.

— Габриэль, послушай, — Макс перехватил ее за локоть, удерживая рядом. — В Лондоне стоит зверская погода. Я могу тебя уверить, что мы вполне обойдемся одним, моим, зонтом, но я не позволю тебе гулять в холод в шортах, майке и босоножках. Если для тебя будет достаточно отсиживаться в отеле под одеялом — я не против, хотя, признаюсь, у меня были несколько другие планы на ближайших три дня.

— Как у тебя это получается?

— Получается что?

— Находить аргументы, против которых мне не выстоять.

— Я акула бизнеса, мисс Самые вкусные панкейки. — Макс приподнял лицо Эль за подбородок. Он даже не скрывал, что наслаждается ее смущением. — Я еще не начал играть в полную силу.

И она безоговорочно в это верила.

Как верила и в то, что рядом с ним простыми и понятными становились даже самые сложные вещи.

— Давай договоримся вот как: я, к сожалению, не могу предоставить тебе своего секретаря — сегодня она будет нужна мне все время, и сомневаюсь, что к концу дня у Лили будет очень радужное настроение. Поэтому, я попрошу Ника организовать тебе сопровождение для похода по магазинам. Купи самое необходимое, без чего не обойтись, и обязательно удобную обувь — у нас будет машина, но и пешком придется походить.

— Машина? А как же велосипеды? — Теперь уже она наслаждалась его недоумением.

— Вряд ли я способен справиться с этим чудом техники, Габриэль. Без понятия даже, помню ли как на нем сидеть.

— Хороший повод вспомнить, — продолжала подшучивать Эль.

— Даже не представляю, что должно случиться, чтобы я поддался на эту авантюру.

Никогда еще Эль не чувствовала себя так неуютно, ходя по магазинам. Прогулка с Марго неделю назад — теперь казалось, что прошла целая вечность — была простой необходимостью. Марго знала куда идти, знала, как разговаривать с продавцами, которые еще при входе цепляли ценники на каждого клиента, чтобы, не дай бог, не пропустить «золотого клиента» и свои комиссионные. Все сразу бросались к Марго, Эль же оставалась в стороне, словно тень — и наслаждалась тем, что суэта сосредоточена в другом эпицентре. Сегодня все было иначе. К счастью, не так, как в «Красотке», но Эль все равно чувствовала себя неуютно. Хотя бы потому, что взгляд то и дело опускался на ценники, и всякий раз это превращалось в настоящий взрыв стыда.

Она взяла самый необходимый минимум: пару теплых свитеров, брюки, классические джинсы, удобные ботинки и короткий плащ. И всю дорогу до дома размышляла над тем, кем и куда устроиться на работу, в случае благоприятного исхода с рассмотрением ее кандидатуры. Было бы идеально устроиться внештатным журналистом в какую-нибудь газету или любое другое печатное издание. Эль прикусила губу, мысленно обозвала себя идиоткой. Вот уж размечталась: максимум, что ей светит на первых порах — роль девочки на подхвате в какой-нибудь закусочной или в «МакДональдсе», благо здесь они были буквально на каждом шагу. «Цыпочки» было тем еще отстойником, но там она по крайней мере приобрела все необходимые для такой работы навыки. А журналистика, равно как и писательство, пока что были лишь далекой, как Большая медведица, несбыточной мечтой.

Макс появился только вечером. К тому времени Эль успела собрать вещи, искупаться, вымыть и высушить волосы.

— Мы прилетим почти к полуночи, — сказал он, недоверчиво оценивая ее не слишком-то увесистый рюкзак. — Уверена, что взяла все необходимое?

— Абсолютно.

Они два ли обменялись парой слов за всю дорогу до аэропорта. Говорить не хотелось совсем. Сейчас ей было достаточно одного его присутствия рядом, тепла, которое она ощущала даже на расстоянии. Казалось: скажи она хоть слово — и наваждение исчезнет.

Лондон. Они в самом деле будут там вдвоем целых три дня?

Эль с трудом улавливала реальность, следуя за своим молчаливым спасителем, словно заговоренная. Они приехали на частый аэропорт, прошли на взлетную полосу, где их уже ждал белоснежный с голубой полосой миниатюрный самолет: изящный и безупречный, как созданная покорять небеса стальная птица.

— Если я скажу, что мне тоже не по себе в самолете, ты будешь волноваться меньше? — Макс слегка раздраженно стащил галстук через голову, бросил на сиденье пиджак.

— Я не волнуюсь.

— По-моему, ты что-то такое говорила о перелетах...

Эль поджала губы, очень надеясь, что вспыхнувшие щеки не станут красным лагом ее смущения.

— Ну ... я просто ...чувствовала себя неловко. — «Боже. Только не скажи ему, что смутилась из-за того, каким красивым он был в тот вечер и...»

Марго.

Мысль о том вечере, о Марго и обо всех тех вещах, которые она по наивности не принимала всерьез, заставили живот Эль сжаться в тугую узел. Прошла всего неделя, а

реальность сделала столько кульбитов, что хотелось закричать во все горло: «Притормозите, пока я не слетела с катушек!»

Их уединение в салоне нарушила услужливая вышколенная стюардесса. Эль отказалась от напитков, Макс попросил апельсиновый сок и предупредить их, когда до посадки останется тридцать минут. Все время, пока самолет постепенно набирал высоту, мужчина пристально смотрел в иллюминатор, как будто что-то на земле помогало ему справиться с неприятными ощущениями. Эль же, наслаждаясь тем, что сидит напротив, укладкой посматривала на его лицо, надеясь сохранить его в памяти на всю оставшуюся жизнь.

— Марго не давала о себе знать? — Этот вопрос следовало задать давно, но события развивались так стремительно, что у нее просто не было подходящего повода затронуть щекотливую и болезненную тему.

— Нет. Честно говоря, сомневаюсь, что она планирует выходить с кем-нибудь из нас на контакт в ближайшее время. — Проследив за ее реакцией, поинтересовался: — Тебя это огорчает?

— Лишь в том ключе, что она причастна к появлению моего отца, и если их как-то свяжут, то у тебя могут быть проблемы.

— Я целиком полагаюсь на людей, которых нанимаю присматривать за моей спиной и тылами, Габриэль, — успокоил Макс. — Тебе не о чем беспокоиться. Разве что о том, что ты теперь одна.

— Я всегда была одна, даже с полным комплектом родственников.

Макс поморщился, как будто эта новость ударила его под дых.

— Мне... жаль, что все так произошло, Габриэль. Вероятно, если бы не мои попытки быть... гм... гостеприимным, Марго была бы более сдержанной. Мне бы хотелось сказать, что я сожалею и о смерти твоего отца, но не хочу врать тебе. Он заслужил то, что получил, и в этом нет ни твоей, ни моей вины.

— Ты спас меня, — ответила Эль. Стоило всплыть воспоминаниям о том, как она, избитая и грязная, валялась на мокром вонючем полу, и голос Макса, который возник в этом кошмаре, словно луч надежды, как сердце сжалось в тиски. — Это случилось бы рано или поздно. Он уже не первый раз пытался продать меня.

— Дерьмо, — прошипел Макс. Он подался вперед, уперся ладонями в разделяющий их стол. — Я не дам тебя в обиду, Габриэль. Все это немного странно для меня, и для тебя, я думаю, тоже. Но ведь нам совсем не обязательно искать все ответы прямо сейчас? Хочешь правду? Я впервые за черт знает сколько времени захотел просто выключить голову и сделать что-то просто так, без того, чтобы проанализировать каждый шаг на год вперед.

Она понимала, что он хотел сказать. Вежливыми и уклончивыми словами Макс Ван Дорт пытался донести до нее желание не думать о завтрашнем дне, но жить здесь и сейчас, полагаясь лишь на настоящее, без оглядки на прошлое и без бремени последствий. Было ли это разумно? Вряд ли, но в этом заключалась их реальность: вышвырнуть за шиворот анализ и предрассудки — и просто идти вперед, даже если никто из них не знает, что будет в конце пути.

«У вас нет ничего общего, дурочка Эль, — сказал внутренний голос перед тем, как Эль наложила на него табу. — Несколько незабываемых дней — все, на что ты можешь рассчитывать. Можешь сколько угодно закрывать глаза и делать вид, что сможешь перелететь пропасть, но крылья от этого, увы, не вырастут».

— Я, конечно, не ТОП-двадцать списка «Форбс», но тоже не хочу искать все ответы

прямо сейчас, — ответила она. Потому что в будущем не было ни одного ответа на вопрос: «Как сохранить себя и не потеряться в этом мужчине?»

Макс расслабленно улыбнулся, потом достал что-то из внутреннего кармана пиджака. Плеер. Мужчина размотал наушники, нажал кнопку «включения».

— Присоединишься? — Он похлопал по свободному месту на диванчике около себя.

Эль охотно пересела, хотя стоило их плечам соприкоснуться, как сердце ускорило свой ритм. Пришлось напомнить себе, что они где-то над облаками и, кажется, оба не слишком хорошо адаптируются к перелетам. Самое лучшее в этой ситуации: принят у него правое «ухо» и насладиться звуками тяжелой музыки.

— Ничего себе! — Эль хихикнула, когда в уши хлынул поток грубых гитарных рифов.

Макс хищно осклабился.

— Удивлена тем, что я не поклонник Баха или Моцарта?

— Честно говоря, и думать не думала про классиков, но была уверена, что ты предпочитаешь блюз или джаз.

— И это тоже, время от времени и когда за рулем. В остальное время мне нравится драйв. Ты была когда-нибудь на рок-концерте?

— Только на «Грязных сказках», да и то по чистой случайности. — Эль не стала уточнять, что билет стоил слишком дорого, и она получила его взамен на доклад по литературе. Неделя бессонных ночей того стоила.

— И как впечатления?

— Ну, если учитывать, что я там, наверное, была единственная трезвая и не пыталась попасть трусиками в Рэйна, то мне понравилось. Это был выход из зоны комфорта: попробовать что-то такое, о чем я раньше только в книгах читала.

Макс повернулся к ней, заинтересовано вскинул бровь.

— Что? — Эль растеряно убрала прядь волос за ухо, потом потерела край рукава. Господи, просто необходимо куда-то деть руки, чтобы не выдать дрожь.

— Я жду продолжения истории.

— Кажется, я сорвала тогда голос, и у меня дня три болела голова — вот и все продолжение. — О том, что ее еще и три дня тошнило, говорить не стала. — Скажем так, это был интересный опыт, но вряд ли я бы согласилась повторить его в ближайшем будущем.

— Значит, Габриэль Кромби не любит выходить из зоны комфорта?

— Не люблю терять контроль, — призналась она. — Кажется, если потеряю — вся моя жизнь развалится на кусочки.

Ей очень хотелось, чтобы Макс перестал смотреть на нее так, будто ждал какого-то интимного откровения, чтобы громче включил музыку. Сидеть рядом становилось все тяжелее, как будто под ней разогревалась сковорода, и с каждой минутой жар все глубже проникал в ее тело, заставляя испытывать чувства, о существовании которых она раньше знала лишь со страниц книг.

Слава богу, Макс не стал развивать тему. Но подвинулся ближе, чтобы провод наушников не выглядел натянутой струной. В Эль же боролись противоречивые чувства: с одной стороны, хотелось прижаться к его плечу, снова почувствовать защиту и тепло, а с другой — сбегать на другой диван, отгородиться от бешеной энергетики этого мужчины хоть чем-нибудь, перекрыть ему доступ к той части разума, которая еще не пала под натиском его обаяния.

«Это все не имеет никакого смысла, Эль. Это все — просто мечта. Нельзя взлетать

слишком высоко, потому что после падения ты больше никогда не сможешь подняться».

Отель «Коннот»[1] располагался в самом центре Лондона. Всю дорогу из аэропорта Эль буквально не отлипала от окна. Дождь лил, словно из ведра, ночная столица Туманного Альбиона сверкала сотнями разноцветных огней. Едва ступив на землю, Эль глубоко вдохнула сырой прохладный воздух, наслаждаясь тем, как он проникает в легкие, растекается по венам и безжалостно рвет в клочья все дурные воспоминания.

Три дня здесь.

Целых три дня на другом конце мира, где они могут быть кем угодно. Где она может обмануть себя и притворится, что этот шикарный мужчина, который уверенно ведет взятый на прокат «Астон-Мартин», самую капельку, но принадлежит ей.

В гостинице их встретил дворецкий и целый штат клерков. Макс очень старался быть вежливым, но было заметно, что суета вокруг них его порядком раздражает. К счастью, вышколенный персонал отеля знал, когда вовремя уйти со сцены.

— Это номер Елизаветы? — спросила Эль, с трудом подавив в себе желание вышмыгнуть за дверь. — Похоже на фотографии из Тамблера[2]. Знаешь, на те, где квартира выглядит так, будто там живет фея-крестная из сказки.

— Очень надеюсь, что никакой феи-крестной здесь нет. — Максу определенно ни раз приходилось бывать в таких местах, и он чувствовал себя, как рыба в воде. Бросил на диван спортивную сумку, осмотрелся — и быстро выудил из какой-то скрытой ниши пульт для стереосистемы. Несколько щелчков — и комнату наполнил приятные звуки ненавязчивой мелодии. — Смелее, мисс Самые вкусные панкейки, можешь осмотреться.

В номере, выдержанном в молочных и бордовых с золотом тонах, нашлась огромная мраморная ванная, выглядевшая, как музейный экспонат; гостиная с огромными панорамными окнами и две спальни с массивными кроватями на двоих. В одной была отдельная гардеробная и выход на балкон. Именно эта комната была выдержана в кремовых молочных тонах, тогда как в интерьере второй преобладали серые и синие оттенки. Эль немного потопталась на пороге, а потом все-таки вошла. Сумку поставила на софу в ногах кровати и первым же делом открыла балкон. Прохладный влажный воздух с запахом тумана всколыхнул занавески, просочился в номер. Эль снова и снова полной грудью вдыхала эти удивительные ароматы, точно зная, что именно так должна пахнуть полная и безоговорочная Свобода.

— Тебе нравится? — Макс появился на пороге и лениво оперся плечом о дверной косяк.

— Я почти уверена, что здесь не обошлось без какого-то волшебства, — ответила она, впервые в жизни не смущаясь того, что ее слова звучат откровенной чушью. — Ты уверен, что здесь можно спать?

— Совершенно точно, — подтвердил он. — У них тут есть Wi-Fi. Если тебе нужно проверить почту или что-то еще — смело пользуйся.

Эль кивнула, а про себя подумала, что приехав в Лондон, последнее, что она будет делать, так это сидеть в интернете. Разве что в самом деле проверит почту: возможно, там ее ждет ответ комиссии.

«Тогда лучше проверю перед отъездом», — решила она. Вряд ли отказ позитивно скажется на настроении, а Макс, чего доброго, обидится, что затеял все это для кислой девчонки.

— Спасибо, — сказала она, с трудом собираясь с силами, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Снова это «спасибо»? — В голосе Макса прозвучали веселые нотки. — Говорил же,

что нет необходимости говорить это каждый раз. У тебя все на лбу написано, Габриэль.

— Я хотела сказать, что благодарна за... — Она обвела комнату широким жестом. — За все это и за... — «Давай, Эль, просто скажи уже это, в конце концов!»

— Я подумал, что тебе будет спокойнее в отдельной комнате, — догадался он.

Эль с облегчением выдохнула: слава богу, он избавил ее от необходимости говорить это вслух.

— Мне нужно разложить вещи, а ты можешь пока принять душ, — предложил Макс.

— Душ... — Эхом повторила она. Почему даже когда он стоит так далеко, она так остро реагирует на его присутствие? Нужно взять себя в руки, и прохладный отрезвляющий душ — то, что нужно. — Я как раз думала сполоснуться.

— Можешь не спешить.

Уже за закрытыми дверьми ванной комнаты Эль сообразила, как нелепо будет смотреться посреди этой роскоши в своей застиранной пижаме. Наверняка Макс по достоинству «оценит» ее вид а-ля несчастный мокрый котенок. Хотя, на диване в гостиной лежал плед, и она вполне может завернуться в него. Главное, вовремя успеть.

[1]TheConnaught — отель Лондона класса «люкс»

[2]Tumblr — служба микроблогов, включающая в себя множество картинок, статей, видео и gif-изображений по разным тематикам и позволяющий пользователям публиковать посты в их тамблелог (википедия)

В ванной нашлось все: пахнущее сливками и медом мыло ручной работы, куча гигиенических принадлежностей с логотипами отеля, салфетки, полотенца. Даже фен. Эль приняла душ, вымыла волосы и потратила прилично времени, чтобы просушить их хотя бы до состояния полувлажности. В завершение воспользовалась кремом для депиляции. Ерунда, конечно, но еще с шестнадцати лет, с тех пор, как она вместе с одиннадцатью другими девушками вызвалась сняться для школьного спортивного календаря в купальнике, Эль всегда делала интимную депиляцию. К счастью, все остальные волоски на ее теле были такими тонкими и светлыми, что их и без этой процедуры не было видно.

Макс расхаживал по гостиной и по телефону раздавал кому-то энергичные указания. Эль поймала буквально пару слов и поняла, что работа наша его и здесь. Увидев ее, Макс с сожалением пожал плечами и заперся в своей комнате. Эль тем временем быстро завернулась в плед.

— Я люблю свою работу, — сказал он с какой-то вымученной усмешкой, возвратившись спустя десять минут, — но иногда мне кажется, что она хочет от меня слишком многого.

— Если нужно вернуться, то я соберусь за пятнадцать минут.

— Нет, Габриэль, возвращаться точно не нужно. Завтра мне нужно будет несколько часов времени, чтобы провести удаленное совещание, но я думаю, эти часы ты проведешь в местном СПА.

— Ни разу не была в СПА, — выпалила она.

— Вот видишь, как все идеально складывается. — Улыбка на его губах была загадочной. — А потом нас ждет целая куча музеев, две картинные галереи. Хочу пощупать, так ли глубоки твои познания в дорогой магне.

— Ты никогда мне не простишь, да?

— Буду помнить всю жизнь, — не стал успокаивать он, а потом, когда Эль было подумала, что смогла, наконец, взять себя в руки и успокоится, подошел к ней. Осторожно погладил ее по спинке носа, опустил палец ниже и мягко, едва касаясь кожи. Очертил

подушечкой большого пальца линию верхней губы. — Ты просто стихийное бедствие, Габриэль Кромби.

— Потому что порчу твою жизнь? — с трудом спросила она.

— Не угадала. — Макс наклонился к ее уху и, касаясь губами кожи, шепнул: — Потому что ломаешь мои защитные барьеры.

И прежде чем она успела подумать, что ответить, ушел в ванну.

Эль еще несколько минут стояла посреди комнаты, снова и снова прислушиваясь к пульсирующим в памяти отголоскам его признания. Она рушит его защиту? О какой защите речь?

Кое-как справившись с дыханием, Эль мелкими шажками дошла до панорамного окна и до упора распахнула его. Ливень хлестал по стеклам, и в стекающих каплях город сверкал всеми цветами радуги, словно диковинная драгоценность. Они жили на пятом, самом высоком этаже, но и отсюда центр Лондона лежал весь на ладони. Если бы не время за полночь, Эль непременно отправилась бы на прогулку прямо сейчас: наслаждаться вновь обретенной свободой, возможностью просто бродить по улицам, любоваться отражениями прославленных английских фонарей в лужах, обязательно постоять в красной телефонной будке и покататься на горбатых желтых такси. Господи, она хотела просто ЖИТЬ! Каждую секунду этой новой жизни, которую Макс подарил ей пусть всего на несколько дней. Взять от этой поездки все, что возможно, чтобы хранить так же сильно, как некоторые хранят фамильные украшения или альбомы с фотографиями.

Еще немного постояв около окна, она осмотрелась в поисках пульта. Плазма на полстены манила насладиться четкостью изображения. Возможно, здесь есть какой-то музыкальный канал? Что-то такое, что будет по душе им обоим.

Пульт нашелся внутри приставной тумбочки. Не сразу, но она разобралась что к чему и перелистнула несколько каналов. Очевидно, в стоимость номера входил и доступ к платным спутниковым каналам, потому что первым же в списке был канал фильмов, где как раз шел какой-то блокбастер с Томом Крузом в главной роли. Следующими шли несколько спортивных каналов, потом канал новостей, потом снова фильмы, сериалы и бизнес-канал с огромным графиком котировок акций.

А потом...

Эль дернулась, словно ее крепко огрели по затылку. Это что... порно?

Мужчина на экране стоял спиной к камере, женщина лежала на спинке дивана на спине с широко раздвинутыми ногами и остервенело поглаживала себя между ног. Слава богу, что звук был приглушен почти до минимума, но мольбы женщины трахнуть ее поскорее, казалось, грохотали на всю гостиницу. Эль уже почти нажала на клавишу переключения каналов, но палец замер над кнопкой, когда мужчина опустил перед своей партнершей на колени. То, как он впился губами ей между ног, отозвалось тяжестью в самом низу живота самой Эль. Она сглотнула и едва ли понимая, что делает, подошла ближе. Камера снимала под таким углом, что лицо мужчины было видно лишь в профиль, но его темные волосы и легкий намек на щетину вокруг острого подбородка делали его слегка похожим на Макса. Каждое движение его языка заставляло партнершу кричать с новой силой. Наверняка, как и всякая актриса, она переигрывала, но сам процесс казался чем-то настолько... развратно-сладким, что у Эль подкосились ноги. Она попятилась, слепо пошарила в поисках опоры.

«Выключи это немедленно, Эль Кромби!» — снова и снова приказывала она себе, но продолжала жадно впитывать каждый кадр.

Тот мужчина на экране: что, если бы это был... Макс? Если бы это она лежала перед ним вот так, доступная и готовая отдаться вся без остатка? От одной этой мысли колени задрожали сильнее, с губ едва не сорвался стон.

Все это было словно один большой катализатор для того, в чем она стеснялась признаться сама себе, но о чем ее собственное тело умоляло буквально с первой встречи: она хотела Макса Ван Дорта. Как не бесстыже это звучит, но желала с самого первого дня их встречи. С того момента, как он не дал ей кубарем свалиться с лестницы, и позже, когда она наслаждалась видом его мускулистых жилистых рук у себя в комнате. Макс Ван Дорт был сосредоточением запретного наслаждения, о котором она не знала и которого не желала, но теперь нуждалась в нем со всей силой, на которую была способна.

Она попятилась еще дальше, на что-то наткнулась и едва не кувыркнулась назад, но чья-то рука поймала ее и помогла удержать равновесие.

— Ммммакс? — заикаясь, пробормотала Эль.

— Ну, полагаю, кроме нас здесь больше никого нет, — сказал он негромко и проследил за ее взглядом.

Эль едва не превратилась в горстку пепла, попыталась выключить проклятый телевизор, но пульт плясал в трясущихся руках, и кнопка выскальзывала из-под подушечки пальца.

Господи, он что — голый?

Эль медленно скользнула взглядом по его телу: в приглушенном свете торшера кожа Макса поблескивала от влаги, идеально гладкий торс с проработанным прессом и косыми мышцами живота выглядел так соблазнительно, что Эль едва пришлось одернуть руку за спину. Нет, слава богу, все же не голый: вокруг бедер обернуто приличного размера белоснежное полотенце.

— Габриэль, — Макс забрал пульт из ее пальцев, нажал кнопку выключения. — Не нужно так нервничать.

— Я случайно... — продолжала лепетать она, одновременно напоминая себе не забывать дышать. — Просто... Искала музыкальный канал...

Она сглотнула, когда Макс приподнял ее лицо за подбородок, требовательно изучая ее лицо темно-серым взглядом.

Какой же он все-таки красивый с этими влажными, неряшливо спадающими на лоб волосами и гладко выбритым лицом. И как потрясающе от него пахнет: цитрусом и морским бризом, как будто он только-только вернулся с тропических островов.

— Ты дрожишь, Габриэль. Не холодно, как будто. — Он мимолетно улыбнулся. — Извини, что я тут расхаживаю, как Тарзан — терпеть не могу халаты. Чувствую себя в них старым сутенером.

Удерживая ее в плену магнетического притяжения своего обаяния, Макс осторожно погладил ее по уголку локтя, и на этот раз Эль не удалось взять над собой контроль: она громко всхлипнула, едва ли не так же похотливо, как та женщина с экрана.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!..»

Она не знала, чего именно хочет, но ясно, как никогда в жизни, отдавала себе отчет в том, что не хочет разрывать напряжение, которое было таким сильным, что она могла бы намотать его на волшебное веретено из сказки.

«Пожалуйста, не уходи!»

Она встала на цыпочки, потянулась к Максиму в бесконтрольном порыве.

Макс перехватил ее руки за запястья, забросил себе на шею. Эль со стоном запустила

пальцы ему в волосы, наслаждаясь приятным покалыванием в кончиках пальцев.

— Я хочу поцеловать тебя, Габриэль, — сказал Макс. Не попросил разрешения, лишь озвучил свое намерение.

— Да, да...

Он что-то пробормотал себе под нос, обнял ее за талию и прижал к себе так сильно, что Эль на миг почудилось — теперь они стали одним целым.

Его поцелуй был жадным, собственническим. Он раскрыл ее рот поцелуем, и украл ее дыхание, смел одним толчком всю силу воли и попытки сохранить хоть каплю контроля. Сейчас Макс был ее единственной реальностью для нее, единственной точкой, в которую неожиданно схлопнулась вся вселенная.

В ванной нашлось все: пахнущее сливками и медом мыло ручной работы, куча гигиенических принадлежностей с логотипами отеля, салфетки, полотенца. Даже фен. Эль приняла душ, вымыла волосы и потратила прилично времени, чтобы просушить их хотя бы до состояния полувлажности. В завершение воспользовалась кремом для депиляции. Ерунда, конечно, но еще с шестнадцати лет, с тех пор, как она вместе с одиннадцатью другими девушками вызвалась сняться для школьного спортивного календаря в купальнике, Эль всегда делала интимную депиляцию. К счастью, все остальные волоски на ее теле были такими тонкими и светлыми, что их и без этой процедуры не было видно.

Макс расхаживал по гостиной и по телефону раздавал кому-то энергичные указания. Эль поймала буквально пару слов и поняла, что работа нашла его и здесь. Увидев ее, Макс с сожалением пожал плечами и заперся в своей комнате. Эль тем временем быстро завернулась в плед.

— Я люблю свою работу, — сказал он с какой-то вымученной усмешкой, возвратившись спустя десять минут, — но иногда мне кажется, что она хочет от меня слишком многого.

— Если нужно вернуться, то я соберусь за пятнадцать минут.

— Нет, Габриэль, возвращаться точно не нужно. Завтра мне нужно будет несколько часов времени, чтобы провести удаленное совещание, но я думаю, эти часы ты проведешь в местном СПА.

— Ни разу не была в СПА, — выпалила она.

— Вот видишь, как все идеально складывается. — Улыбка на его губах была загадочной. — А потом нас ждет целая куча музеев, две картинные галереи. Хочу пощупать, так ли глубоки твои познания в дорогой магне.

— Ты никогда мне не простишь, да?

— Буду помнить всю жизнь, — не стал успокаивать он, а потом, когда Эль было подумала, что смогла, наконец, взять себя в руки и успокоится, подошел к ней. Осторожно погладил ее по спинке носа, опустил палец ниже и мягко, едва касаясь кожи. Очертил подушечкой большого пальца линию верхней губы. — Ты просто стихийное бедствие, Габриэль Кромби.

— Потому что порчу твою жизнь? — с трудом спросила она.

— Не угадала. — Макс наклонился к ее уху и, касаясь губами кожи, шепнул: — Потому что ломаешь мои защитные барьеры.

И прежде чем она успела подумать, что ответить, ушел в ванну.

Эль еще несколько минут стояла посреди комнаты, снова и снова прислушиваясь к пульсирующим в памяти отголоскам его признания. Она рушит его защиту? О какой защите речь?

Кое-как справившись с дыханием, Эль мелкими шажками дошла до панорамного окна и до упора расшторила его. Ливень хлестал по стеклам, и в стекающих каплях город сверкал всеми цветами радуги, словно диковинная драгоценность. Они жили на пятом, самом высоком этаже, но и отсюда центр Лондона лежал весь на ладони. Если бы не время за полночь, Эль непременно отправилась бы на прогулку прямо сейчас: наслаждаться вновь обретенной свободой, возможностью просто бродить по улицам, любоваться отражениями прославленных английских фонарей в лужах, обязательно постоять в красной телефонной будке и покататься на горбатых желтых такси. Господи, она хотела просто ЖИТЬ! Каждую секунду этой новой жизни, которую Макс подарил ей пусть всего на несколько дней. Взять от этой поездки все, что возможно, чтобы хранить так же сильно, как некоторые хранят фамильные украшения или альбомы с фотографиями.

Еще немного постояв около окна, она осмотрелась в поисках пульта. Плазма на полстены манила насладиться четкостью изображения. Возможно, здесь есть какой-то музыкальный канал? Что-то такое, что будет по душе им обоим.

Пульт нашелся внутри приставной тумбочки. Не сразу, но она разобралась что к чему и перелистнула несколько каналов. Очевидно, в стоимость номера входил и доступ к платным спутниковым каналам, потому что первым же в списке был канал фильмов, где как раз шел какой-то блокбастер с Томом Крузом в главной роли. Следующими шли несколько спортивных каналов, потом канал новостей, потом снова фильмы, сериалы и бизнес-канал с огромным графиком котировок акций.

А потом...

Эль дернулась, словно ее крепко огрели по затылку. Это что... порно?

Мужчина на экране стоял спиной к камере, женщина лежала на спинке дивана на спине с широко раздвинутыми ногами и остервенело поглаживала себя между ног. Слава богу, что звук был приглушен почти до минимума, но мольбы женщины трахнуть ее поскорее, казалось, грохотали на всю гостиницу. Эль уже почти нажала на клавишу переключения каналов, но палец замер над кнопкой, когда мужчина опустил перед своей партнершей на колени. То, как он впился губами ей между ног, отозвалось тяжестью в самом низу живота самой Эль. Она сглотнула и едва ли понимая, что делает, подошла ближе. Камера снимала под таким углом, что лицо мужчины было видно лишь в профиль, но его темные волосы и легкий намек на щетину вокруг острого подбородка делали его слегка похожим на Макса. Каждое движение его языка заставляло партнершу кричать с новой силой. Наверняка, как и всякая актриса, она переигрывала, но сам процесс казался чем-то настолько... развратно-сладким, что у Эль подкосились ноги. Она попятилась, слепо пошарила в поисках опоры.

«Выключи это немедленно, Эль Кромби!» — снова и снова приказывала она себе, но продолжала жадно впитывать каждый кадр.

Тот мужчина на экране: что, если бы это был... Макс? Если бы это она лежала перед ним вот так, доступная и готовая отдаться вся без остатка? От одной этой мысли колени задрожали сильнее, с губ едва не сорвался стон.

Все это было словно один большой катализатор для того, в чем она стеснялась признаться сама себе, но о чем ее собственное тело умоляло буквально с первой встречи: она хотела Макса Ван Дорта. Как не бесстыже это звучит, но желала с самого первого дня их встречи. С того момента, как он не дал ей кубарем свалиться с лестницы, и позже, когда она наслаждалась видом его мускулистых жилистых рук у себя в комнате. Макс Ван Дорт был сосредоточением запретного наслаждения, о котором она не знала и которого не желала, но

теперь нуждалась в нем со всей силой, на которую была способна.

Она попятилась еще дальше, на что-то наткнулась и едва не кувыркнулась назад, но чья-то рука поймала ее и помогла удержать равновесие.

— Ммммакс? — заикаясь, пробормотала Эль.

— Ну, полагаю, кроме нас здесь больше никого нет, — сказал он негромко и проследил за ее взглядом.

Эль едва не превратилась в горстку пепла, попыталась выключить проклятый телевизор, но пульт плясал в трясущихся руках, и кнопка выскальзывала из-под подушечки пальца.

Господи, он что — голый?

Эль медленно скользнула взглядом по его телу: в приглушенном свете торшера кожа Макса поблескивала от влаги, идеально гладкий торс с проработанным прессом и косыми мышцами живота выглядел так соблазнительно, что Эль едва пришлось одернуть руку за спину. Нет, слава богу, все же не голый: вокруг бедер обернуто приличного размера белоснежное полотенце.

— Габриэль, — Макс забрал пульт из ее пальцев, нажал кнопку выключения. — Не нужно так нервничать.

— Я случайно... — продолжала лепетать она, одновременно напоминая себе не забывать дышать. — Просто... Искала музыкальный канал...

Она сглотнула, когда Макс приподнял ее лицо за подбородок, требовательно изучая ее лицо темно-серым взглядом.

Какой же он все-таки красивый с этими влажными, неряшливо спадающими на лоб волосами и гладко выбритым лицом. И как потрясающе от него пахнет: цитрусом и морским бризом, как будто он только-только вернулся с тропических островов.

— Ты дрожишь, Габриэль. Не холодно, как будто. — Он мимолетно улыбнулся. — Извини, что я тут расхаживаю, как Тарзан — терпеть не могу халаты. Чувствую себя в них старым сутенером.

Удерживая ее в плену магнетического притяжения своего обаяния, Макс осторожно погладил ее по уголку локтя, и на этот раз Эль не удалось взять над собой контроль: она громко всхлипнула, едва ли не так же похотливо, как та женщина с экрана.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!..»

Она не знала, чего именно хочет, но ясно, как никогда в жизни, отдавала себе отчет в том, что не хочет разрывать напряжение, которое было таким сильным, что она могла бы намотать его на волшебное веретено из сказки.

«Пожалуйста, не уходи!»

Она встала на цыпочки, потянулась к Максу в бесконтрольном порыве.

Макс перехватил ее руки за запястья, забросил себе на шею. Эль со стоном запустила пальцы ему в волосы, наслаждаясь приятным покалыванием в кончиках пальцев.

— Я хочу поцеловать тебя, Габриэль, — сказал Макс. Не попросил разрешения, лишь озвучил свое намерение.

— Да, да...

Он что-то пробормотал себе под нос, обнял ее за талию и прижал к себе так сильно, что Эль на миг почудилось — теперь они стали одним целым.

Его поцелуй был жадным, собственническим. Он раскрыл ее рот поцелуем, и украл ее дыхание, смел одним толчком всю силу воли и попытки сохранить хоть каплю контроля. Сейчас Макс был ее единственной реальностью для нее, единственной точкой, в которую

неожиданно схлопнулась вся вселенная.

— Эль, ты не обязана делать это, если не хочешь...

Его слова выхватили ее из приятного томления.

— Не хочу? — не поняла она.

— Если не готова или считаешь, будто чем-то мне обязана.

Он смотрел на нее глазами, в которых бушевало желание. Нет, Эль отлично понимала, что вполне может ошибаться, но здесь и сейчас он хотел ее. Какие могут быть сомнения? Он хотел заняться с ней сексом, но почему-то медлил. Его голос сделался хриплым. Кажется, она даже ощущала его учащенное сердцебиение — так сильно Макс прижимал ее к себе.

— Хочу... — прошептала одними губами.

Он улыбнулся и больше ни о чем не спрашивал.

Снова приник к ее губам, снова ворвался в ее рот требовательным жалящим языком. Он не был яростным и наглым, но был требовательным — как мужчина, который пришел взять женщину, принадлежащую ему по праву. Эту мысль Эль осознала лишь краем еще не растворившегося сознания — и она ей понравилась. Да, сегодня она будет той женщиной, которая предназначено лишь для него. Неопытная и все еще с дрожью в коленках, пылающая от смущения и желания, но все равно — его.

Словно пушинку Макс подхватил ее на руки. Эль вскрикнула, обхватила его за шею и неожиданно для себя тихонько хихикнула. Во взгляде Макса появилось удивление.

— Прости. Просто представила древнего мужчину, который тащит свою женщину в пещеру.

Макс игриво зарычал ей в ответ.

— Пещера так себе, конечно. Ни от одного мамонта не защитит. Но эту проблему мы оставим на завтра. А пока мужчина хочется свою женщину. — Последние слова он произнес тише, сглотнул, отчего острый каждый на его шее дернулся.

По телу Эль пробежала дрожь. Удивительно приятная дрожь, от которой кожа стала покалывать везде, где к ней прикасалось его тело.

— Добро пожаловать в мою пещеру... — Макс положил свою голову на кровать так, что ее ноги остались свисать. Сам же встал на колени перед ней.

Эль приподнялась на локтях, заглянула в его лицо. Этот мужчина был безупречен во всем, и желание превратило его в настоящий ходячий соблазн: одно то, как Макс пытался держать себя в руках и прикусывал губу казалось той самой дозой адреналина, которая подстегнула ее сердце снова пуститься вскачь.

Его взгляд скользил по ней — неуверенной, неловко завернутой в плед, но уже предательски мокрой между ног. И Макс знал это. Эль видела, что знает. Наверное, надо что-то сделать, как-то подзадорить его, показать, что она готова на этот шаг. Но как?

— Мне кажется, ты слишком много думаешь, — прошептал он, склонившись к ней и мягко попробовав на вкус ее нижнюю губу. Потом положил руки ей на колени и развел их в стороны. Эль замерла, перестала дышать. Все ее ощущения мигом скользнули вниз живота — там, где он касался ее мягким полотенцем. Дурацким полотенцем, за которым скрывается нечто... она не знала, как назвать его. В голову лезли какие-то пошлые глупости, которые она бы в жизни не произнесла вслух.

— Я...

Макс осторожно прикусил ее за губу, потом мягко лизнул укушенное место. В ответ она, наконец, выдохнула, вместе с воздухом освобождая и требовательный стон. Почему ей не

страшно в ее первый раз? Почему все равно о том, будет ли боль и сколько крови останется на простынях? Все, что имеет значения здесь и сейчас — ее великолепный мужчина, от одного взгляда на которого плавают и с треском перегорают ее эмоциональные предохранители.

— Все хорошо... — Макс чуть толкал ее бедрами, прижимался, рождая в ее теле теплые волны, охватывающие с головы до ног.

Они освобождали голову, выталкивали остатки мыслей и неуверенности. Эль все еще стеснялась, боялась показаться для него глупой или непривлекательной. Но его голос, его уверенность, его... движения — все это накрывало с головой.

— Знаешь, я считаю, что в спальне лишние мысли только мешают... — Его пальцы коснулись внутренней части ее бедер, пробежались, чуть касаясь кожи. Эль вспыхнула, не в силах сдержать стон сквозь сжатые зубы. — Может быть, иногда, мысль-другая и может промелькнуть... — Макс гладил ее бедра, одновременно задирая ноги все выше, пока они не оказались на уровне его плеч. — Но сегодня думаю я, договорились?

Чтобы снять с нее остатки одежды ему потребовалось несколько секунд. Каким-то краешком сознания Эль еще думала о том, что лежит перед ним совсем обнаженная, с широко расставленными ногами, но сейчас это больше не имело никакого значения. Она обнажила душу для своего мужчины, все остальное не имело значения.

— Ты такая красивая, Габриэль.

Она приподнялась и увидела, что взгляд Макса скользит по ее телу и то, каким стало его лицо... Господи, это настоящая пытка, видеть его вот таким: одновременно и горячим, желающим, требовательным — и бесконечно нежным, осторожным, словно он собирался прикоснуться к бабочке и не стереть пальцами ни одну грань рисунка на ее крыльях.

Он сделал какое-то незначительное, совсем легкое движение — подтолкнул ее, одновременно разводя и забрасывая ее ноги себе на плечи. А потом... потом Эль почувствовала такой жар у себя между ног, что вцепилась в покрывало и выгнулась.

Макс медленно, словно пробовал на вкус, поцеловал ее во внутреннюю часть бедра, проложил дорожку выше, до сгиба — и остановился, осторожно поглаживая пальцами припухшие от желания складки. Эль закрыла глаза, обессиленно упала на спину. Противопоставить что-то вибрирующей дрожи во всем теле было нечего. Хотелось одновременно и закрыться руками — и еще шире развести ноги, чтобы он, наконец, услышал ее молчаливую мольбу и сделал это.

Макс осторожно, притрагиваясь языком так, словно боялся причинить боль, лизнул ее, одновременно раздвигая пальцами влажные от желания складки. Эль выгнулась, задержала дыхание, почти уверенная, что следующий вдох разорвет ее легкие словно воздушный шарик. И когда его язык требовательно и, одновременно, легко лизнул ее клитор. Раз, второй раз, дразня и покатывая, словно драгоценную жемчужину.

Боже, он в самом деле целует ее... там? Там, где все горит, все такое развратно мокрое? Как в том порнофильме... нет, Эль уже не могла вспомнить тот момент, развратная сцена замылилась и потускнела.

Его язык, его губы...

Они убивали ее и одновременно возносили куда-то высоко, поднимали в раскаленное пике, где не остается ничего, кроме яростного желания.

Эль чувствовала, как руки Макса скользят по пледу, которым она в каком-то припадке скромности пыталась прикрыться, но теперь чувствовала, что если немедленно не сбросит

ткань, то непременно умрет. Она пыталась помочь, пыталась приподняться. Но каждый раз его поцелуи становились еще плотнее, а язык... он проникал прямо в нее, пронзал и играл где-то внутри... как тут можно делать хоть что-нибудь, кроме постоянных взлетов все выше и выше? У Эль не осталось сил сделать хоть что-нибудь. Только комкать покрывало, метаться из стороны в сторону и кричать. Да, кричать. Или громко стонать. Она понятия не имела и не понимала, откуда в ней рождается это бесстыдство, ни ничего не могла поделать. Сдерживаться — все равно что попытаться заткнуть бьющий из шланга поток воды. На время, быть может, и получится, но потом напор достигнет такой силы, что его уже ничто не остановит.

Максу все же удалось высвободить ее. Плед так и остался лежать под Эль. А руки Макса легли на ее грудь. Его ладони были немного шершавыми, и возбужденные соски отозвались на это касание буквально взрывом.

— Я хочу тебя... — прошептала она с трудом контролируя рвущиеся из горла слова. — Хочу, хочу! Пожалуйста!

Эль бы выкрикивала эти слова снова и снова, но как на зло не хватало дыхания. Теперь из ее рта доносились только невнятные, полные бесстыжего желания всхлипы.

Макс медленно ослаблял попытку. Не ушел сразу, а продолжал целовать еще какое-то время, пока Эль немного успокаивалась. Хотя спокойствием это состояние вряд ли можно было назвать. Она пылала изнутри, тело требовало немедленного продолжения, бунтовало, заставляя кусать губы и постанывать. Эль так раскинулась на кровати, широко расставив ноги — безумное непотребство, если посмотреть со стороны. Она и подумать не могла, что будет вот так лежать перед мужчиной и больше всего в жизни желать, чтобы он уже, наконец, скинул свое проклятое полотенце и сделал то, ради чего природа наградила его членом... членом... она все же произнесла это слово. Пусть и в голове. И небо не упало на землю, и не отсох язык.

— Я сейчас... — произнес Макс и поднялся. — Не шевелись, мисс самые вкусные панкейки, хочу каждую секунду видеть тебя всю.

Эль послушалась. Она больше не стеснялась. Желание превратило ее в кошку, готовую ползать перед котом и упрашивать взять ее.

Макс отошел к письменному столу, что-то достал из ящика, затем вернулся.

Презерватив.

Он все предусмотрел... то есть знал, что все так будет? А разве могло не быть? Она готова была отдаться ему еще там, у него дома, несколько дней назад. Но он не воспользовался ее слабостью, а только приоткрыл дверь в новый для нее мир. Намекнул, что может там скрываться. И намек Эль очень понравился. Понравился на уровне инстинктов. Настолько, что все происходящее теперь казалось самой правильной и естественной вещью на свете.

Полотенце полетело на пол.

Эль не отвела взгляда.

Его член был хорош. Гладкий и блестящий. Правда, вроде немного великоват... для нее. Она ведь такая маленькая.

Макс натянул презерватив и вернулся к кровати. Навис над Эль, поцелуями и легкими толчками подталкивая забраться выше. Теперь она целиком лежала под ним.

Он вошел осторожно, направив член рукой. Смотрел прямо ей в лицо, ловил каждую эмоцию. А вот Эль не могла на него смотреть. Не из-за стеснения — Макс чудесным

образом удалось выгнать из нее эту глупость. Скорее, просто не было сил. Она слушала себя, слушала свое тело, немного напрягаясь каждый раз, когда Макс надавливал еще чуть сильнее, еще глубже проникая в нее. Больно, сейчас должно быть больно — она это знала. Ну и пусть, она потерпит. Та буря, которую Макс будил в ней одним своим присутствием, требовала удовлетворения. Эль больше не хотела терпеть и прятаться. Не хотела убегать от собственных желаний. Она, впервые в жизни так сильно и отчаянно хотела жить.

Да!

Эль неосознанно подалась ему навстречу, тут же сжала зубы. Макс почти вышел из нее замер. В его темных, теперь почти черных глаза осталось одно желание — и тень тревоги.

— Все хорошо, — она обняла его за шею, притянула для поцелуя. — Не останавливайся. Все хорошо.

— Не торопись, — Макс поцеловал ее в кончик носа. — У нас все впереди.

— Ловлю тебя на слове.

— Моя девочка, — Макс осторожно подался вперед, — настоящая журналистка.

— Да-да, — Эль открыла глаза. — Я тебя еще...

Он снова вошел в нее, заставил умолкнуть на полуслове.

И вовсе он не большой — самое то, что надо. Чтобы заполнить ее, чтобы стать одним целым. Чтобы двигаться в ней плотно-плотно — скользкий и горячий, крепкий и жадный... Да, жадный! Эль все же заставила себя открыть глаза, когда Макс ускорил движения, когда его дыхание, до того почти спокойное, вдруг сделалось сбивчивым. И он входил в нее полностью — скрывался в ней, чтобы в следующее мгновение снова вынырнуть.

Неужели все прошло так легко? Неужели она теперь?.. Да, вначале Эль ощущала небольшой дискомфорт, но это даже болью назвать нельзя. Что-то новое, необычное, но уж точно не неприятное. Теплое и обволакивающее, откровенное и развратное, что-то на грани животного. И намекающее на что-то большее, бесконечное, новое. Книголюб.нет

Эль снова подалась навстречу Макс. Тот негромко то ли зашипел, то ли зарычал. Его глаза блестели... нет — они сияли. Сияли желанием. И все его тело, напряженное до состояния камня, буквально кричало о приближающейся кульминации.

Плотнее! Она хочет еще плотнее!

— Опять торопишься? — Макс с трудом улыбнулся. Все его силы ушли на постоянный контроль.

Эль не ответила.

Не осознавая собственных действий, закинула ноги ему на спину и толкнула к себе. В себя. Он вошел, кажется, даже еще глубже. Да, именно так! Она хотела отдаваться ему. Вся, без остатка. Хотела видеть и слышать, как он будет кончать... еще одно «взрослое» слово уже не вызвало удивления. Он должен получить удовольствие! А она поможет ему в этом. Сделает все, на что сейчас способна.

Выше, к нему навстречу.

Быстрее и резче.

Даже если у него были другие планы.

Эль не хотела, чтобы он по-прежнему контролировал себя. Не с ней. Не в постели.

И Макс уступил. Сдался. Заработал так, словно хотел проткнуть ее насквозь. А потом Эль почувствовала, как его член увеличился еще сильнее. Или эй это только показалось? Но оргазм Макса передался и ей. Прокатился по телу приятной волной — не той, которая заставила ее кричать в гостиной его дома. Но волной морального удовлетворения.

Осознанием собственной женственности. Пусть пока еще только начинающей просыпаться.

— Ты непослушная девчонка, — прошептал Макс, обессиленно опускаясь на нее, но продолжая удерживать вес собственного тела на локтях.

— А ты думал, затащил в постель покорного одуванчика? — Эль осторожно, с неожиданной для себя игривостью, прикусила его за ухо.

— Признаюсь, именно так и думал. Как-то и в голову не приходило, что одуванчики тоже умеют кусаться.

Эль по-прежнему удерживала его ногами и руками, прижимала к себе. Так не хотелось терять это ощущение целого. Не хотела разрывать их связь.

— Извини, что сделал тебе больно.

— Ни капельки не больно. — Она, наконец, сделала то, что давно хотела — потянулась к нему ласково потерлась щекой о его щеку.

— Ты — чудо, — с улыбкой проговорил Макс, отвечая на ее ласку. — Непослушное чудо. Надо бы тебя наказать за непослушание.

Он деланно нахмурился.

— Очень страшно, — доверительно сообщила Эль и поерзала под ним. — Когда приступишь к наказанию?

— Прямо сейчас.

Она только и успела вскрикнуть, как оказалась сперва у него на руках, а потом — в душе, прижатая лицом к стене, с рукой Макса у себя между ног. Сверху брызнула теплая вода.

Возбуждение, которое ее так и не оставило, мгновенно ожило. Пальцы Макса вновь заставили ее кричать. Где-то на краю ускользающего сознания вроде бы мелькнула мысль — не услышат ли их соседи, не позвонят ли с жалобой? Но мысль исчезла, даже не успев оформиться. Макс прижимался к ней сзади, нанизывал на пальцы и еще теснее толкал к себе.

Когда удовольствие захлестнуло с головой, а тело взорвалось на тысячи мельчайших осколков, Эль оказалась не в силах просто устоять на ногах. Она билась в объятиях своего мучителя, способная разве что кричать. Выпусти он ее — и опала бы к его ногам. Но Макс не выпустил. Вытянул из нее все силы до последней капли, заставил попросить о пощаде, а потом еще долго прижимал к себе, пока она, — девчонка, открывшая в себе женщину — приходила в себя.

Уснули они вместе, в ее кровати.

Сегодня Макс поднялся рано. Не то чтобы он планировал этот подъем, скорее, поддался неожиданному порыву. Неожиданному, прежде всего, для самого себя. Он и раньше не спал допоздна — привычка, выработанная годами — но сегодня подниматься ни свет ни заря казалось ему настоящим преступлением. Габриэль спала рядом, практически нос к носу с ним, расслабленная и спокойная, улыбающаяся каким-то своим сном. Одуванчик и есть. Все же хорошо, что по крайней мере сегодня ей не снятся отголоски недалекого мерзкого прошлого. Хотелось верить, что в этой улыбке есть и его, Макса, заслуга.

Макс потихоньку убрал упавший ей на глаза локон, хотел было обнять, но передумал — побоялся разбудить. Не то что бы у них вышла такая уж бессонная ночь, но все-таки: перелет, первый секс...

Макс не любил врать и тем более не любил врать себе. Он затевал поездку, чтобы отвлечь свой Одуванчик, сменить обстановку, дать ей почувствовать, что мир не

заканчивается на одной ублюдочном подонке. Знал ли, что у них будет секс? Голову бы не положил, но был уверен. Химия между ними была настолько явной, что взаимное притяжение ощущалось практически с первого дня. Кроме того, несколько вспышек этой «химической реакции» давали понять, что продолжение может быть куда более приятным. Макс не собирался торопить события и уж тем более настаивать или принуждать, но и скромно сидеть в стороне тоже не входило в его планы. Одуванчика тянуло к нему: возможно она по неопытности не осознавала этого, но уж с его опытом понять безмолвные сигналы не составило труда. Тем более, что его собственное тело отвечало на безмолвные призывы Габриэль с таким же рвением. Хорошо, что в итоге все получилось само собой. Вот тебе и «вред» фильмов для взрослых.

Он осторожно выполз из-под одеяла, сходил в ванную, вернулся. Габриэль все еще спала. Поначалу Макс подумал заказать в номер какой-то необычный праздничный завтрак или огромный букет цветов, но вовремя остановился: нет, все не то. Без завтрака в постель и цветов он Одуванчика не оставит в любом случае, но хотелось чего-то более... особенного. Возможно, даже большего не для нее, а для себя.

Решение пришло мгновенно. В голове как переключатель сработал. Макс оделся за пару минут, еще раз убедился, что Габриэль не собирается просыпаться. На всякий случай написал записку, что собирается ненадолго отлучился по срочному делу и строго-настрого запретил ей покидать постель до его возвращения. Хорошо бы, конечно, чтобы она не проснулась до его возвращения, но на всякий случай лучше перестраховаться. Убедившись, что записка лежит на самом видном месте, и Габриэль никак не сможет ее не заметить, Макс вышел из номера.

Внизу у него состоялся короткий убедительный разговор на ресепшине. Молодой человек внимательно его выслушал и обещал сделать все возможное, чтобы к приезду на место назначения Макса уже ожидали. Благо, просьба последнего была подкреплена посулом весьма неплохих чаевых. Удостоверившись, что его правильно поняли, Макс вышел наружу.

Совсем не по-летнему прохладное и серое лондонское утро пощекотало кожу. То, что нужно, чтобы прийти в себя и окончательно проснуться. Хотя... Перед внутренним взором всплыл образ мирно спящей Габриэль, пальцы почти физически вспомнили прикосновение к ее теплой коже. Соблазн плюнуть на все, вернуться в их номер и устроить ей сладкое пробуждение был так велик, что пришлось силой заталкивать себя во взятый на прокат «Астон-Мартин». Габриэль была первой невинной девушкой, которая оказалась в его постели, но и Макс не жил в каменном веке, знал, что после случившегося ей как минимум потребуется несколько дней, прежде чем они снова смогут...

«Не думать об этом, не думать об этом и поскорее завести мотор».

Вот же сюрприз: обычно после секса с новой подругой, максимум, чего ему хотелось утром: душ, одеться и уйти. Если секс был хорош, оставить предварительно записку с номером телефона. Но с Одуванчиком было все настолько иначе, что эта необычность рвала в клочья все прежние устоявшиеся привычки.

Доехал он быстро: несмотря на рано проснувшуюся столичную жизнь Туманного альбиона, дороги были еще разгружены от транспорта.

Наверное, в солнечных лучах или в вечерней подсветке этот магазин выглядел куда эффектнее. Но и сейчас, в оживающем утреннем тумане, он производил впечатление места дорогого, но строгого.

Вывеска над большими стеклянными дверьми гласила «Tiffany & Co».

Его и правда ждали. Стоило приблизиться к дверям, как по ту сторону показалась миловидная девушка. Широкой улыбкой поприветствовала непривычно раннего гостя.

— Спасибо, что открылись раньше времени, — поблагодарил Макс.

— Не стоит благодарности. Вы уже определились с покупкой?

— Честно говоря, без понятия. Это должно быть что-то особенное. Ну, знаете, из разряда: увидел и понял, что оно самое».

— О, не беспокойтесь, у нас широкий выбор и представлены почти все эксклюзивные коллекции. Прошу, идите за мной.

Муки и терзания выбора — они так непросты.

За последние годы Макс ни разу самостоятельно не покупал подарки своим женщинам. Всегда поручал это дело секретарю. Та не ошибалась и, основываясь всего лишь на его туманных пояснениях относительно очередной пассии, умудрялась выбрать подарок в самую точку. Но сегодня Макс захотел сделать это сам. И не потому, что секретаря не было рядом. Просто в отношениях с Эль он... ожил, что ли. По крайней мере, так сейчас казалось. А потому поручить выбор подарка стороннему человеку казалось делом совершенно неправильным. И плевать, что магазин должен был открыться только через сорок минут. Хороший повод воспользоваться финансовыми возможностями, чтобы открыть закрытые для других двери и без суеты подобрать тот самый подарок.

От обилия всевозможных украшений разбегались глаза. Девушка-консультант подносила все новые и новые изделия, нахваливая их, поворачивая на свету так и эдак, чтобы драгоценные камни играли особенно выигрышно. Кольца, браслеты, серьги, цепочки. Все казалось безукоризненно красивым — и неподходящим.

— Возможно, девушка уже носит какие-то украшения? — рискнула спросить консультант чуть позже, когда Макс, так ничего и не выбрав, завернул очередной бархатный поднос с кольцами.

— Не носит. — Он покопался в памяти: точно, Габриэль не носила украшений. Только крохотные серьги-пусеты, которые он и разглядел-то не сразу.

— Может быть, вы подскажите, какая она? Веселая, деловая, модница?

— Скорее уж романтический одуванчик. — Макс определенно нравилось называть ее так.

— Оу, — девушка приободрилась, — кажется, я знаю, что может быть ей по душе.

Консультант поманила его в сторону витрины, которая располагалась чуть поодаль. Здесь, на темно-синих бархатных подушках лежали подвески-ключи. Больше и маленькие, золотые и из платины, классические строгие и с романтическими завитками. Внимание Макса привлек тот, что лежал особняком: классика в сочетании с небольшими завитками, изящное и безупречное украшение, массивное и в то же время идеальное в своей элегантной простоте. На длинной цепочке этот ключик наверняка будет потрясаяюще смотреться на Одуванчике. Последней каплей в пользу правильного выбора стали хлынувшие неудержимым потоком образы обнаженной Габриэль, «одетой» в одну лишь подвеску.

Макс даже не стал дослушивать нахваливания консультанта о качестве платины и каком-то огромном количестве бриллиантов самого высшего качества. Габриэль должно понравиться. То есть, ему хотелось верить, что она увидит в подарке всего лишь его попытку увидеть еще одну грань ее улыбки. Все-таки, с ней все было настолько по-другому, что он начинал любить эту постоянную ломку устоявшихся взглядов на отношения.

Интересно, проснулась ли Габриэль?

Максу не хотелось думать о том, что, открыв глаза, она обнаружит, что осталась совсем одна в постели. Одуванчик казалась более, чем благоразумной девушкой, не склонной себя накручивать, но мало ли что она подумает. Все же правильнее было бы дождаться ее пробуждения. Вот только Макс не сомневался, что она бы чувствовал себя неловко, прояви он инициативу вместе выбрать ей какой-то подарок на память обо ... всем.

По пути в гостиницу он остановился перед цветочным магазином. Прошел мимо роз, тюльпанов, лилий и целой вереницы странных сладко пахнущих экзотических цветов. Немного подумав, пришел к выводу, что Габриэль явно не одобрит дарения срезанных цветов. Кажется. В ее досье, которое собрал Ник, было что-то о том, что Габриэль работала волонтером в приюте для бездомных животных. Конечно, этот не означало, что она рьяная сторонница защиты природы, но мысль в его голове созрела и окрепла. Поэтому, вместо срезанных красавцев на подбор, он остановил выбор на растущей в массивной стеклянной колбе орхидее. Продавщица тут же провела ликбез, раза три подчеркнув, что растение не нуждается в земле и охотно цветет несколько раз в год, кроме того эффектно смотрится в интерьере. Макса же больше заинтересовал необычный солнечно-желтый оттенок лепестков цветков, усеянный, словно брызгами, карамельными крапинками. Растение выглядело хрупко и, вместе с тем, казалось достаточно крепким, чтобы пережить встряску. Совсем, как Габриэль.

Уже в гостинице он задержался в холле, чтобы сделать заказ в номер: творожные блинчики, шоколадный сливочный крем, тосты и знаменитый английский омлет.

К счастью, Габриэль еще спала. А к несчастью, он не слишком удачно прикрыл дверь и стук заставил девушку открыть глаза.

Он так и остановился в пороге. Где-то в голове мелькнула мысль, что с вандой в колбе[1] на фоне двери он наверняка выглядит если не полным идиотом, то близко к этому образу. Но Макс ничего не мог с собой поделать: Габриэль была такой милой, сонно хлопая глазами и пытаясь придержать одеяло чуть не у самого носа.

— Доброе утро, Одуванчик. — Он чуть ли не торжественно водрузил цветок на прикроватную тумбочку, сел на край кровати. Жутко хотелось ее поцеловать и, одновременно, продолжать впитывать ее сонную растерянность.

— Одуванчик? — Широко распахнутыми глазами Габриэль смотрела на экзотическую жительницу колбы. — Не очень похоже на одуванчик.

Макс чуть не подался импульсу взять ее прямо сейчас, но сдержался.

— Одуванчик — это ты, — сказал он, наклонился и, делано рыча, щелкнул зубами около ее носа. — Очень соблазнительно сонный Одуванчик.

Габриэль порозовела до кончиков ушей и еще выше потянула одеяло. Ладно, сейчас пусть стесняется, главное, что когда дело доходило до более смелых ласк, она, кажется, напрочь забывала обо всем на свете. А он забывался вместе с ней.

— Цветок... мне? — потихоньку уточнила она.

— Тебе. Он похож на тебя.

— Я тоже выгляжу, как цветущий осьминог?

Макс не смог сдержать смех, а она, воспользовавшись моментом, потянулась к нему, прижалась лбом к плечу, с шумом втянула запах.

— Ты пахнешь дождем. — Макс едва слышал ее тихий голос. — Не нужно было. Мне не нужны свидетельства того, что вчера тебе было... хорошо. И я как будто ничего не

испортила.

— Эй, Одуванчик. — Потребовалось усилие, чтобы отодвинуть ее от себя и не сойти с ума, разглядывая целую галактику в ее зеленых глазах. — Я сделал это не для того, чтобы выразить что-то. Просто захотел — и подумал, что ты обрадуешься. Кроме того, — Макс вскинул палец, — есть еще кое-что.

Она немного помолчала, словно собиралась с силами для получения еще одного подарка, потом кивнула: решительно, как идущий на войну солдат. Какая же она все-таки необычная.

Когда Макс достал футляр, Габриэль подняла взгляд.

— Откроешь? Он не кусается, — заговорщицки сообщил он. Ничего не мог с собой поделать: дразнить ее, чтобы наблюдать новые и новые оттенки эмоций было слишком большим искушением. — Могу точно сказать, что там нет никаких экзотических насекомых.

Эль все-таки удалось улыбнуться, но она выглядела слишком растерянной. Вроде и тянулась к футляру, но в конце концов, замотала головой, всем видом давая понять, что лучше передаст эту миссию ему. Макс не стал тянуть.

Наверное, смесь удивления, восторга, ужаса и непонимания на ее лице могла бы означать, что подарок Габриэль понравился. Обычно, девушки принимали украшения с визгом, сексуальным мурлыканьем, сдержанным видом а-ля «Конечно, дорогой, ты мне должен, так что никаких благодарностей». То есть, среди его подружек точно не было тех, для кого бриллианты что-то из ряда вон выходящее. У Габриэль вообще не было украшений, и вряд ли ее часто баловали подарками.

«Нужно обязательно исправить это недоразумение».

— Это... мне? — было первым, что она спросила после продолжительной паузы.

— Ага. — Макс достал подвеску, расстегнул — и застегнул цепочку на шее Габриэль, отодвинулся, чтобы насладиться общим видом. — По-моему, тебе идет, Одуванчик. Пойдем, соня.

Полностью растерянная и ошарашенная, Габриэль приняла его руку. Чтобы не смущать ее еще больше, Макс даже отвернулся, когда она заворачивалась в одеяло. Потом подтолкнул к ростовому зеркалу, а сам встал у Габриэль за спиной.

Она некоторое время просто смотрела на свое отражение, потом, наконец, осмелела настолько, чтобы прикоснуться к подвеске. И потихоньку улыбнулась, как будто до этого момента не верила, что украшение реально.

— Мне никто не делал подарков, — сказала едва слышно.

— Непростительное упущение, я считаю.

— Прости... Кажется, я с трудом держусь за реальность. Боюсь рот лишний раз открыть, если честно.

— Почему? — На самом деле Макс догадывался о причине такой молчаливости.

— Потому что все равно не смогу сказать то, что сейчас чувствую. — На ее лице появилось выражение глубокого раскаяния.

— Одуванчик, достаточно того, что я и так уже вижу. — Макс не удержался и уткнулся носом ей в макушку. — Далеко не всегда нужны слова.

Она порывисто обернулась, обхватила его руками за талию — и расплакалась. Тихо, беззвучно, если бы не мелко дрожащие плечи то и не догадаться. Макс собирался успокоить ее, найти те самые слова, чтобы навсегда вытравить слезы из ее глаз, но в горле отчего-то встал ком. Поэтому, вместо всех слов мира, он просто обнял ее в ответ, впервые за многие

годы наслаждаясь взаимным молчанием.

[1] Имеется в виду орхидея Ванда

Их странную идиллию прервал осторожный стук в дверь.

— Кажется, наш завтрак прибыл, — сказал Макс.

— А я даже не умылась, — шмыгнула носом Эль.

— У тебя есть минут десять, чтобы сделать это.

— А если не успею?

— Тогда я съем все самое вкусное.

— Какой жестокий! — Габриэль показала ему язык.

Стук повторился.

— Секунду! — в сторону двери повысил голос Макс. Затем снова посмотрел на Одуванчика. — Успеешь?

— Ты же не думаешь, что я позволю тебе одному съесть всю вкуснятину.

— Именно так я и подумал. Совсем ненадолго.

Он выпустил ее из объятий.

Габриэль решительно подтянула одеяло выше и направилась в ванную. Макс проводил ее задумчивым взглядом.

«Интересно, она помнит, что после умывания ей не во что будет переодеться? Хотя... халаты, там есть халаты». Большие и пушистые. В таком Одуванчик плавно превратится в сонного взлохмаченного медвежонка. Эта мысль вызвала улыбку, что говорится, от уха до уха.

Макс принял заказ, но стол для завтрака сервировал сам — ни к чему Габриэль видеть постороннего человека в номере. Почему-то казалось, что это может смутить ее еще больше.

Она действительно почти успела, задержалась на каких-нибудь пару минут. И действительно нарядилась в большой пушистый халат.

— Там еще осталось что-нибудь вкусное? — спросила, втягивая носом воздух.

— Самая малость. Но тебе хватит.

— Я очень голодная, — предупредила Габриэль.

Макс пододвинул ей стул с высокой спинкой, помог сесть.

— Надеюсь, ты хорошо выспалась, а то вздремнуть днем не получится. Как смотришь на то, чтобы начать знакомство с Лондоном прямо с Букингемского дворца?

— А это ведь там стоят караульные в таких смешных шапках... — Эль, удерживая в пальцах творожный блинчик, показала над головой подобие высокой трубы.

— Именно, — кивнул Макс. — И каждый день, в одиннадцать тридцать, насколько мне известно происходит смена караула. Только чур не строить им смешные рожицы.

— И даже не щекотать?

Макс поморщился.

— Щекотать, думаю, можно. Но никаких рожиц. Мы же не варвары.

— Не обещаю, что сдержусь, но буду стараться изо всех сил.

— Договорились. Я знал, что ты умная девочка.

Некоторое время они ели молча.

— Не очень умная, если честно... — вдруг сказала Эль.

Макс поднял на нее взгляд.

— Что-то случилось?

— Нет... — она смотрела на него со странным выражением не то смущения, не то непонимания. — Но...

— Спокойно. Все хорошо. Я здесь. Ни о чем не беспокойся.

Она улыбнулась, и ее лицо снова залил румянец. Как недавно, когда он назвал ее Одуванчиком.

Макс поднялся, обогнул столик и опустился перед ней на одно колено. Коснулся ладонью щеки. Эль зажмурилась, прильнула к нему.

— Не пугай меня, — забеспокоился он.

— Я глупая, — снова улыбнулась Эль. — И, наверное, немного не дружу с головой. Знаю, что неправильно такое говорить... но с некоторых пор не хочу ничего скрывать и оставлять на потом. Знаешь, как будто всю жизнь до этого я просто стояла за порогом жизни, и только сейчас начинаю пробовать ее на вкус. И хочется попробовать сразу так много! И не бояться закрывать глаза, и вообще.

Макс продолжал смотреть на нее, терпеливо дожидаясь развязки признания. Ее голос становился все тише, глаза больше не искали его взгляд.

— И то, что происходит между нами. Оно... только наше. Как будто и нет больше никого. И я не хочу останавливаться, не хочу думать, что если попробую слишком много, то потом уже не смогу начинать заново. Мне все равно. — Габриэль мотнула головой. — Я хочу тебя... — проговорила уже совсем шепотом. — Но я не знаю, должна ли давать понять...

Макс притянул ее к себе, крепко обнял, только теперь осознав, с каким облегчением услышал эти слова. Она все еще боится собственных желаний — самых обычных и естественных, но уже не хочет идти против них.

— Ты зря думаешь, что я не хочу тебя, — проговорил ей на ухо. — Знаешь, с утра мне было очень непросто оставить тебя в постели одну. Такую сонную и нежную. И потом, когда разбудил... Огромный соблазн выудить тебя из одеяла и заставить снова умолять о пощаде. Ты делаешь это так громко и искренне, что ни о какой пощаде можешь даже не мечтать. Так и знай.

— Но если хотел, почему не выудил? Я думала, может, тебе не понравилось. Прости, я не...

Он закрыл ее рот поцелуем.

— Не хотел сделать тебе больно. Наверное, если мы подождем несколько дней, то ты успеешь достаточно восстановиться. — «Боже, дай мне силы пережить эти дни и не наброситься на нее, как варвар».

— У меня ничего не болит, — упрямо и очень ответственно заявила она. — И больно почти не было.

— Мисс Кромби, признавайтесь, чем вы занимались вчера вечером?

— Я занималась сексом с самым замечательным мужчиной на свете.

— Похоже, на деле он оказался не таким уж и замечательным. Схалтурил негодяй.

— А вы, мистер Ван Дорт, считаете, что справились бы лучше?

— Определенно. После моих объятий вы бы, мисс, простите за прямоту, с трудом смогли бы сидеть.

— Какое неприкрытое хвастовство.

— Ах так...

Он подхватил ее со стула, поднял на руки и закрутился на месте. Одуванчик запищала, попыталась ухватиться руками за воздух.

— Будешь еще сомневаться во мне?! — спросил нарочито грозно, когда снова прижал ее к себе.

— Никогда, добрый мистер, — пискнула та. Но ее глаза говорили, что хозяйка бессовестно лукавит.

— Так что, смотреть на караульных в смешных шапках или проверять, что мы не доделали вчера вечером?

— Ты же сказал, что смена караула каждый день? — Она потянулась к вороту его рубашки.

— В точности так — можно и завтра посмотреть.

Не дожидаясь ее следующей фразы, Макс просто понес ее в спальню. Было во всем этом что-то такое до боли естественное, как будто и он, вместе с Габриэль, все это время только разминался перед генеральной репетицией.

— Я хочу видеть тебя, — смущенно, но уверенно потребовала Габриэль.

— А сейчас я невидимка?

— Хочу видеть, как ты будешь раздеваться.

— О, мисс заказала в номер стриптиз?

— Да! — Она закусилла нижнюю губу и с выжиданием посмотрела на него. — Но можно без музыки и лишних движений.

— И никто не сгорит от стыда? — Макс посадил ее на край кровати. Эль тут же взобралась на нее с ногами, став похожей на нахохлившегося мышонка — очень любопытного мышонка.

— Не сгорит.

И она действительно не пропустила ни единого его движения. Следила пристально, жадно, как будто хотела одним только взглядом впитать каждую черту его тела. И это было чертовски приятно. Так как по мере того, как одежды на нем становилось меньше, Габриэль все больше закусывала губу, все больше ерзала на месте.

— Снимай их скорее, — сказала, когда на нем остались одни трусы. — Я обещала, что не сгорю от стыда, но, очень может случиться, лопну от нетерпения.

Последний элемент одежды полетел на пол. Макс уже давно находился в полной боевой готовности. Возбужденный член был напряжен.

Эль не спрятала взгляд, не отвернулась. Так и сидела, точно зачарованная. Похоже, она и думать забыла о каком-либо смущении, иногда присущем куда более опытным и зрелым девицам.

Макс шагнул к ней, хотел было присесть рядом, но Габриэль положила руку ему на грудь, настойчиво толкнула, опрокидывая на спину.

— Сейчас я хочу сама.

Он не совсем понял, чего именно она хочет, но возражать не стал — вытянулся на кровати.

Одуванчик перекинула через него ногу, расположилась сверху, балансируя над членом на коленях. Его головка едва касалась ее влажной промежности.

Она оперлась руками о его грудь и уже было начала садиться, когда он остановил ее.

— В кармане штанов презерватив.

На лице Эль отразилось разочарование, но девушка быстро соскользнула на пол, через секунду вернулась с заветным «квадратиком». Макс разорвал упаковку, раскатал презерватив по члену. Без слов, одним взглядом пригласил Эль занять утерянную позицию. Та не стала

медлить.

— Мне это очень мешает, — Макс дернул за пояс халата.

Одуванчик улыбнулась, распахнула его, повела плечами, освобождаясь от одежды.

Некоторое время она еще продолжала балансировать на коленях, точно в предвкушении, а потом, чуть придержав его член рукой, расслабилась и медленно села на него. Глубоко вздохнула и закрыла глаза, снова закусил губу и чуть слышно застонала.

— Я чувствую тебя, — проговорила так, будто сообщала большую тайну.

— Я тебя тоже чувствую. И очень хорошо.

Она двигалась медленно. То почти полностью поднимаясь над ним, то глубоко насаживаясь, а то двигаясь в совсем небольшом диапазоне, но тогда все же ускоряла движение. Эль привыкала и изучала. Себя. Его.

А Макс только немного помогал. Поддразнивал ее руками, лаская везде, где мог дотянуться. В особенности грудь — возбужденную и упругую, с твердыми сосками, при касании которых Эль буквально разрядом тока пробивало. Подавался ей навстречу или отвечал неожиданными резкими толчками, от которых Габриэль вскрикивала и задыхалась. Сейчас он наслаждался ею. Наслаждался тем, как она выглядела, с какой искренностью отдавалась ему, как познавала себя и как сногшибательно остро реагировала на его ласки.

И все же, эта нежность была не долгой. То, что начиналось изучением на неторопливых волнах приятной неги, вдруг взорвалось неожиданной страстью. Уж для Макса точно неожиданной. В какой-то момент движения Габриэль стали быстрее. Сначала она сильнее облокотилась на его грудь руками, а затем и вовсе упала на него, обняла. Она вроде бы что-то говорила, но очень неразборчиво, отрывисто и на выдохе. Впрочем, разговоры сейчас были бы совсем не к месту. Макс обхватил ее за ягодицы и буквально насадил на себя. Эль вскрикнула и только сильнее вцепилась в него. Двигалась она. Двигался он. Навстречу друг другу. Со все возрастающей страстью и жадностью.

Максу пришлось изрядно постараться, чтобы не кончить раньше времени. Обнаженная Эль, мокрая и стонущая на нем, буквально взрывала мозг, не давая хоть немного отвлечься, передохнуть. Она требовала продолжать — не словом, ни взглядом. Одним своим видом, своими возбуждением и желанием.

А потому, когда она, наконец, закричала в голос, он смог дать волю эмоциям.

Наверное, в итоге они кончили вместе.

Габриэль даже уткнулась носом в подушку, чтобы кричать не так громко, хотя Макс предпочел бы слышать каждое мгновение ее оргазма.

Потом она долго лежала на нем, ни в какую не желая слезать. Лежала молча, прижавшись всем телом, доверчивая маленькая и определенно страстная женщина.

Его маленькая женщина.

— Тебе точно не холодно?

Макс с сомнением несколько раз осмотрел ее с ног до головы.

Они выбрались из номера, но уже за полдень и как раз в разгар дождя. Лило как из ведра, но Эль наотрез отказалась от поездки на автомобиле. Хотелось просто погулять, вдвоем, даже если за это удовольствие придется расплатиться мокрыми ногами.

— Я не замерзну, — неуверенно ответила Эль, поглядывая на свои классические черные туфли на приземистом каблуке. Хорошо, что она выбрала простые темно-синие джинсы, которые идеально подходили к классическому полупальто. Так что, если не считать туфель, она была вполне готова к пешей прогулке.

— Меня очень смущает твоя обувь, — сказал Макс. — Так что первым делом...

Эль не дала ему закончить, взяла за руку. Сейчас этот жест был таким естественным и, вместе с тем, таким интимно-нежным, что в груди защемило от внезапного желания прижаться к Максиму изо всех сил. Просто чтобы точно знать, что происходящее — реальность, а не затянувшийся сон.

Он был таки непривычным, когда сменил строгий костюм на светлый «гольф», потертые джинсы и темно-синее короткое пальто. Уже не солидный представительный молодой бизнесмен, а взъерошенный стилиста со смеющимися серыми глазами. И Эль было все еще не по себе от такой разительной перемены. Этот Макс почему-то смущал ее еще больше, чем тот, другой.

Видя ее нерешительность, Макс крепче сжал ее пальцы и вывел из гостиницы.

У них был один на двоих огромный клетчатый зонт, теплое настроение и желание взять от этих дней все.

У них осталось всего два дня, чтобы насладиться красотой столицы Туманного Альбиона, но они, не сговариваясь, решили не торопиться. Просто нашли по навигатору в телефоне Макса ближайший музей и направились туда. Несколько часов бродили между историческими экспонатами, время от времени останавливаясь, чтобы подслушать гида, который водил шумную группу японских туристов.

Потом сообща решили сходить в кино на какой-то фантастический блокбастер про инопланетян, где от души наелись карамельного попкорна.

Все было идеально. Простой выходной, какой могла бы провести любая другая пара, которая вместе от нескольких дней до десятка лет. Они понимали друг друга без слов, смеялись над одними и теми же шутками, любили одни и те же вещи.

— А теперь — в ресторан, — скомандовал Макс, когда стрелки на часах перевалили за восемь вечера. — И я не принимаю никаких возражений.

— Мне кажется, я неподходяще одета для ресторана, — попыталась возразить Эль, но Макс мягко притянул ее к себе, просунул руку под пальто и погладил по бедру. Простая ласка, от которой ей резко расхотелось говорить.

— А мне кажется, что если ты и дальше будешь так соблазнительно смущаться и краснеть, я окончательно слечу с катушек и превращусь в неандертальца, который потащит свою женщину в пещеру с самыми недвусмысленными намерениями. А мне хочется сохранить лицо и показать своему Одуванчику, что я не прыщавый подросток и могу держать себя в руках. Хоть и с трудом, если честно.

Было что-то потрясающе родной в том, как прозвучало это его «мой Одуванчик». И, конечно же, об эту простую нежность разбились и ее смущение, и желание сопротивляться. В ресторан — так в ресторан. Они будут вместе, а остальное не имеет никакого значения.

Макс выбрал небольшое, но уютное место под названием «Лунная долина», правда, добираться до него пришлось на автобусе, а оттуда идти пешком еще два квартала. Макс потихоньку, на ухо, поглаживая Эль по коленке, рассказал, что впервые за чертову кучу лет пользуется общественным транспортом. И кажется, он был слегка взбудоражен этим событием.

В ресторане Эль в который раз убедилась, что деньги и возможности творят чудеса. Особенно золотой «пластик», приправленным волшебной фразой «хорошие чаевые». Им нашли столик в глубине зала, принесли карту вин и меню, а для атмосферы подожгли свечу в желтой пузатой колбе.

— Я впервые в ресторане, — шепотом призналась Эль, надеясь, что ее откровение не стало достоянием сидящей неподалеку пожилой пары.

— И как впечатления? — Макс с интересом наблюдал за тем, как она опасливо поглядывает на меню.

— В музее было спокойнее. — Она все-таки открыла меню, скользнула взглядом по предложенному списку блюд. — Может быть...

Она не успела закончить, потому что в их уютное одиночество вторгся женский голос.

— Максимилиан? Надо же, где бы мы еще встретились.

Эль вскинула головы — и в груди дрогнула зарождающаяся тревога.

Тина. Его бывшая жена. Та, которая даже без сознания выглядела сошедшей с Олимпа богиней. А сейчас, в безупречно подогнанном по фигуре платье модного цвета «марсала», идеальной прической и макияжем она походила на модель, которая только что вырвалась из плена обложки «VOGUE».

— В самом деле, — сказал Макс, поднимаясь. Он позволил Тине чмокнуть себя в щеку, отстранился, когда она попыталась придержать его за руку. — Полагаю, не мне спрашивать, что ты здесь делаешь?

Тина оглянулась, когда к их разговору присоединился третий участник: парень лет двадцати пяти, или даже младше. Он выглядел как человек, который утром одел первое, что попало под руку: брюки, кеды, какой-то мешковатый свитер с животным орнаментом. На шее — массивные наушники. Рыжие волосы торчат во все стороны, как будто их в шутку намазали клеем. То, что спутник был гораздо младше Тины сразу бросалось в глаза.

— Макс, это — Джером Локвуд, самый талантливый художник современности по эту сторону Темзы. Джером, это — Максимилиан Ван Дорт, мой бывший муж, акула бизнеса и номер восемь в первой десятке завидных холостяков по версии «Форбс».

— По версии «Форбс» прошлого года, — уточнил Макс и пожал протянутую художником. Потом с улыбкой посмотрел на Эль: — Моя спутница, начинающая писательница, Габриэль Кромби.

Эль приподнялась, стараясь не думать об изучающем взгляде Тины. Интересно, она узнала ее? Они виделись каких-нибудь несколько секунд, но все же...

— Полагаю, та сама Габриэль, которой я обязана сказать спасибо за помощь, — сказала Тина, тем самым обозначая — она все помнит. — Рада, что мне выпала такая возможность, хоть, признаться, не ожидала, что это случится так скоро и в такой обстановке.

— Нет необходимости меня благодарить.

— Врач, который обхаживал меня следующие несколько дней, по меньшей мере раз в час напоминал, что если бы не своевременное вмешательство, меня могло бы парализовать. Поэтому, благодарить есть за что.

— Она очень упрямая, — подал голос Джером. Его присутствие немного взбодрило Эль: по крайней мере она не одна одета совершенно неподобающе для такого места. — если уж что-то задумала, то все.

— Ты говоришь это человеку, который прожил со мной в браке целых три года, — зачем-то сказала Тина, хоть всем было понятно, что фраза художника адресовалась совсем не Максу. — Надеюсь, вы нас не прогоните? Нет ни одного пустого столика, а тут — ты, — Тина все-таки улучила возможность тронуть Макса за руку, хоть сделала это мимолетно. — И потом — раз уж ты в Лондоне, и сама судьба устроила эту встречу, то почему бы не воспользоваться случаем?

Макс вопросительно посмотрел на Эль, давая понять, что ждет ее одобрения ли отказа.

Эль сглотнула. Это происходит на самом деле? Стоило им куда-то выбраться вдвоем, как на них свалилась длинноногая, красивая и горячая часть его прошлого. С которой они совсем недавно провели ночь.

Тина, чуть склонив голову на бок, терпеливо ждала «приговор».

— Да, конечно, раз уж произошло такое чудесное стечение обстоятельств. — Эль натянуто улыбнулась.

На миг ей показалось, что Макс не одобрил ее согласие.

Ну и как теперь пережить этот «замечательный» ужин?

— Поделишься, каким ветром тебя занесло так далеко от Нью-Йорка? — Тина молчаливым делом раскрыла меню, но продолжала изучать Макса заинтересованным взглядом. — Мог бы и позвонить, что будешь в этих краях. Ты же знаешь, что я знаю изнанку Лондона как никто другой.

— У меня были другие планы, — лаконично отозвался Макс.

— Вижу, что эти планы прочно укоренились в твой жизни.

Эль прекрасно поняла намек, хоть Тина даже не глянула в ее сторону.

— Одуванчик, ты уже выбрала? — Макс подбодрил ее улыбкой, и Эль сразу воспрянула духом.

— Да, рыбу и еще салат.

— Одуванчик? — Тина очень пыталась сделать вид, что ей все равно, но раздражение подчеркнуло парочку морщин у нее на лбу. — С каких пор ты стал таким сентиментальным, Макс?

— Не припоминаю, чтобы перед разводом подписывал соглашение посвящать тебя во все подробности своей личной жизни, Тина. И я бы был очень благодарен, если бы мы больше не продолжали разговор в том же русле.

Тина передернула плечами: несколько нервно, но в целом совершенно безразлично.

Они сделали заказ, выбрали вино. Все это время молодой художник безустали рассказывал о своих картинах, художниках и о том, в каких музеях Эль обязательно нужно побывать. Плевать, что от отеля до них было больше часу езды. Когда до Джерома дошло, что собеседница в состоянии поддержать разговор и даже охотно вступает в щекотливые дискуссии, не стесняясь высказывать свою, отличную от его точку зрения, парня словно прорвало. Он говорил и говорил, перебирал имена любимых художников, делился фактами из их биографий, не забывая прихвастнуть, что одна из его работ удостоилась статьи в журнале.

— Вижу, ты нашел себе благодарные уши, — заметила Тина. — Кто бы мог подумать, что у Габриэль такие обширные познания в искусстве. Мы с Максом вообще ничего в этом не смыслим.

— У каждого есть вещи, которые ему интересны, — лаконично ответила Эль.

— И что, кроме художников, любишь ты?

Эль ясно услышала вызов. В самом деле, что может любить простушка, на которую обрушилось счастье по имени Максимилиан Ван Дорт.

— Я люблю литературу. Немного фотографирую. Но, конечно, у меня нет соответствующего образования. А еще я неплохо мою посуду и готовлю кофе, и знаю двадцать три перевода слова «проститутка». — Эль доставило удовольствие видеть, как Тина в который раз покривилась.

— Просто какой-то клад, а не девушка.

— Настоящее сокровище, — подсказал Макс и недвусмысленно притянул Эль для поцелуя в висок.

Если бы не его поддержка, Тина и дальше продолжила бы свои попытки тыкать в соперницу шпильками. К счастью, ее запал быстро иссяк. Когда подошло время десерта, Тина резко засобиравалась уходить. Ее молодой спутник не скрывал, что огорчен. Взамен он чуть ли не с мольбой выпросил у Эль номер телефона и обещание, что когда он будет в Нью-Йорке, она обязательно устроит ему экскурсию. Эль собиравалась признаться, что понятия не имеет, где будет через неделю, но говорить об этом при Тине не хотелось. Поэтому уклончиво пообещала не игнорировать его звонки.

Они с Максом тоже не стали брать десерт. Расплатились — и вышли под припустивший с новой силой дождь.

— Не обращай на нее внимания, Габриэль, — сказал Макс, когда Тина и ее спутник скрылись в салоне такси. — Не знаю, что за муха ее укусила.

— Эта муха называется ревность.

— Я слишком плотоядно на тебя смотрел, моя вина. — Макс притянул ее к себе, утопил пальцы в распушившихся от влажности волосах. — Ничего не могу с собой поделать, ты просто какое-то ходячее искушение, Одуванчик.

Все-таки этот мужчина идеален. Только что она чувствовала себя девчонкой из Бронкса, которой очень ясно и недвусмысленно указали на ее место, и вот, пожалуйста — все не так уж печально и со всех сторон серо. Ведь, если очень захотеть, можно и горы свернуть. Была бы сила и мечта.

«Сколько времени мне нужно, чтобы до тебя дотянуться, Макс?» — мысленно обратилась к нему Эль, когда он, раскрыв над ними зонт, повел ее по кленовой аллее.

Рано или поздно, но этот вопрос должен был встать ребром. Макс открыл для нее совсем другой мир, так сильно похожий на сказку, что жить в нем казалось самой естественной вещью на свете. Но у каждой сказки есть конец. И, похоже, она вплотную к нему приблизилась.

— Я был бы очень признателен, если бы ты проговаривал слух все мысли, которые сейчас приходят тебе в голову, — сказал Макс погодя, когда они вышли на освещенный старинными фонарями мост. — Уверен, что смогу найти ответы если не на все, то на большую часть.

— Я думала о том, что десерт мы могли бы заказать с собой.

Макс негромко рассмеялся.

— Одуванчик, в таких ресторанах не делают еду на вынос. Но если тебе так хочется — мы можем вернуться. Заодно и проверим, не показалось ли мне, что один английский джентльмен очень бесцеремонно увязался за мой леди.

В ответ на ее немой вопрос, о чем речь, Макс молча указал взглядом куда-то ей по ноги.

Кот. Большой, непонятного цвета из-за грязной, прилипшей к бокам шерсти. С поникшими ушами и печально-философским выражением тощей морды. Надо же, откуда он тут взялся?

— Шел за нами от самого ресторана, — сказал Макс. Потом присел на корточки, делано строго глядя на их преследователя. — Слушай, дружище, я понимаю, что эта девчонка — настоящая красotka, но она уже со мной.

Кот уселся в лужу, склонил голову на бок и лаконично мяукнул.

— Знаешь, Одуванчик, похоже он сейчас сказал, что ему плевать, — продолжал подшучивать Макс.

Вид у кота был не то, чтобы такой уж деловой, но одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять — животное отчаянно нуждается в уходе. За время работы волонтером она видела много бродячих животных, она видела многих изувеченных животных, но этому повезло хотя бы в том, что у него были оба глаза и, кажется, не сломаны лапы.

— Макс, мы не можем оставить его здесь, — твердо сказала Эль.

И, не дожидаясь его ответа, присела на корточки, рукой проверяя, не агрессивен ли кот. Может ведь и в глаза броситься: часто тяготы бездомной жизни вынуждают их видеть в человеке только врага. И в таком случае им не обойтись без вызова специальной службы.

Но кот вовсе не собирался бросаться ей в глаза. Напротив, с самым спокойным видом обнюхал ее ладонь — и ткнулся носом в пальцы, напрашиваясь на ласку.

— По-моему он к тебе самым бессовестным образом заигрывает. — Макс присел рядом, держа над ними раскрытый зонт.

— Только потому, что рассчитывает выпросить какое-то угощение. — Эль не раздумывая сбросила плащ и завернула в него мокрого кота. Животное не сопротивлялось, только хрипло мяукнуло, когда она прижала его к груди. — Прости, но не можем же мы оставить его здесь вот так.

Что подумает Макс? Соплячка, которую он по стечению обстоятельств был вынужден пригреть под крышей своего дома, теперь еще и за бродячего кота уцепилась. А ведь у них осталось совсем немного времени здесь. Они могли бы вернуться в номер и — Эль бросило в жар от одной мысли о таком продолжении вечера — заняться любовью.

— Извини, что я все время делаю что-то не так, — пробормотала она.

— Габриэль, — улыбка Макса была такой нежной, что Эль пришлось часто-часто заморгать, чтобы не дать волю слезам. — Конечно же мы не можем оставить этого попавшего в беду джентльмена. И не извиняйся больше, хорошо? То, какая ты... — Он вдруг перестал улыбаться и с шумом выдохнул воздух через ноздри. — В общем, мне от тебя просто крышу сносит.

Кот снова мяукнул, и только по этой причине Эль не сказала вертевшееся на языке признание.

— Думаю, нам нужно отвезти его в ближайшую ветеринарную клинику, которая еще работает в это время суток. — Макс бегло посмотрел на часы, потом, придерживая ручку зонта плечом, достал телефон. Через несколько минут спустя, показал ей экран, на котором, на схематичной разметку улиц, горела красная отметка. — Нам придется ловить такси, Одуванчик, пешком топать будет далековато.

И с самым серьезным видом накинул ей на плечи свою куртку.

Эль смогла только молча кивнуть.

К счастью, с такси им повезло: они сошли с моста и почти сразу поймали свободную машину. Водитель посмотрел на третьего пассажира в руках Эль, сказал что-то про то, что они делают доброе дело: большая часть его слов утонула в ирландском акценте.

Пока они ехали, кот вел себя безупречно: не пытался вылезти, а, согревшись, принялся громко и самоотверженно мурчать. За что тут же заслужил от Макса ласковое почесывание за ушами.

Эль осторожно прижалась к плечу мужчины, наслаждаясь тем, что его потрясающий

запах стал ее личной порцией адреналина прямо в кровь. Так не бывает, чтобы судьба давала столько счастья сразу. А сказки со счастливым концом случаются только с нарисованными героинями мультфильмов. Но здесь и сейчас — они вместе. Его рука крепко обнимает ее за плечи, обещая защиту и тепло, поддержку, чтобы она могла расправить крылья и взлететь к мечте.

В клинике их встретил пожилой мужчина в белоснежном халате и его полная румяная помощница. Мужчина заверил ее, что кот в хороших руках и они смогут о нем позаботиться. Правда, с недоверием уточнил, не их ли это кот.

— Мы можем подождать здесь, чтобы узнать, все ли с ним хорошо? — спросил Макс.

— Я работал волонтером, если нужна помощь...

Медсестра остановила ее попытку вмешаться.

— Мистер Нотридж знает свое дело, вам не о чем беспокоится. В холле есть кресла, вы можете подождать там. По первому взгляду тяжело делать выводы, но животное выглядит вполне здоровым, но истощенным. Его нужно подстричь, вымыть и сделать несколько уколов. Но, полагаю, уже завтра мы сможем начать искать для него приют.

— Делайте все, что нужно. Мыждемся ответа, — заверил ее Макс.

Не отпуская ее руки ни на минуту, провел в холл. Пока Эль размышляла о том, де бы взять огромный кусок скотча, чтобы заклеить себе рот и не сказать вертящиеся на языке слова, он принес ей латте из автомата.

— Спасибо. — Эль с радостью сделала большой глоток. Оказалось на удивление вкусно.

— Мистеру Подлиза повезло, что он увязался именно за тобой. Хотя, наверное он точно знал за чьими ножками нужно волочиться, чтобы устроить свою жизнь.

— За твоими? — поддразнила его Эль.

Макс с самым беспшашным видом в мире показал ей язык — и Эль, наконец, прорвало. Не помогла даже попытка закрыть рот ладонью, слова разрывали ее душу, прокладывали путь откуда-то из самого сердца.

— Я очень тебя люблю, Макс Ван Дорт. И мне почему-то хочется от этого плакать. И еще смеяться. И делать еще целую кучу других глупостей.

Правда, из всего озвученного списка, она выбрала именно слезы. Сквозь улыбку.

Макс просто привлёк ее к себе, потом осторожно вытер со щек дорожки от слез. Вернее, попытался вытереть, так потому что слези текли снова и снова, хоть Эль всеми силами пыталась прекратить разводить сырость.

Он не сказал, что тоже ее любит. Не сказал ничего. Наверное, это и правильно. Макс — взрослый мужчина, который вряд ли растает в обществе глупой девчонки. Ну и пусть. Зато она сказала то, что рвалось из самого сердца. Даже странно, но теперь стало удивительно легко. Больше нечего скрывать, нечего бояться. Эль знала — будет очень трудно, но она отпустит Макса, когда он захочет уйти. Когда закончится ее личная сказка. Надеялась лишь, что признание не заставит его мучиться и подбирать дурацкие слова, чтобы донести смысл одной простой фразы: «Нам надо расстаться». Впрочем, Макс не производит впечатление человека, который станет затягивать с расставанием, если уже решил на него. Наверняка разорвет сразу и решительно.

Эль помотала головой — какая же она дурочка. В объятиях любимого человека думает всякую глупую ерунду. Сказка еще не кончилась, нечего раньше времени сжигать мосты.

— Извини, из-за меня лондонских луж станет еще больше, — шмыгнула носом Эль.

— А мы никому об этом не расскажем, — улыбнулся Макс.

— Знаешь, в детстве у меня был кот. — Эль вытерла слезы. Все, плакать она больше не будет. — Ну, то есть не совсем у меня. Никто бы не разрешил завести мне домашнее животное, да и держать его в трелере было бы настоящим издевательством. Но я потихоньку подкармливала его по вечерам, когда никто не видел. Выходила на улицу, за дом, сколько себя помню, там все время валялся какой-то старый хлам, и там кормила. Даже жилище ему соорудила из картонных коробок и куска старого одеяла. Кот приходил каждый вечер, ел, а потом залезал мне на руки и мурлыкал. А я рассказывала ему обо всем, что случилось за день. Жаловалась на жизнь, — Эль улыбнулась собственным воспоминаниям. — Каждому нужен кто-то, кому можно выговориться. Я выговаривалась коту К счастью, он не читал наставлений и не делал вид, что ему все равно. — Она вздохнула, немного помолчала, краем глаза посмотрела на Макса, не скучает ли от ее болтовни. Вроде нет — смотрит заинтересованно. — А зимой кот пропал. — Эль вздохнула. — Не знаю, может, нашел себе дом получше. Я надеялась на это. Но все равно ждала. Выходила, проверяла, оставляла еду. Но он так и не вернулся.

— И все? Других не было?

— Нет. Отец с кем-то договорился — и хлам из-за дома вскоре вывезли. Мне просто негде стало кого-то прятать. Но бездомных щенков и котят я все равно подбирала, но уже тащила в приют для животных. Меня там узнавать стали. Встречали, как свою.

— Щенки и котята? — Он улыбнулся одним взглядом, отчего по коже Эль растеклось приятное тепло.

— И они тоже, — не стала отпираться Эль. — Будь моя воля, я бы всех забрала. Поэтому, когда появлялась возможность, приходила помогать за ними присматривать. Пару раз организовывала сбор денег для приюта, но из меня не очень хороший проситель. Потом, когда мать... когда ее не стало, все перевернулось с ног на голову. Мне нужны были дополнительные деньги и пришлось выбирать: либо находить дополнительную подработку, либо перебираться жить в приют, в одну из свободных клеток.

— Думаю, животные, которых ты спасла, все равно тебе благодарны. — На этот раз его голос был совершенно серьезным. — Нет ничего плохо в том, что ты сделала рациональный выбор. Иногда жизнь делает лишь видимость выбора, хотя ответ с самого начала очевиден. — Макс выдержал паузу, а потом вкрадчиво поинтересовался: — Но ты бы хотела заниматься чем-то таким?

— Волонтерством? Конечно, и буду, как только хоть что-то в моей жизни определится.

Он еще немного помолчал, потом снова спросил:

— Ты уже думала о будущем, Одуванчик? Я имею ввиду не о завтрашнем дне и даже не о твоём поступлении. Кем ты видишь себя через пару лет? Если представить, что у тебя есть возможность выбирать и не быть связанной обстоятельствами.

— Да я каждый день об этом думаю, — как есть, призналась она. Странно, что он вдруг заинтересовался этим вопросом. Хотя...

Боже, и как она сразу не поняла! Эль отодвинулась от Макса, увеличила расстояние так, чтобы уменьшить магнетическое влияние тепла его тела.

— Я не собираюсь висеть у тебя на шее. И в мыслях не было.

Кажется, он был недоволен ее ответом. И, не особо стараясь быть тихим, принялся отчитывать.

— Габриэль Кромби, я думал, мы выяснили этот вопрос. Я никогда не считал, не считаю и не буду считать тебя одной из тех женщин, которые живут только для того, чтобы

вовремя присосаться к хорошему финансовому донору. Не могу похвастаться тем, что я дока в понимании человеческих душ и мотивов, но кое-что в людях смыслю. Поэтому, когда тебе в следующий раз захочется за меня решить, что и как мне думать, вспомни еще раз эти слова, потому что больше повторять я не буду.

Эль густо покраснела. Вот же дурра, форменная и окончательная идиотка. В самом деле, макс никогда не давал повода думать о нем в таком ключе. Да и она сама, положа руку на сердце, вряд ли вела себя как потрошительница чужих бумажников.

— Я всегда все говорю невпопад, — сказала она, надеясь, что на этом инцидент будет исчерпан. Чувство вины за обидные слова, пусть они и были сказаны не со зла, заползло за шиворот скользкой холодной змеей.

— Одуванчик, послушай. Мне правда интересно услышать о твоих планах. Без всяких сдерживающих условностей вроде «у меня нет возможности». Представь, что ты не связана ничем, кроме своей собственной фантазии.

И все же, что за странные вопросы? Она много о чем мечтает, и многое из этих фантазий так же реально, как полет на Луну.

— Я бы хотела писать книги. И еще работать в журнале, писать о новинках книжного рынка, о творческих людях, брать интервью с теми, кто чего-то добился в жизни, чтобы вдохновлять тех, кто боится начать. И еще бы хотела присматривать за бездомными животными, даже и бесплатно, лишь бы у меня хватало на жизнь от какого-то другого занятия. Я хочу выучиться, стать профессионалом и развиваться в том, что мне действительно интересно. Возможно, я не добьюсь ничего, возможно, я вообще бездарность, но лучше рискнуть, взлететь и упасть, чем сидеть на берегу и смотреть, как летают другие. Точно знаю, что не хочу прожечь жизнь зря.

Макс снова притянул ее к себе, и на этот раз Эль с удовольствием уткнулась ему в плечо. Мечтать с ним рядом было куда легче. Наверное потому, что он сам был из тех, кто не боится покорять новую высоту.

— Мой Одуванчик такой романтичный. Просто целая Вселенная на хорошеньких ножках.

Эль хихикнула, прижалась к нему еще сильнее. В конце концов, она может написать резюме во все журналы и газеты, какие только найдет в Нью-Йорке — у нее есть небольшой опыт, рекомендации от преподавателя. Не может быть, чтобы она совсем никому не приглянулась. А еще выбросит к чертям всю свою писанину и начнет новую книгу: о том, что самая большая трусость — это боязнь упасть.

— Как думаешь, Одуванчик, может мы могли бы забрать кота себе? Не зря же он за тобой увязался.

— Ох, Макс...

Хорошо, что можно спрятать лицо и он не видит, как она снова плачет.

— Надо бы купить переноску, миски, витамины. И что там еще нужно животным. И ошейник с колокольчиками. И уговорить администрацию гостиницы разрешить передержать его денек в номере. Что скажешь?

— Уверена, что он оценит ошейник с колокольчиками.

— Ты снова плачешь?

Она замотала головой, но переборола попытку Макса заглянуть ей в глаза.

— Я счастлива.

«Потому что мне очень-очень нравится это твое «мы».

Эль порывисто вскочила на ноги, когда в приемном отделении вновь появился мистер Нотридж.

— Ну, как он?!

— Не беспокойтесь, — доброжелательно улыбнулся ветеринар. — Все в порядке. Животному ничто не угрожает. Мы внимательно его обследовали и не нашли никаких серьезных заболеваний. Несколько царапин, блохи и глисты — обычный минимальный набор.

— Где он сейчас?

— Спит. Все, что ему сейчас требуется, — отдых и хорошее питание.

Эль обернулась на Макса. Тот поднялся следом.

— Мы можем забрать кота? — спросил, обняв Эль за талию.

— Разумеется. Но не сегодня. Я бы рекомендовал подождать дня три-четыре. Мы понаблюдаем за котом, проведем несколько дополнительных процедур и заполним на него паспорт.

— У нас нет столько времени. Мы улетаем послезавтра.

— Два дня... — задумался мистер Нотридж. — Хорошо. Два дня. То есть вы сможете забрать его послезавтра. Лучше во второй половине дня. Устроит? Раньше, извините, никак. Есть определенные процессы, требующие определенного времени. Мы не в состоянии их ускорить.

— Устроит? — Макс вопросительно посмотрел на Эль.

— Да, конечно, — часто закивала она.

— Ты правда будешь не против этого кота? — спросила Эль уже на улице. Спросила тихо, но ища его взгляд.

— А я давал повод думать, что бросаю слова на ветер?

— Нет. Просто... ну... он же беспородный, уличный. Совсем не такой, как коты на выставках.

— Ни разу не был на выставке кошек. Мне и сравнить не с чем. И вообще — что снова за сомнения? — Макс резко подхватил Эль на руки, закрутил на месте — как недавно в номере отеля. Та взвизгнула, обхватила ему за шею. — Кажется, кто-то напросился на основательную порку.

— Нет, — пискнула Эль. — За что?

— Никаких возражений. Вы, мисс Кромби, виновны по всем статьям. А потому ни с каком снисхождении даже не думайте.

— Это несправедливо! Я имею право на звонок адвокату!

— Вы имеете право молить о пощаде.

— Нет! Ни за что! — почти закричала она, когда Макс крутанулся в последний раз.

Мимо шли припозднившиеся прохожие, с непониманием смотрели на странную пару. Но Максу было плевать, что думают эти люди. Он не знал их. Да если бы даже и знал, вряд ли что изменилось. Сейчас он вел себя и чувствовал, как мальчишка — ни забот, ни сомнений. И такое состояние ему нравилось. Заботы вернутся — без них никуда. Полностью потерять голову Макс не боялся. Такого не будет. Но немного этой безбашенности он бы очень хотел сохранить. И похоже, источник его сумасшествия находился как раз в его же руках — пищащий и смеющийся.

До номера отеля они добрались уже зная, что будет дальше. Эль, дорвавшаяся до запретного и до недавнего времени неизведанного плода, охотно и легко отзывалась на

малейшие намеки Макса. В такси, сидя на заднем сидении, он как бы невзначай положил ей руку на колено, а затем так же невзначай скользнул ладонью уже между коленей, по внутренней стороне бедер. Эль вздрогнула, уставилась на него широко раскрытыми глазами, в которых не было и намек на страх. Напротив, в неверном свете городской иллюминации в них искрилось желание. Поддавшись ему, она развела ноги чуть шире. Плотные джинсы — не самая удобная одежда, чтобы подразнить подругу, но, быть может, это и к лучшему. Будь на Эль юбка, неизвестно, чем бы все закончилось. А так Макс с интересом и собственным возрастающим возбуждением поиграл со своим Одуванчиком. Совсем невинно — одними пальцами, едва касаясь ее между ног, поглаживая там, где, он уже чувствовал, было очень жарко.

Эль же жмурилась и кусала губы, пытаясь сохранить непроницаемое выражение лица. Но тело подводило ее. Бедрами она невольно стремилась навстречу его пальцам. Ноги сами собой расходились шире, но Эль то и дело возвращала их в почти приличное положение. Почти... как раз такое, чтобы Макс мог не прекращать свои игры.

— Ты хочешь, чтобы я стонала прямо здесь? — горячо прошептала Эль ему в самое ухо.

— Даже не знаю, — Макс сделал вид, что глубоко задумался. — Признаться, я как раз раздумывал над таким исходом.

— У вас нет ни капли совести, мистер Ван Дорт. Кто вам позволил компрометироваться приличную девушку?

— Прошу прощения, мисс Кромби, но совесть, которая непременно остановила бы мои гнусные поползновения, я по оплошности забыл в Нью-Йорке. Не знаю, как так получилось.

— Я знаю, — Эль глубоко вздохнула, втянув воздух носом, некоторое время молчала, облизывая губы. — Ты это специально сделал. Знал, что я не устою перед твоим напором и сдамся.

— Раскусила меня — был один голый расчет, чтобы затащить тебя в постель. Вот только снова не хватает совести, чтобы хоть немного стало стыдно.

— Я вот тоже забуду совесть где-нибудь — будешь знать...

— Пожалей мои преклонные седины, какие твои силы — и какие мои. Так и ноги протяну.

— Бойся-бойся, Максимилиан Ван Дорт...

Секс у них был страстный и быстрый. Буквально ворвавшись в свой номер в отеле, они набросились друг на друга, срывая одежду и бросая ее тут же, под ногами. До кровати не добрались, расположились прямо на полу, на мягком ковре. Макс опрокинул Эль на спину, вошел жадно и порывисто. Она обхватила его ногами, прижала к себе. Его движения были быстрыми и глубокими, жадными. Он брал ее со звериным напором, выплескивая все то возбуждение, что скопилось за время поездки в такси. А Эль смотрела на него все тем же взглядом, переполненным желанием. Взглядом, в котором бушевало безумие, в котором ширилось уже не возбуждение — ожидание кульминации.

Он так и не увидел ее глаз в самый последний момент. Эль откинулась на спину и зажмурилась. А потом закричала. Макс нагнал ее тут же, охваченный невероятным удовольствием. Все получилось столь быстро и ярко, что вряд ли заняло более двух-трех минут. Зато приятные обволакивающие волны еще долго будоражили тело.

Было уютно, спокойно и хорошо. Почти по-домашнему. И говорить не хотелось ни о чем, потому что даже просто молчание под мерный гул телевизора было таким особенным, что нарушать его не хотелось.

— Одуванчик?

Габриэль на миг перестала перебирать пальцами его волосы, вопросительно дожидаясь продолжения фразы.

— Ты счастлива?

Дурацкий вопрос, но Максу хотелось знать. Хотелось услышать ответ, как будто от этого зависела судьба всего мира.

— Счастлива, — бесхитростно призналась она. — Никогда еще не была так счастлива.

Кажется, она собиралась сказать что-то еще, но прикусила губу.

Ее признание неожиданно вынырнуло из памяти, как айсберг перед «Титаником», беспощадно протаранило жизненные устои Макса. Раньше все было просто: он хотел секс — он получал секс. На один раз или на пару недель — не имело значения. Проводя ночь в постели с очередной длинноногой красоткой, он заранее знал, сколько продлятся и чем закончатся эти отношения. Он никогда не отступал от намеченной линии: были ли это просто редкие встречи для взаимного удовольствия или попытка изображать парочку. И никогда не делал исключений ни для кого. После Тины он, пожалуй, слишком увлекся разгулом холостяцкой жизни, свободой самому решать, когда сменить женщину.

Появление Эль в гостиной его дома все перевернуло с ног на голову. Она была концентратом всего того, что он всегда избегал в женщинах: юная, романтическая, неопытная и доверчивая. В обычной жизни он бы обошел такое чудо десятой дорогой. Не исключено, что не окажись Габриэль невольной «пленницей» в его доме, так бы и случилось. Но она внезапно оказалась еще и умной, целеустремленной, с тонким и хрупким, но оформившимся внутренним стержнем. А ее сердце, кажется, было размером с целую Вселенную.

Что будет, если она поступит — и уедет? Имеет ли он право держать ее?

Хотя, какого черта, никаких «если»: она будет там учиться. Пара звонков и один чек сделают свое дело. И знать ей об этом совсем не обязательно. Но... Мысль о том, что он будет возвращаться в пустой дом, упрямой занозой прокладывала путь сквозь все его защитные барьеры. Бессмысленно думать об этом сейчас, когда все хорошо и они наслаждаются друг другом, заново открывая новые грани этих странных отношений. И все же.

В ту ночь они просто спали. Эль вымоталась и уснула, стоило Макс прижать ее к плечу. А он еще долго прислушивался к ее спокойному размеренному дыханию в шорохе дождя за окном.

Следующий день выдался насыщенным. Несмотря на искушение провести все время в постели, Макс и Эль все же выбрались в город с твердым намерением вернуться обратно только под вечер, едва переставляя ноги.

Свою культурную программу начали с посещения Лондонского глаза — огромного колеса обозрения, расположившегося на самом берегу Темзы. К такому выбору подтолкнула погода — небо с самого утра было чистое и высокое, без единого облачка. Если бы не лужи под ногами, то и не скажешь, что почти всю ночь накануне шел дождь.

Когда прозрачная кабинка оторвалась от земли, Эль прижалась к Макс.

— Ты же не боишься высоты? — спросил он.

— Нет, — пискнула та. — Ну, разве что, самую малость.

Самая малость продлилась не дольше нескольких минут, пока кабинка поднималась над крышами ближайших домов. А потом Лондон раскинулся вокруг во всем своем великолепии. И это было действительно красиво. Эль и думать забыла о страхе. Она переходило то к

одной стороне кабинки, то к другой, с восторгом указывала на то, что привлекало ее внимание. Под ними раскрывались и проплывали Биг-Бен, Вестминстерский дворец и многочисленные парки. Экскурсовод, нанятый Максом, сообщил, что сегодня погода благоволит гостям Лондона, а потому они могут наблюдать и один из красивейших замков мира — Виндзор, где частенько бывает Елизавета Вторая. Замок они действительно увидели, но оценить его красоту не смогли — слишком далеко тот находился. К тому времени, когда кабинка снова приблизилась к земле, и Макс и Эль уже точно знали, куда отправятся дальше. Разумеется, их ожидали королевские гвардейцы с непроницаемыми лицами. А потом был неожиданно вкравшийся в график музей Шерлока Холмса. Место, не особенно впечатлившее Макса, но очень понравившееся Эль.

— А ты представь, что он и правда жил тут, — наставляла она. — Не будь букой. На многих картинах художники тоже рисовали вымышленные события или персонажей. Но от этого они не становятся менее ценными.

Немного меньше скепсиса — и все стало действительно проще. Уж чего было не отнять у этого места, так это атмосферу.

Они никуда не торопились, отлично понимая, что за два оставшихся дня не охватят всех достопримечательностей. А потому позволяли себе отдохнуть в небольших кафе, наслаждаясь их простотой и уютом.

Непростым испытанием для Эль стало посещение чайной «Fortnum & Mason». Макс намеренно заранее узнал об этом рае для сладкоежек. Отсюда они выбрались с целой охапкой покупок. Особенно интересно было наблюдать внутреннюю борьбу Эль самой с собой. Она одновременно скупилась бы все, что видела, и в то же время выбежала бы прочь в ту же минуту, как вошла в чайную.

— Это чистое искушение, — проговорила она, стоя возле очередной витрины со сладостями. — Хочешь, чтобы я за сегодня же растолстела и не влезла в джинсы?

— Говорят в шоколаде полно гормона счастья. Мне показалось, что еще немного счастья тебе никак не повредит.

— Немного? — Эль обвела взглядом витрину. — Тут счастья хватит на небольшой городок. И вообще... — она посмотрела на Макса. — Зачем мне еще какое-то счастье... другое?

— Потому что я так хочу. И так и быть, помогу тебе расправиться с частью сладостей. А потом замучаю в постели... — добавил уже тише. — Так что силы тебе точно понадобятся.

— Кто еще кого замучает, — Эль с улыбкой пожала плечами. — С такого количества шоколада я не устану до самого утра.

— Кто-то большая соня — и засыпает почти сразу.

— Это я тебя просто жалела.

— Вы столь великодушны, мисс.

А во второй половине дня, ближе к вечеру, вернулись во вчерашнюю ветеринарную клинику. Подобранный кот выглядел куда веселее, чем вчера. Чистый и сытый, он встретил Эль радостным, как показалось Макс, мяуканьем. Сразу ткнулся носом в протянутые ладони, даже на задние лапы встал, напрашиваясь на ласку.

Эль буквально светилась счастьем, тиская не менее счастливого кота.

— Ты уже придумала ему имя? — спросил Макс. Он протянул к коту руку. Тот обнюхал его пальцы, выжидательно уставился, глядя прямо в глаза.

— Гладь теперь. Видишь, он ждет, — шутливо хмуря брови, потребовала Эль. — Нет,

еще не придумала.

Макс потрепал котяру за ухом. Тот довольно зажмурился.

Вся кошачья физиономия в этот момент говорила, что жизнь — штука в общем-то очень даже неплохая.

— Это безобразие. Имя нужно придумать.

— А у тебя нет вариантов?

— Надо подумать... Как насчет Робинзона?

— Робинзон?

— Да. Этаким одинокий бедолага, выброшенный бурей на окраину мира.

— Как тебе имя Робинзон? — Эль обратилась к коту.

Тот мяукнул, полез по ней выше и потерялся мордой по носу.

— Мне кажется, он не против, — усмехнулся Макс.

— Значит, Робинзон.

Последнее место, куда в этот день осталось сил добраться, стал зоомагазин. Выбор переноски, ошейника, лежанки и прочего кошачьего снаряжение оказался делом быстрым. Дурачество и глупость, если посмотреть со стороны — двое взрослых людей спорят, в каком домике коту будет удобнее спать. И снова Макс поймал себя на мысли, что никогда прежде и не подумал бы заниматься подобной ерундой. Перепоручил бы кому-нибудь из obsługi. А тут ему нравилось, и он даже настоял на том, что Робинзону не по статусу будет спать в какой-то «мышинной» норе. Уж лучше заказать приличный кошачий домик по прилету в Нью-Йорк. А пока взять только самое необходимое.

И это после целого дня на ногах.

В отель возвращались уставшие, но довольные. День, насыщенный впечатлениями, получился по-настоящему отпускным. Таким, чтобы еще долго вспоминать об увиденном. Эль тихонько уснула в такси, положив голову Макс на плечо. Во сне она улыбалась.

И зачем она только посмотрела?

«Рады сообщить Вам, что ваша заявка на стипендию одобрена. Комитет принял решение... Приглашает... Собеседование...»

Эль оглянулась на спящего Макса: его грудь мерно поднималась, ветер из приоткрытого окна теребил волосы. Робинзон спал рядом, заняв освободившееся место на подушке.

Ее разбудила гроза за окном. Макс проснулся, как только она попыталась выбраться из постели: потянулся, прижал ее к себе, поцеловал в макушку, нашептывая слова успокоения. В самом деле, отчего ей так тревожно, если он рядом? Даже кот спал без задних лап, лишь изредка шевелил ушами и потихоньку открывал рот, как будто пережевывал во сне безразмерную рыбную котлету.

Какое-то время они просто лежали в тишине, прислушиваясь к дыханию друг друга и шороху дождя. Потом Макса все-таки сморил сон, а Эль выскользнула из кровати и проверила электронную почту.

Письмо было датировано днем их с Максом вылета из Лондона. И на собеседование ей следовало явиться уже завтра, к десяти утра. Как раз успеет по прилету привести себя в порядок, собраться с мыслями и настроится на нужную внутреннюю волну.

Она столько ждала этого события, была уверена, что после положительного решения поднимет на уши весь Нью-Йорк, а теперь просто сидит, словно приклеенная к стулу и не может думать ни о чем, кроме того, что ее жизнь вот-вот расколется на «до» и «после».

Она вернулась в постель уже когда серое английское небо начало светлеть.

Придвинулась к Макс, обняла его так сильно, что он даже улыбнулся во сне и крепче обхватил ее в ответ.

Хотелось плакать, но Эль смогла взять себя в руки. Все идет своим чередом, как и должно быть.

— Что случилось? — наконец, спросил Макс, когда они спустились позавтракать в ресторан. Эль как раз пыталась разделаться с блинчиком, но из-за дрожащих рук просто выпотрошила все его сладкое содержимое на тарелку. — Ты как будто расстроена.

Эль неуверенно кивнула, отодвинула приборы и сделала жадный глоток кофе.

Хотелось как следует себя выругать за абсурдность ситуации, которую сама же и сделала. Что сказать Макс? «Я расстроена, потому что, скорее всего, поступлю и мне придется съехать?» Он первый подумает, что она не в ладах с головой. Или просто не хочет уходить с тепленького местечка. Но и замалчивать бессмысленно — он должен знать.

— Я получила письмо. Меня приглашают на собеседование. — Эль прочистила горло кашлем. — Я могу провалить его, но это уже большой шанс и...

Голос все-таки подвел ее, сошел на нет. Еще один глоток обжигающего кофе — и ничего. Словно она разом позабыла все слова.

— Наверное, нам бы стоило заказать шампанское по такому поводу? — Макс довольно улыбнулся, наклонился к ней через стол и заговорщицки шепнул: — Значит, у меня все-таки будет своя знакомая журналистка?

Эль снова кивнула. Он, кажется, не выглядит расстроенным? Понимает, что теперь у нее появится повод уйти и, возможно, даже рад этому. С оглядкой на все доставленные неприятности, это было бы логично. С глаз долой, из сердца вон.

— Я не хочу шампанского. — К горлу подступил ком, но Эль кое-как справилась с чувствами. И даже смогла улыбнуться. — Просто я так долго этого ждала. А теперь растеряна. Как будто... ну знаешь...

— То, чего долго ждешь, всегда особенно приятно сбывается, — подсказал он.

— Да, примерно так.

Разговор не клеился. Хотелось сказать совсем не то, что нужно было говорить, а их обычная болтовня вдруг стала тяжелой. Как будто слова нарочно приставали к гортани, и чтобы проговаривать их приходилось делать над собой нечеловеческие усилия.

— Эль, в чем дело? — Макс отодвинул в сторону тарелку. — Чем ты так расстроена?

«Ты должна ему сказать», — нашептывал тот внутренний голос, который еще верил в сказки и окреп за то время, что она провела возле этого мужчины.

«Да, скажи ему, что хочешь и дальше быть бестолковым придатком его фамилии и миллионов, которые откроют тебе все двери», — гаденько поддернул внутренний прагматик.

— Может быть мы...

Фразу перебила настырная трель телефона Макса. Он взглянув на экране, нахмурился.

— Я отойду, подожди минуту.

Эль наблюдала, как он вышел наружу. Сквозь стеклянную перегородку ресторана было видно, как нервно он прижимает телефон к уху и потирает лоб. Что-то случилось. Что-то плохое, раз он, нажав отбой, не спешит возвращаться в зал. Макс прошелся туда и назад, снова прижал телефон к уху. Потом «отбой» — и снова звонок.

Она не стала дожидаться его возвращения, сделала глоток латте и вышла наружу.

— Это Маргарита, — сказал Макс, предвидя ее встречный вопрос.

Марго. Ну конечно, Марго. Давно не давала о себе знать.

— У нее что-то случилось? — Выражение его лица было слишком очевидным, чтобы полагать, будто сестра позвонила справиться о его здоровье. Да и после ее выходки Макс был слишком зол, чтобы просто так болтать ни о чем.

— Она в Нью-Йорке.

Эль молча ждала продолжения. Явно что это — не единственная причина, по которой он так расстроен. Или, скорее, зол.

— Залезла ко мне в дом, взяла «Порш» и поехала покататься пьяная вдрызг. И попала в аварию.

— Она жива?

— Да, в порядке, но пострадала женщина и я пока не знаю, как ее состояние.

Эль зачем-то кивнула. Выходка в духе Марго: «взять» машину и оторваться просто потому, что с утра дождь и не понежиться на пляже.

— Одуванчик...

— Мы возвращаемся, — за него ответила она. И вдруг почувствовала облегчение. Там, в Нью-Йорке, все снова встанет на свои дела. Макс будет заниматься сестрой, а она сделает то, что давно пора было сделать — закроет двери в эту сказку.

Собирались они в спешке. У Макса то и дело звонил телефон: кажется, он держал руку на пульсе, контролировал каждую ниточку, которая могла повлиять на исход этого дела. Эль не спрашивала, но из обрывков его разговоров поняла, что Марго забрали в участок и что Александра Ван Дорт уже вылетела к дочери. Женщина, пострадавшая в аварии, до сих пор находилась в реанимации, и никто не давал хотя бы приблизительных прогнозов о ее дальнейшей судьбе. Они не обсуждали то, что случилось, но вариантов развития события было не много: если женщина умрет, что участь Марго будет незавидной.

К части своей, Робинзон стойко переносил весь переполох и безропотно полез в переноску.

— Извини, что все так получилось. — Макс нервно отстегнулся, когда самолет набрал высоту, потер лицо ладонями. Было видно, что ему не по себе от того, как круто и неприятно изменились их лондонские каникулы. — Я должен был догадаться, что она вытворит что-то такое. Очень в ее духе. Но мне и в голову не могло прийти, что после всего она рискнет заявиться ко мне.

— Это же Марго. — Эль, подумав, все-таки достала Робинзона из переноски и посадила на колени. Кот в благодарность громко замурлыкал, подставил голову для ласки и зажмурился, когда она почесала за ухом. Что с ним будет, когда она уедет? Макс никогда не выбросит его из дома, но ведь это именно она устроила так, чтобы они забрали Робинзона домой. — Я думаю, что Марго просто не знает, как извинится.

Макс не разделил ее надежду, скорее наоборот.

— А я думаю, она просто как следует не получила за свою выходку, хотя я просил мать принять меры.

Он выдохнул сквозь зубы, растрепал волосы. Нервничал, но старался не подавать виду. Все-таки Марго — его сестра, родная кровь. Даже если ведет себя, как последняя стерва, ее судьба не может быть Максиму полностью безразлична.

— Все будет хорошо. — Других слов Эль не нашла. Обсуждать Марго совсем не хотелось.

Он не стал говорить этого вслух, но оптимизма от ее слов в глазах Макса не

прибавилось.

Возвращение было сумбурным. В аэропорту их уже ждал Ник, и они с Максом всю дорогу в полголоса что-то обсуждали. Эль не прислушивалась, не хотела знать. Марго... Печальный финал их дружбы до сих пор казался чем-то ненормальным, чем-то болезненным и странным, как порез пальца тупым ножом.

Дома Макс почти сразу растворился в заботах. Эль, пользуясь тем, что выпала из поля его зрения, потихоньку собрала вещи, а сумку на всякий случай спрятала под кровать. В любом случае, завтра ей придется покинуть этот дом и эту уютную сказку Золушки: в общежитие или в трейлер, но выныривать в реальность все равно вернется.

Даже Робинзон, словно чуял неладное, ходил за ней хвостом. Он почти сразу освоился, и деловито сточил когти о когтеточку, которую она пристроила около двери. Миска, кошачий туалет — котяра все обнюхал и пометил. Не оставляло сомнений, что его пребывание не будет хлопотным. Будет ли правильным оставить его на Макса? В конце концов. Это была ее прихоть, вряд ли Макс стал бы заморачиваться устройством жизни бездомного кота. Скорее всего, ограничился бы обустройством в приюте. Понятно, что Робинзона он забрал только, чтобы не расстраивать ее. Никто не разрешит ей забрать животное в общежитие и забирать его в трейлер тоже казалось кошунством. Придется много, очень много работать, и бедное животное будет обречено на одиночество. И все же...

Марго появилась ближе к ночи, практически одновременно с приездом Александры Ван Дорт. Эль хотела было выйти, обозначить свое присутствие, но малодушно сбежала в комнату, заперлась. Марго и ее желчь еще можно как-то пережить, но что скажет Александра? Женщина, которую она считала едва ли не образчиком современной сильной бизнес-леди, вряд ли порадует тому, что ее сын связался с нищей малолеткой. А ведь со стороны все именно так и выглядит.

И все же, отсидеться не удалось. С Марго они столкнулись в гостиной, когда Эль, уверенная, что в доме все давно спят, тайком пробиралась на кухню за стаканом воды.

— И почему я не удивлена, что ты здесь?

Голос Марго заставил ее оцепенеть и на несколько секунд растеряться. Все было продумано: утром она собиралась пойти на собеседование и планировала не сталкиваться ни с Марго, ни с Александрой. И даже с Максом видаться не хотелось. Да и как? Он весь день был занят тем, что улаживал проблемы сестры: адвокат, залог, обеспечение комфортных условий пострадавшей стороне. Эль была уверена, что и сейчас он не спит, а закрылся в кабинете и продумывает стратегию защиты Марго от тюрьмы в случае, если история будет развиваться по самому плохому сценарию.

«Давай, ты можешь. Просто повернись, посмотри на нее — и пусть не думает, что имеет право вести себя, как последняя ссука».

Марго сидела на кровати, и ее вид оставлял желать лучшего. Большой сизый синяк под глазом сделал ее лицо одутловатым, глаза покраснели, под нижней губой осталась пара царапин. И все же, это было ничто в сравнении с женщиной, за чью жизнь медики сражались который час.

— Привет, Марго. — Эль и сама удивилась, каким спокойным и безэмоциональным получился голос. Как будто что-то в не вдруг «щелкнуло» и выключило эмоции, которые здесь и сейчас, для этого разговора были совершенно не нужны. — Выглядишь паршиво.

Марго хрипло засмеялась и, морщась, прижала к синяку почти пустой стакан. Судя по цвету жидкости и по ее предпочтениям, там была разбавленная тоником водка.

— Ты снова наливаешься. — Эль покачала головой, удивляясь, как раньше не замечала всех этих выходов. А ведь Марго всегда была такой. Может, изменилась она сама? Раскрыла глаза, увидела мир таким, какой он бывает за пределами уютной раковины.

— Думаешь, мне нужно было сначала спросить твоего разрешения? — Марго сделала один большой глоток, опустошила стакан и поднялась. На миг Эль показалось, что она пойдет к ней, но нет — Марго интересовала бар и разнообразие алкоголя в нем. Она наугад смешала содержимое пары бутылок, попробовала, сморщилась — и снова повернулась к Эль. — То есть, я имею в виду, мне нужно было просить у святой Габриэль Кромби, можно ли мне надраться?

— Макс вытащил тебя из тюрьмы не для того, чтобы ты вела себя, как стерва. Мне казалось, что когда с людьми происходит подобное, они пересматривают свои жизненные приоритеты.

— А мне казалось, что проституткам самое место в постели. До тех пор, пока их тело устраивает мужика и поднимает его член. — Марго снова отхлебнула, и с отвращением поставила стакан на столешницу. Взяла взамен другой, на этот раз плеснула в него виски и выпила. — Ну и как оно, маленькая глупенькая Эль, когда тебя трахает богатый мужик?

— Приятно, — ответила она, хоть мысленно пришлось сжать всю волю в кулак.

— Вижу, он хорошо расплатился за порванную невинность. — Марго отсалютовала ключу, который Эль носила не снимая. — «Тиффани», да? Платина, бриллианты. Стоит в десять раз больше, чем весь трейлер твоего папаша.

— А еще цветы, конфеты, поездка. Ты ведь это хотела услышать? Перечислить все позы, в которых мы занимались сексом? И все места?

Марго вкинула брови, хлопнула выпивку до конца и подошла ближе. От нее нестерпимо несло алкоголем, но все же она вряд ли была так уж пьяна, чтобы не понимать, о чем говорит.

— Ты стала очень острой на язык, Габриэль.

— Пришлось. После всех твоих выходов я, кажется, научилась неплохо огрызаться. Ничего другого мне не оставалось.

— Кстати, как поживает мистер Кромби? — Марго потянулась было, чтобы притронуться к ее волосам, но Эль жестко отвела ее руку, отступила на шаг. Пусть не думает, что это побег, пусть видит, что ей просто неприятно находиться рядом. — Давно о нем никаких вестей не было.

— Почему ты думаешь, что я знаю, где он и чем занимается? — Эль передернула плечами, мысленно, как заклинание, повторяя: «Ты не заставишь меня сказать это вслух, не обвинишь в своих грехах». — Помнится, я уезжала вместе с тобой. Точнее, ты уговорила меня сбежать. Должно быть, набирается в каком-то подпольном казино и думает, как бы продать меня одновременно трем своим кредиторам. Обычное дело, ты же помнишь.

Марго поморщилась.

— Я знаю, что ты что-то придумала, малышка Эль.

— Да? — Стоило больших усилий не залепить ей отравляющую пощечину. Но — Марго в доме своего брата, и имеет право вести себя, как последняя стерва. А она имеет право хотя бы сказать ей, как низко она пала. — Мне тебя жаль, Марго. Ты исходишь желчью только потому, что я не стала твоей игрушкой. Это не любовь.

— Ты стала игрушкой Макса, сучку!

Эль перехватила ее занесенную для удара руку, отбросила.

— Даже не думай.

— Ты стала очень смелая после того, как начала трахаться с моим братом, — не удержалась от очередного ядовитого плевка Марго. — На что ты надеешься, Эль? Что станешь чем-то большим, ем девочка для секса? Я допускаю, что лишить малышку невинности было ему в диковинку, и он «поплыл». Он же не молодеет, ты должна понимать. Мужчины после тридцати чувствую старость... — Марго сделала пространный жест. — Но ты не задержишься здесь надолго. Месяц, два? Если будешь хорошо давать, возможно, на полгода. А потом ты станешь просто скучной малышкой Эль, у которой ничего нет за душой. На твоём месте, я бы уже сейчас начала тянуть из него деньги, потому что потом тебе будет очень непросто вернуться в сраный грязный трейлер и подставляться за папашины долги.

— Как будто ты предлагала что-то другое. — Эль зло улыбнулась. — Как будто ты видела во мне личность, а не игрушку.

— Я всегда о тебе заботилась, — зашипела Марго. — Даже когда ты сама о себе не думала.

— Это не любовь, Марго. — Эль с сожалением покачала головой. — Это была просто твоя прихоть. Когда любят — не делают больно, и не обманывают недоверием. Извини, что я полюбила Макса, а не тебя.

— Полюбила? — Марго нарочито громко фыркнула. — Ты еще глупее, чем я думала.

— А ты — еще несчастнее. Надеюсь, когда-нибудь ты найдешь человека, которого полюбишь сильнее и искренне, чем хромого щенка. И надеюсь, что он вытрет об тебя ноги. И того, возможно, ты протрезвеешь и поймешь, что у тебя есть сердце, и оно может болеть.

Марго не стала ее останавливать. Возможно, она впервые в жизни сделала не то, что хотела, а то, что должна была сделать.

Самой приятной новостью за день стало то, что женщина, которая пострадала в аварии, наконец, пришла в себя. И диагноз врачей о ее дальнейшем физическом состоянии был обнадеживающим: никакие жизненно важные органы не пострадали, позвоночник цел. При наличии комплексной терапии были все шансы, что она выйдет из больницы примерно через месяц и на своих ногах. Максимум пришлось выписать баснословный чек, чтобы родственники пострадавшей не усугубляли дело. Марго это, конечно, все равно не спасало, но он был даже рад, что сестра получит по заслугам. Она, мать его, даже выводы не сделала: продолжала напиваться и ныть о том, что он трахает Эль.

Макс поморщился, вспоминая утренний разговор с матерью. Конечно, мимо ее ушей не прошли выкрики Марго об их с Эль отношениях. Честно говоря, Макс рассчитывал по меньшей мере на понимание. Ну или что мать придержит при себе комментарии. Но Александра была бы не Александрой, если бы упустила возможность высказать свое видение того, как ее тридцатилетнему сыну нужно устраивать личную жизнь. «Да, Максимилиан, Габриэль чудная девочка, но она простушка. Что этот ребенок может дать тебе, кроме необходимости держать под рукой десяток носовых платков, чтобы подтирать ей нос?» Он не стал даже начинать полемику. Пусть думает, что хочет. Пусть они все думают, что им заблагорассудится, а он в состоянии решать сам за себя. К счастью, сказанного один раз «моя жизнь уже давно не твоя забота» хватило, чтобы мать перестала навязывать свою точку зрения. Пусть подумает, переварит этот факт, как что-то постоянное, на что она при всем желании никак не сможет повлиять.

Они с Марго съехали в гостиницу после обеда. Макс настоял на этом. Их присутствие в доме торчало между ним и Габриэль, словно какой-то ржавый гвоздь. Вчера толком не было

времени даже двумя словами перемолвиться, а сегодня она ни свет, ни заря отправилась на собеседование. Правда, узнал он об этом от Ника. Макс дважды порывался написать Габриэль или позвонить, но все время останавливал себя. Наверное, в такой важный для нее момент, ее лучше не отвлекать. А когда вернется...

Если вернется.

Собственные, сказанные недавно слова о том, что она должна остаться в его доме, пока не уладит вопрос с поступлением, сейчас казались слишком грубыми и безапелляционными. И чтобы подтвердить догадку, он наведалься в комнату Габриэль. Ожидаемо: пустые шкафы, под кроватью подготовленная сумка. Она собиралась уйти так или иначе: поступив ли или нет. И думать о этом было почему-то до противного неприятно. Но, в конце концов, кто он такой, чтобы держать Одуванчика на привязи.

Эль вернулась ближе к вечеру: улыбающаяся, но грустная. Он видел, чего ей стоило притворство, но не нашел в себе силы спросить в лоб.

Она поступила. Сказала об этом с хвастовством, потому что претендентов на стипендию было много и потому, что она оказалась самой достойной. Ее личная первая победа. Он даже не сомневался, что одна из многих, которые еще будут впереди. Вот только он, кажется, так и не нашел подходящих слов, чтобы показать радость.

Потому что радости не было.

Потому что, куда бы они посмотрел и о чем бы ни подумал, Эль всегда была там: незримая постоянная величина, которой он, незаметно для себя самого, начал измерять собственную жизнь. Его личная палитра с красками, которая щедро выплескивалась на черно-белое и скучно полотно его жизни.

Макс как раз пытался привести в порядок документы, которые секретарь, словно нарочно, слала целыми пачками, когда в дверь осторожно постучали. Максимум даже сперва показалось, что это скребется Робинзон, но кот спал в соседнем кресле, которое, судя по всему, облюбовал всерьез и надолго.

Стрелки на часах перевалили за десять вечера и в доме было не так много людей, кто бы побеспокоил его в такое время.

— Открыто, — громко сказал Макс.

— Привет... — в открывшуюся дверь просунулась голова Габриэль. — Не помешаю?

— Заходи, — Макс не смог скрыть улыбку.

Она была босая, со взъерошенными мокрыми волосами и в длинной свободной рубашке, которая едва прикрывала попу. Явно только что из ванной.

— Знаешь, — Макс склонил голову набок и сощурился. — Не обижайся... — он сделал паузу, наблюдая за реакцией Габриэль. А та уже начала хмуриться, выискивать в своем появлении изъяны. — Но те халаты, в которых ты пряталась в номере в Лондоне, — это не твое. Вот совсем.

Габриэль потупилась, густо покраснела. Она так и стояла у дверей, не рискнув пройти дальше.

— Я точно не помешаю?

Макс поднялся из-за стола и сам пошел навстречу гостье.

Удивительным образом появление Габриэль выбило из головы все проблемы. И дело было даже не в ее неосознанной сексуальности, которую Одуванчик пока не понимала. Просто она будто излучала какую-то успокаивающую ауру. Невидимую, но почти осязаемую.

— Мне кажется, кто-то здесь стесняется, — он приподнял ее подбородок, заставил

посмотреть себе в глаза.

— Ты кого-то прячется под столом? — деланно удивилась Габриэль.

— Вроде нет, — не понял Макс.

— Тогда где? — На ее лице появилась хитрая улыбка. — Потому что я точно не стесняюсь. Или ты о себе?

— Это что же творится? Пришла ко мне с голой попкой и смеет во мне сомневаться? Откуда столько смелости?

— Там нашла, — Габриэль неопределенно повела плечами, — пока думала, одевать трусики или нет.

— И что решила?

— Большим стесняхам я этого не скажу! — она показала Максу язык и, когда тот попытался ее схватить, извернулась и бросилась к столу, за которым и замерла, опершись руками о столешницу.

— Маленькая мисс, вы понимаете, что только что напросились на неминуемое наказание? — неспешно повернулся к ней Макс. — И очень боюсь, что кара свершится прямо тут, на этом столе, за которым вы соизволите скрываться.

Она смотрела на него живыми блестящими глазами и улыбалась.

Ну, и как такую не «наказать»?

Он поймал ее спустя пару минут — измученная и покорная Габриэль буквально упала в его руки, «вконец обессилив от долгой погони».

— Будьте ко мне милостивы, господин, — игриво прошептала Габриэль, прижимаясь к нему всем телом.

Тонкая рубашка почти ничего не скрывала, да Габриэль и не пыталась скрыться. Встав на цыпочки, потянулась к его губам, закинула руки за шею.

— Думаешь, покорность облегчит твою участь? — прошептал Макс.

— Очень на это надеюсь... — Она отстранилась, а потом начала медленно опускаться на колени. — Ничего не делай...

— Габриэль ...

— Сегодня мой вечер. Я так хочу.

Она провела руками по его животу, спустилась ниже. Член, и без того возбужденный, тут же среагировал на легкое касание, напрягся, сильно оттянул домашние штаны. Эль улыбнулась, провела языком по губам, затем осторожно обхватила член рукой. Макс глубоко вздохнул, ненадолго прикрыл глаза, чем вызвал еще более широкую улыбку у девчонки. Очень довольную улыбку.

Он не мог отказать себе в удовольствии наблюдать за ее действиями, за ее эмоциями. Да и Эль, кажется, не была против. Больше того, она с сама время от времени поглядывала вверх, искала его взгляд.

А потом она потянула штаны вниз.

— Снимай футболку, — проговорила, в очередной раз задрав голову. — Я хочу видеть тебя без одежды.

— Разве девочкам это так важно?

— Не знаю, как девочкам, а мне очень важно.

Член вырвался из заточения и замер напротив лица Габриэль.

— Снимай тебе говорят, — повторила она и провела по члену пальцами — легко, чуть касаясь.

Макс одним рывком отправил футболку прочь, переступил с ноги на ноги, позволяя штанам упасть на пол.

Габриэль и обхватила головку губами.

Макс снова прикрыл глаза. Ее губы были теплыми и мягкими.

— Ты горячий, — проговорила Габриэль.

Она взяла его немного глубже, едва прихватывая губами, чуть скользя языком.

Краем сознания Макс вспомнил, как совсем недавно, на кухне, за приготовлением завтрака, наблюдал, как Габриэль расправляется с бананом. Его мысли тогда свернули как раз в сторону собственного члена во рту маленькой гостыи. И вот...

Кольцо на члене стало плотнее. Габриэль взяла его глубоко, потом выпустила, с игривой полуулыбкой лизнула головку, взяла снова. Макс покачнулся, когда она обхватила его за задницу и насадилась еще глубже.

— Может, сядешь в кресло? — спросила она, дав ему передышку.

— Да, — с трудом перебирая слова, согласился он.

Она прошла с ним к столу, толкнула в кресло и снова опустилась на колени. Мягкие губы снова сомкнулись на его члене, начали движение вниз.

Эль не спешила — пробовала, изучала, наслаждалась...? По крайней мере Макс очень надеялся, что дело обстоит именно так. Подспорьем в том были ее мимолетные взгляды — озорные и сверкающие.

А вот он долго сдерживаться отчего-то не смог. Возбуждение ширилось в нем мощными толчками, волнами удовольствия, когда язык Эль обвивался вокруг головки его члена. Его касания рождали в Максе настоящую бурю, которую он оказался не в силах погасить или хоть немного успокоить. Будто мальчишка он взвился на самый пик возбуждения. Габриэль, вероятно, почувствовав это, ускорила. Теперь ее голова резко опускалась и поднималась. Макс попытался высвободиться, зная, что не всем женщинам нравится, когда им кончают в рот. Габриэль могла просто еще не думать, не знать об этом. Не вполне понять степень его возбуждения.

— Подожди...

Но она не слушала, только плотнее сделался капкан ее губ, только еще ускорились движения. Вниз-вверх, вниз-вверх. И язык... он будто атаковал его член, жалил, выуживал из возбужденной плоти те самые импульсы, которые, объединяясь и усиливаясь, возносили на самую вершину удовольствия.

Макс больше не мог терпеть. Тело непроизвольно двигалось навстречу Эль, делая контакт еще более глубоким, еще более яростным. Мгновение последнего напряжения — и мир раскололся его уже несдерживаемым рыком. Макс вцепился в подлокотники кресла, откинулся на спинку. А Габриэль все не останавливалась — брала все, что он давал ей. До последней капли, до последней эмоции и вздоха. Позволила свободно вздохнуть только когда Макс в очередной раз запросил пощады и потянул ее на себя.

— Неужели Максимилиан Ван Дорт просит пощады у маленькой девочки? — Габриэль уселась на него сверху, оперлась руками о грудь. — А кажешься таким сильным. Как будто все выдержишь.

— Я держался, сколько мог, — выдохнул он. — Но эта девочка слишком сильно меня возбуждает.

Габриэль опустилась на него, заглянула в лицо.

— Прости, если делала что-то не так. Я...

Вместо ответа он поцеловал ее.

— За глупые вопросы буду шлепать по попе, так и знай.

И для подтверждения своей угрозы звонко шлепнул Габриэль по заднице. Девчонка взвизгнула, снова села на него, явно намереваясь как-то отомстить. Но Макс уже подался за ней, обхватил за талию, поднялся и тут же положил девчонку на столешницу. Одним движением руки смахнул прочь все лишнее, рванул на ней рубашку. Пуговицы не выдержали и разлетелись далеко в стороны. Габриэль вскрикнула, попыталась прикрыться, но Макс и не собирался с ней бороться. Он уже был между ее ног, а потому просто опустил туда руку. Соппротивление Габриэль иссякло в то же мгновение.

Она была мокрая. Очень мокрая. И очень податливая. Задохнулась от первого же касания. Затем вскрикнула, да так и замерла с широко распахнутыми глазами, точно хотела впитать, запомнить все, что делал с ней Макс. А он навис над ней, наблюдая, как меняется выражение ее лица под напором его пальцев — скользкими, требовательными. Поначалу Макс хотел хорошенько ее раздражить, вдоволь поиграть, подольше удерживая Габриэль на самой грани удовольствия, но не позволяя переступить через нее. Но она оказалась слишком возбуждена. Настолько, что хватило всего нескольких легких движений пальцами внутри нее, как по телу вмиг взмокшего Одуванчика прокатилась волна крупной дрожи.

Макс видел, что Габриэль пытается сдерживаться, но тело придавало ее. Возбуждение заставило еще вчера краснеющую девчонку широко развести ноги и толкаться бедрами к дразнящим пальцам. Толкаться в яростном желании большего. И Макс не стал ее мучить. Развел ей ноги еще шире, опустил между ними и прикоснулся к пульсирующему жару языком. Эль пробило разящей молнией. Она чуть не подпрыгнула на столе. Было свела ноги, но тут же снова раскинула их, придерживая руками так, чтобы открыться как можно сильнее.

И эта открытость заводила и самого Макса. Он хотел брать ее снова и снова. Хотел видеть ее желание, распалать его и возводить до самых небес. А пока Габриэль пылала в его объятиях, плавилась под напором его языка, который не щадил, а каждый раз проникал в нее так глубоко, как мог. В конце концов Макс плотно припал к ее лону и больше не отпускал, пока Габриэль металась в бьющих ее волнах оргазма. Прочь полетели остатки бумаг, которые в самом начале не скинул Макс. Прочь полетела настольная лампа, грохнулась золотая подставка для ручек. Все эти мелочи прошли стороной, практически не замеченные обоими. Так, легкий фоновый шум — не больше, потонувший в страстных столах развратного Одуванчика.

— У тебя совсем нет совести, — прошептала Габриэль, когда все закончилось, а Макс снова навис над ней, опираясь на руки.

Капельки пота блестели на ее все еще возбужденной груди, которую Габриэль неловко попыталась прикрыть, но тут же бросила это занятие, увидев нахмуренный взгляд Макса.

— Так и знай, — сказал он, — каждый раз, когда ты будешь стесняться, будешь получать по попе.

— Как сегодня?

— Мы еще обязательно дойдем до наказания. Я слов на ветер не бросаю.

— Вы очень жестоки, мистер Ван Дорт. Неужели у слабой беззащитной девушки нет никаких шансов заслужить прощение?

Макс снова нахмурился.

— Пожалуй, я подумаю над вашим вопросом, мисс Кромби. Но не обещаю, что ответ вас

порадует.

— Мне было очень хорошо с тобой, — неожиданно серьезно сказала Габриэль. — Спасибо за все, что сделал для меня.

Макс улыбнулся, поцеловал ее в кончик носа.

— Ты даже представить себе не можешь, насколько стала мне близка. Да я и сам не могу представить до сих пор.

— Вбаламутила твою жизнь. — И, снова краснея, продолжила. — Я... просто, знаешь... я не то чтобы совсем все...

— Продолжай свою мысль, Одуванчик, потому что на твой рот я могу смотреть бесконечно долго.

— Заставляешь меня краснеть.

— У меня в планах заставить тебе еще и покричать. Но я жду продолжения.

— Не совсем... насытилась... тобой... — по словам выговорила она.

Несмотря на недавний оргазм, Макс действительно снова возбуждился. Вернее, возбуждился он еще когда кончала Габриэль.

— Признайся, ты просто хочешь оттянуть момент исполнения наказания.

Он вошел в нее примерно наполовину. Габриэль закусил губу и блаженно улыбнулась.

— От тебя ничего не скрыть, — проговорила, продолжая улыбаться. — Но другого способа не получить по попе у меня нет. А этот мне очень понравился.

Второй раз был неторопливым и очень нежным. Много касаний, много взглядов, много поцелуев. Сначала Габриэль просто лежала на столе, позволяя максу делать с собой все, что тот захочет. Двигаться с той скоростью, с какой он захочет. Потом она села, откинулась на руки и, глядя ему в глаза, начала двигаться в ответ. А после Макс увлек ее обратно в кресло, где почти в точности повторился их относительно первый раз, в гостиной, с той лишь разницей, что теперь член Макса не остался без дела.

Она проснулась в постели, но не в своей комнате. Сонно щурясь, села, пытаюсь понять, который час. Окна оказались плотно зашторены, и не было ни одной щелочки, чтобы разглядеть время суток за окном. Эль осмотрелась: шкаф, стол, пара картин, серо-белые тона в отделке. Так, похоже, она в комнате Макса. А ведь собиралась встать пораньше. Даже будильник в телефоне завела, чтобы уйти до того, как все в доме проснутся. Долгие провода были совершенно ни к чему.

Но, похоже, все пошло насмарку.

А всему виной вчерашняя ночь.

Эль прикрыла глаза рукой, вспоминая — и отчаянно краснея. Они сделали это на столе? Господи, и это было так прекрасно, что одного отголоска памяти хватило, чтобы заставить ее сердце пуститься галопом.

Господи, она всего лишь собиралась попрощаться. Просто поставить красивую и яркую точку — и уйти. А в итоге он вымотал ее так, что она даже не помнила, как уснула.

Но, возможно, еще не поздно?

Эль откинула одеяло, попыталась встать, и поняла, что не может. Ногу что-то держало. Она сперва подумала, что это Робинзон, но нет — котяра спал рядом, и даже ухом не повел, когда она пошевелилась. Вот так: вчерашний бездомный джентльмен сегодня спит на шикарной постели с дизайнерским бельем. Эль не удержалась и почесала кот за ухом, и он тут же замурчал в ответ, вытянулся, будто желая показать, какой он большой. Котяра действительно казался гораздо больше, чем там, в Лондоне, подобранный в луже — отъелся,

распушился. Настоящий пуфик на лапах. Причем пуфик любопытный и общительный.

Но раз это не кот, то что тогда?

Эль села, присмотрелась. Ее нога за щиколотку была привязана к столбику кровати шелковой лентой. Привязана — громко сказано. Конечно, будь у нее желание, освободиться не составило бы труда. Но... как это понимать?

— Проснулась? — Макс, приоткрыв дверь плечом, боком пятился в комнату с подносом в руках. — Уже почти полдень, ты молодец спать.

Эль, вдруг осознав, что сидит совершенно голая, потянула на себя одеяло. Макс, водрузив свою ношу на прикроватный столик, сел на кровать и, перегнувшись через Эль, погладил Робинзона. Кот, сладко выгнувшись, растянулся еще сильнее.

— Представляешь, скребся ночью в дверь, пришлось пустить.

— Он, кажется, почти обжился, — ответила Эль, все еще пытаюсь собрать мысли в кучу.

— Скоро нас выселит спать на коврик, — шепотом сказал Макс, а Робинзон мяукнул, словно понимал, о чем речь.

Эль сглотнула. Нас?

— Пришлось тебя привязать, чтобы не наделала глупостей, — сказала Макс, распрямившись.

— Я и не собиралась. — Эль еще выше подобрала одеяло.

— Думаешь, раз мне тридцать, то я старый, глупый и слепой? — Он покачал головой. — И не видел, что ты придумала? И зачем вчера пришла?

Эль выдохнула. Ну, да, все же было очевидно, особенно после того, как она позорно сбежала от его попытки обсудить ее поступление. Просто ушла, даже не дав ему возможности что-то сказать. Боялась услышать его мягкие намеки, что пора бы ей выметаться за порог. А потом еще и это прощание. Она просто не могла уйти, не насладившись этим мужчиной еще раз. Идеальным мужчиной, которого любила сильнее, чем саму жизнь.

— Я не хочу тебя обременять. И мы договаривалась, что как только все прояснится...

— Одуванчик, не нужно мне напоминать то, что я и так прекрасно помню.

— Ну, мало ли.

— Значит, ты все-таки считаешь меня старым и тупым. — Он даже не скрывал, что наслаждается ее неловкостью. — На самом деле мне еще никогда так сильно не хотелось переложить тебя через колено и отшлепать. Чтобы ты на всю жизнь запомнила, почему говорить глупости болезненно для твоей хорошенькой пятой точки.

Эль просто молчала. А что ему говорить? Что она вконец растерялась? Не знает, что думать и говорить? Что ей меньше всего на свете хочется расставаться с ним, но эта сказка слишком хороша для девчонки из трейлера. И Марго, возможно, в какой-то степени была права, когда говорила, что это не может быть всерьез и надолго. Не потому, что Макс привык к другим отношениям, а потому, что они оба на разных полюсах.

— Понятия не имею, о чем ты сейчас думаешь, Одуванчик, но явно не о том, о чем нужно.

— Я думаю, что не могу и не хочу всю жизнь просидеть в тени твоего имени и твоих финансовых возможностей. — Эль втянула нижнюю губу, вспомнила их вчерашние жаркие поцелуи — и грустно выдохнула. — Ты — образец всего, что меня восхищает в людях, Максимилиан Ван Дорт. Ты умный, настойчивый. Ты сам себя сделал. Показал всему миру, на что способен острый ум и деловая хватка.

— Если бы я умел краснеть, то покраснел бы. — Он показал язык и, подвинув к ней Робинзона, растянулся рядом на постели. — Надеюсь то что мы снова в одной кровати не помешает ходу твоих мыслей? Видишь, я даже кота между нами положил.

— Хватит надо мной насмехаться! — разозлилась она. От стыда и от того, что одной лишь интонацией он снова вселил в нее надежду, что для них еще не все потеряно. Надежду, которой она накануне устроила пышные похороны.

— И в мыслях не было. — Веселые морщинки вокруг его глаз свидетельствовали об обратном.

— Я люблю тебя, Макс, но я не буду рыбой-прилипалой. Не буду паразитом, который к тебе присосался.

— Если ты о вчерашнем...

— Что ты за человек! — Чтобы скрыть смущение, Эль уткнулась лицом в подушку.

— Прости, Одуванчик. Если ты хотела поговорить о биологии, то я весь внимания.

— Да причем тут биология?

— Ну, как же. — Он принялся загибать пальцы. — Рыба-прилипала, паразит.

— Ты же понимаешь, о чем я. Просто зачем-то высмеиваешь.

— Я высмеиваю не тебя, Одуванчик. — Он перестал дурачиться, подпер голову кулаком. — Я высмеиваю предрассудки, которыми напичкана твоя светлая голова.

— Это не предрассудки. Это... правда.

— Правда то, что ты любишь меня. И правда, что я тоже люблю тебя. Остальное — предрассудки, страх и недоверие. И если первые два я готов тебе простить, то последнее меня, знаешь ли, задевает. Понятия не имею, чем заслужил такое недоверие, но неужели ты и правда думаешь, что я мудак, который так просто позволит тебе уйти?

Эль не думала. И с трудом понимала, что он говорит. Она впитывала слова, которые он произнес так запросто, как будто это была самая естественная и правильная вещь на свете.

— Ты меня... любишь? — Голос предательски дрогнул.

— Люблю. Почему тебя это удивляет?

— Потому что это... слишком даже для сказки.

— Ну, в таком случае, мисс писательница, тебе придется написать свою собственную сказку. Я, пожалуй, даже от посвящения не откажусь. Что скажешь: «Моему М.»?

— Ты меня разыгрываешь. — Она попыталась встать, но ни лента на щиколотке, ни Макс не дали этого сделать. Он поймал ее за запястье, заставил сесть. — Прости, Одуванчик, я просто чертовски нервничаю. Не каждый день приходится отговариваться любимую женщину не сбегать за тридевять земель. Да и в любви я признаваться не мастак.

— Если честно, то да, — не стала смягчать пилюлю она.

— Ну, вот, а я уже почти решился на второй дубль. — Он упал на подушку, посмотрел в потолок, рассеянно поглаживая кошачью спинку. — Я просто не хочу, чтобы ты уходила, Одуванчик. Ни в общежитие, ни на съемную квартиру. Никуда. Это какая-то ерунда. Почему надо куда-то идти только потому, что я — Макс Ван Дорт, и у меня есть деньги? Если бы я был простым парнем с заправки, ты бы осталась?

— Я не хочу, чтобы ты был золотым ключиком, который открывает передо мной все двери. В особенности те, о которые нужно лоб разбить. Иначе я перестану быть тебе интересна. Стану просто Эль, которая ломается от каждого чиха.

— Мне кажется, Габриэль, мы с тобой сейчас говорим о разных людях. Потому что мой Одуванчик доказал, что у него есть стержень. Ты сильнее многих, кого я знаю. У тебя есть

план на будущее, и я точно знаю, что там нет пункта «прожигать жизнь». Мы же можем найти способ жить друг с другом, я уверен. Все на поверхности лежит.

Его слова отчаянно рвали душу. Потому что, если на минутку прикрыть глаза и позволить себе оторваться от земли, то получалось, что Макс предлагает...

— Я никуда тебя не отпущу, Одуванчик. Для того и привязал.

— Ты сейчас говоришь об этой кровати или... вообще?

— В данный момент — вообще, но как только ты согласишься, то и из кровати не выпущу до конца дня. Завтрашнего. Или даже послезавтрашнего, если испортим все телефоны в доме.

Она прижала пальцы к закрытым глазам, надеясь спрятать слезы, но щеки уже были мокрыми. Это же Макс. Ее Макс. И он сказал, что любит.

— Торжественно клянусь, мисс Кромби, что не буду подавлять твое право самостоятельно набивать все шишки, проваливать экзамены и искать работу. Но надеюсь, обо всем этом узнавать первым. И, — он вскинул палец, — оставляю за собой право не давать советы, даже если ты будешь очень стараться их получить.

Эль яростно вытерла слезы — и просто упала на него сверху. Только рассмеялась, когда так и не смогла высвободить ногу.

— Крепко ты меня привязал, — сказала все еще дрожащим от счастья голосом.

— Замысловатым морским узлом, — посмеялся он. — Ночью гуглил, между прочим.

Она знала, что его веселье служит лишь одной цели — прогнать ее смущение.

— Ну, так что, Одуванчик? — Кажется, он волновался, ожидая ее ответа.

Была в этом какая-то запредельная магия: красивый, восхитительно умный и обаятельный мужчина — и вдруг ждет, что на его признание ответит сопливая девчонка в рваных джинсах. Вернее, в данный конкретный момент вообще без каких-либо джинсов — девчонка с голым задом, которая отчего-то уже не стеснялась своей наготы.

— Скажу, что я соврала насчет того, что не собираюсь к тебе прилипнуть. — Она обхватила его за шею и, обнажив все свое хрупкое счастье, поцеловала теперь уже своего Макса в уголок рта. Он улыбнулся и в ответ потерся носом об ее нос. — Я собираюсь сплести вокруг тебя большую ловушку, Макс Ван Дорт. Из которой тебе никогда не вырваться.

И сама удивилась смелости, с которой прозвучало это обещание без срока годности.

— Мне кажется, Габриэль Кромби, я уже давным-давно в твоей ловушке.

Пять лет спустя

— Робинзон! — Эль всплеснула руками, деланно нахмурилась. — Неужели во всем доме больше нет места, чтобы положить свою пушистую попу?

Кот приоткрыл один глаз, затем сладко зевнул и потянулся передними лапами. С места он не сдвинулся. Порядком отъевшийся, свернулся клубком на развернутом журнале, полностью погребя его под собой.

— Отдай! — потребовала Эль и попыталась вытащить журнал из-под котяры.

Тот приоткрыл второй глаз, лениво потянулся к рукам хозяйки лапой, изображая попытку поиграть. Когти он не выпускал, потому Эль потеребила пушистую лапу, затем погладила кота по голове. Тот перевернулся набок, громко замурлыкал, подставляя под ласку упитанное пузо.

Продолжая гладить котяру, Эль осторожно перекатила его на другой бок и медленно вытянула из-под него журнал. В последний момент, поняв подвох, Робинзон все же

попытался схватить его лапами, но было уже поздно.

— Справилась? — Макс стоял в дверях, подперев проем плечом. В последнее время он немного отпустил волосы и те, сейчас мокрые после душа, падали ему на лицо.

— Победа далась непросто, но я не сдалась, — гордо сообщила Эль, продемонстрировав трофей.

— Как и всегда, — улыбнулся Макс.

— Иди сюда, — глаза Эль сверкали нетерпением.

Макс прошел к дивану, бросил взгляд на кота, который, лишившись своей подстилки, сидел с самым несчастным видом, будто спать ему в огромном доме было действительно больше негде.

— Не грусти, хвостатый, обещаю вкусную компенсацию за неудобства.

Робинзон с заметным воодушевлением посмотрел на хозяина, облизнулся.

— Спелись, — посетовала Эль и плюхнулась на диван.

Макс сел рядом.

— Смотри...

Девушка переложила ему на колени журнал.

Длинное интервью начиналось фотографией самой Эль, где она, улыбаясь, сидела в окружении стопок своей книги. Не просто книги, а бестселлера, за несколько месяцев разлетевшегося миллионным тиражом.

— Ты знаешь, я никогда в тебе не сомневался, — Макс обнял Эль, поцеловал ее в макушку. — Даже когда кое-кто собирался повесить нос и сдаться.

— Знаю. И только благодаря тебе эта книга была завершена.

— Неправда, небольшая помощь — это ерунда. Вспомни, как сидела по ночам. Как училась, ни на что не обращая внимания. Тебя и в постель было не загнать. Упорство — вот по-настоящему движущая сила.

— Но ты все равно загонял, — Эль подняла на него взгляд, хитро улыбнулась.

— Сексом и развратом.

— Коварно, но действенно.

— А что оставалось делать? Но теперь-то все позади... Диплом у тебя на руках.

— Все, теперь ни секса, ни разврата не ждать? — тяжело вздохнула Эль.

— Да, только глубокие беседы и...

— Глубокие... — зажмурилась Эль. — И мокрые...

— Ай-ай-ай, Габриэль, и что у вас только в голове? — Макс несильно щелкнул ее по носу.

Эль поморщилась.

— Что надо в голове, — показала ему язык. — Но это еще не все. Листай дальше. Еще дальше... Еще... Стоп.

Она смотрела на него, закусив губу, с явной гордостью.

— О, а вот это уже лишнее, — сказал Макс.

— Ничего не лишнее. Максимилиан Ван Дорт удвоил свою чистую прибыль в сравнении с предыдущим годом.

— Деньги делают деньги, — отмахнулся тот. — Тоже мне достижение.

— Скромняга какой.

— Это все для тебя, — серьезно сказал Макс. Затем чуть помедлил, положил ладонь на заметно округлившийся живот Эль. — Для вас.

- Тогда уж для нас всех, — ладонь Эль легла поверх его. — Чего ты в кусты прячешься?
- Ты уже решила, в каких тонах хочешь детскую?
- У меня есть пара идей, но они требуют твоего одобрения.
- Я весь...

Его слова прервало бесцеремонное вторжение Робинзона. Котяра просунул морду у него подмышкой, мяукнул и полез дальше, явно намереваясь обосноваться у Макса на коленях.

— Он решил, что мы про него забыли, — усмехнулась Эль.

— Забудешь про такого. На тебя, хвостатый, основная часть расходов и идет. Я меньше ем, чем ты.

— Хорошего кота должно быть много, — разулыбалась его Эль.

— Я люблю тебя. — Макс притянул ее к себе. — Спасибо, что появилась в моей жизни.

— И я тебя люблю. Спасибо, что позволил принести в твою жизнь немного глупости.

— Так что с детской? Мы с хвостатым все внимание...

Больше книг на сайте — Knigolub.net